

Н. Нозиков

РУССКИЕ КРУГОСВЕТНЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

*Под редакцией и с вступительной статьей
М. А. Сергеева*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СССР**

Москва 1941 Ленинград

Книга „Русские кругосветные мореплаватели“ рассчитана на массового читателя. Материал, помещенный в книге, интересен в том отношении, что дает возможность читателю познакомиться не только с характеристикой первых русских кругосветных мореплавателей и их маршрутом плавания, но также знакомит читателя с природными богатствами, климатическими условиями, бытом и нравами людей отдельных частей земного шара.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КРУГОСВЕТНЫЕ ПЛАВАНИЯ

Кадры русского военного флота насчитывают много славных имен военных моряков. Имена эти вошли в историю благодаря высокой воинской доблести их носителей, горячей любви к родине, крупнейшим заслугам в области науки и искусства мореплавания.

К выдающимся деятелям русского дореволюционного флота принадлежат и первые кругосветные мореплаватели: И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, В. М. Головнин, Ф. П. Литке и др., открывшие своими плаваниями на заре XIX в. новую страницу в истории флота.

Первые кругосветные плавания русских тесно связаны с деятельностью Российско-американской компании, образование которой было вызвано, в свою очередь, громадным расширением владений России на Тихом океане во второй половине XVIII в.

В 1682 г. был основан Якутский острог, и отсюда началось дальнейшее продвижение русских на окраины Азии – в Колымский край и на Охотское побережье, на Чукотку и Камчатку. К началу XVIII в. все эти земли были уже владениями России.

Завоевание Камчатки (1696–1699) послужило непосредственной причиной развития отечественного мореплавания в тихоокеанских водах.

Богатства новых владений, непосредственная близость их к соседним тихоокеанским странам – Японии и Америке, интересы географической науки – вызывают посылку первых крупных правительственных экспедиций в воды Восточного океана: Большого камчатского наряда (1716–1720 гг.), Первой и Второй беринговых экспедиций (1725–1730 гг. и 1733–1743 гг.), Чукотской экспедиции Шестакова (1727–1732 гг.) и др.

Непосредственным результатом многочисленных открытий беринговых экспедиций было новое расширение российских владений на Тихом океане и водворение русских на побережьях американского материка.

Нахлынувшими в Восточный океан, по следам Беринга и Чирикова, русскими промышленниками были открыты вся Алеутская гряда (острова Ближние, Крысьи, Андреановские, Лисьи), острова, прилегающие к Аляске (Шумагинские, Кадьяк), и посещен ряд пунктов материкового побережья Америки (губа Чугацкая, пролив Исанахский). В 80-х годах XVIII в. на северо-западном побережье Америки появляется уже несколько постоянных русских поселений.

3

К этому времени относится начало деятельности будущего основателя Российско-американской компании Григория Ивановича Шелехова. На Дальнем Востоке он появляется впервые в 1776 г. и участвует с тех пор во всех крупных экспедициях на восточные острова.

В 1781 г. Шелехов, его компаньон купец И. Л. Голиков и моряк М. С. Голиков организуют постоянную компанию для эксплуатации островов возле Аляски, в первую очередь острова Кадьяк, где, по слухам, были большие пушные богатства. На гальюте «Три святителя» отправился в плавание и сам Шелехов. Во время трехлетнего путешествия он перезимовал на острове Беринга, побывал на острове Уналашка, прожил два года на Кадьяке и положил начало русскому заселению дальнеалаяскинских островов. Остров Кадьяк стал на два десятилетия (1784–1804 гг.) главным центром новых русских владений на Тихом океане. Тогда же Шелехов осмотрел противоположные берега Аляски, соседние острова и Кенайский залив и соорудил первые укрепления на островах Кадьяк и Афогнак. Начальник новой колонии Деларов основал поселения на побережье Кенайского залива и отправил штурманов Бочарова и Измайлова для обозрения и описания северо-западных берегов Америки (1788–1791 гг.). Ими была произведена опись побережья от Чугацкого залива до бухты Льтуа и составлена подробная карта. Следующий правитель кадьякской колонии Баранов выстроил первое судно на берегах Америки, организовал новые промыслы в Чугацком заливе и основал поселение уже на американском материке, в заливе Якутат.¹

В 1790 г. Шелехов организует две компании: «Северо-восточную» и «Предтеченскую», в следующем году – «Уналашканскую» и в 1794 г. – «Объединенную североамериканскую». В 1797 г., уже после смерти самого Шелехова, его предприятия объединяются с некоторыми конкурентами в одну «Соединенную американскую компанию», которая переименовывается вскоре в известную в истории «Российско-американскую компанию».

2

Создание мощной монопольной компании не только удовлетворяло интересы крупных предпринимателей, но и разрешало другую большой государственной важности задачу – фактического закрепления за Россией открытых на Тихом океане земель. В это время на Дальнем Востоке особенно сталкивались интересы России и Англии. Англичане развивали усиленную деятельность на Тихом океане и пытались

хозяйничать в новых российских колониях. Дипломатические попытки России прекратить английское хищничество в Русской Америке были безуспешны. Англичане начали приписыв-

---

¹ Залив Якутат расположен на американском берегу под 58°46' сев. шир., в районе горы Св. Илии. Английские мореплаватели Кук и Ванкувер приняли его ошибочно за место, где приставал 20 июля 1741 г. Беринг, и назвали его поэтому заливом Беринга.

4

вать себе русские открытия на Дальнем Востоке. Так, известный мореплаватель Кук при плавании в северных водах Тихого океана давал различным посещенным пунктам английские названия, хотя многие из них давно были открыты русскими, и там уже были русские селения.

В самом конце XVIII в., после обострения отношений с Англией на Ближнем Востоке и разрыва с нею, русское правительство санкционирует образование полуправительственной, участвующей Российско-американской компании. Не желая выступать официально, правительство создало сильное монопольное объединение, которое могло бы противостоять конкуренции других держав на Дальнем Востоке. По замыслу правительства и руководителей Российско-американской компании деятельность ее не должна была ограничиваться уже занятыми островами и побережьем американского материка: предусматривалось значительное расширение владений на Тихом океане. На компанию было возложено управление всеми землями, с правом содержания там военных сил, возведения укреплений, обзаведения морским флотом и производства внешней торговли с соседними странами.

В последующие шестьдесят лет Российско-американская компания развилась в грандиозное коммерческо-политическое предприятие, просуществовавшее до продажи США всех территорий Русской Америки.

Главная деятельность Российско-американской компании свелась к торговле. Предметами вывоза служили пушнина, древесина, китовый ус, бобровая струя, табак, моржовый клык, свечи, воск и т. д.. Ввозились пшеница, бобы, масло, сало, мясо, ячмень, соль, кожа, мыло, спиртные напитки и пр. Оживленные торговые операции велись, помимо метрополии, со многими тихоокеанскими и другими странами – Калифорнией, Чили, Гавайскими островами, Канадой, США, Китаем, Англией, Персией, Турцией.

В ближайшие годы начались попытки дальнейшего расширения российских владений в Америке. В 1804 г. создается на острове Ситха (Баранова) новый центр управления всеми колониями – Новоархангельский порт. К этому времени от Кадьяка до Ситхи было уже 13 русских поселений. Затем начинается проникновение в Калифорнию. В 1812 г. под 38° 33' северной широты, недалеко от залива Сан-Франциско, появляется на реке Славянка новая колония Росс. Это был самый южный пункт российских владений в Америке.

Компания развивает строительство во временных и постоянных селениях промышленников на островах и американском побережье. Появляются крепости Павловская, Георгиевская, Александровская, Николаевская, Симеоновская, Воскресенская. Создаются сравнительно крупные центры – Кадьяк с крепостью и судостроительной верфью, Ситха тоже с крепостью и верфью, Уналашка с Капитанской гаванью, Росс с укреплениями, мастерскими, кожевенным заводом, мельницей.

«Состоявшая под высочайшим покровительством компания» была совершенно бесконтрольна в своих действиях. В делах ее были заинтересованы крупнейшие государственные деятели эпохи.

5

В высших органах управления компании участвовали министры, члены государственного совета, крупные сановники. Наблюдалось полное сращивание верхушки предприятия с правящими кругами.

Все хозяйство в колониях было построено на зверской эксплуатации рабочей силы

– русских вольнонаемных промышленников и местного туземного населения. Наем на срок вольнонаемных промышленников превращался в бессрочную, пожизненную работу в колониях, откуда они были лишены возможности выбраться. Капитан Крузенштерн описывал их положение следующим образом: «Живут они в юртах, т. е. в подземных, весьма вредных жилищах, и терпят такой же недостаток в здоровой пище, как и на море. Даже соли, сей необходимейшей приправы явств наших, часто у них не бывает. Хлеб, хотя им и дается, но, по трудному доставлению оно, в весьма малом количестве, в одном только горячем вине не имеют они недостатка».

Еще хуже было положение туземного населения, особенно алеутов (унанганов к др.) и эскимосов. Отсутствие каких-либо правовых норм и контроля порождали исключительно жестокое обращение с ними.

Тяжелая экономическая кабала сопровождалась постоянными насилиями над личностью туземцев: принудительным переселением их в интересах компании с одних островов на другие, избиениями, обидами женщин и т. п.

Естественным результатом такого положения были многочисленные восстания туземцев, в которых участвовали иногда и русские промышленники, разгромы укрепленных пунктов колоний и пр., продолжавшиеся почти до самого конца существования Российско-американской компании. Восстания эти подавлялись с исключительной жестокостью, колонии были залиты кровью, численность туземного населения резко упала, наступило «опустение» многих островов.

Российско-американская компания просуществовала около 70 лет (1799–1867 гг.). После Крымской войны, которая «показала гнилость и бессилие крепостной России»,¹ судьба колоний была уже предрешена.

В 1867 г. вся Аляска² и почти все тихоокеанские острова – Прибылова, Алеутская гряда (острова Ближние, Крысьи, Андреяновские, Лисьи), острова Шумагинские, Евдокеевские, Кадьяк и др. – были проданы за 7200 тыс. американских долларов (11 млн. руб.). Продажа эта (по 4, 7 цента за гектар) – самая дешевая из известных истории земельных сделок.

Потеря Русской Америки, освоение которой потребовало немало жертв и средств, была одной из многочисленных расплат царской России за ее всестороннюю отсталость. «За отсталость военную,

---

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.

² Аляска – северо-западная часть США, включающая и одноименный полуостров, расположена между 130° западной и 173° восточной долготы и между 51° и 72° северной широты. По размерам своей территории (1 530 800 км²) составляет пятую часть всей территории США.

6

за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную».¹

3

Но деятельность Российско-американской компании имела и большое прогрессивное значение в истории Дальнего Востока. Она содействовала проникновению русского народа на далекие северо-восточные окраины Азии и в северо-западную часть Америки. В глухие, чрезвычайно отсталые районы проникали новые формы производства, развивались разделение труда и обмен, создавались новые типы хозяйства, быта, культуры. Русские несли не вышедшим из стадии родовых отношений туземным племенам новую, высшую культуру. Закладывались прочные основы культурного влияния и мощи великой русской народности на современных форпостах Страны Советов на Тихом океане.

Непосредственно с деятельностью Российско-американской компании связано громадное развитие отечественного мореплавания в тихоокеанских водах.

Прежде всего в этом отношении следует отметить значительный рост дальневосточного флота и увеличение тоннажа его судов. Ко времени образования

компании в охотской флотилии было 4 гальйота и 1 фрегат, сооруженный еще Барановым на американском побережье. К 1820 г. новый флот Российско-американской компании состоял из 32 судов разного типа и тоннажа. Накануне ликвидации у компании было 14 больших, хорошо оборудованных пароходов и несколько десятков паровых и парусных судов.

Далее следует указать на появление на Тихом океане, в связи с деятельностью компании, высококвалифицированных кадров моряков. Еще до официального учреждения компании на Дальний Восток были командированы из Петербурга штурманские офицеры для организации мореплавания и судостроения. В ближайшие годы новые большие плавания в азиатско-американских водах на новых крупных судах потребовали опытных, знающих свое дело моряков. В России такие моряки были тогда только в военном флоте.

Со времени учреждения Российско-американской компании все наиболее крупные плавания в тихоокеанских водах связаны уже так или иначе с ее деятельностью, а суда, участвовавшие в этих плаваниях, укомплектовывались преимущественно военными моряками. На службу в колонии переходили, естественно, наиболее энергичные, активные флотские офицеры, сильно двинувшие вперед развитие мореплавания на Тихом океане. Они были командирами судов; начальниками многочисленных экспедиций, организаторами судостроения и судоходства.

Развитие тихоокеанского флота и мореплавания сопровождалось оживленными рейсами между азиатскими и американскими портами. Безопасность плавания увеличивалась, происходили исследования навигационной обстановки Тихого океана, многочисленные описания

---

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, издание 10-е, стр. 445.

7

его побережий, различные научные изыскания. Все это обогащало опыт русских моряков и не только отечественную, но и мировую науку новыми знаниями о Восточном океане и его странах.

4

Громадная роль Российско-американской компании в истории русского мореплавания выразилась и в организации первых кругосветных плаваний. Старые пути сообщения с Дальним Востоком через Сибирь, Якутск и Охотск были очень длительны, дороги и тяжелы.

Первое кругосветное плавание русских моряков состоялось в 1803-1806 гг. под командованием капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Экспедиция открыла собою целую серию отечественных кругосветных плаваний. С 1815 г. такие плавания совершались почти ежегодно. Всего за период 1803- 1849 гг. состоялось 36 русских кругосветных плаваний. Большинство из них повторяли маршрут Крузенштерна и Лисянского вокруг берегов Америки (мыса Горн). Многие командиры - участники этих экспедиций - совершили по несколько кругосветных плаваний: Беллинсгаузен, Головнин, Дохтуров, Понафидин и Хромченко - по два, Гатемейстер, Коцебу и Лазарев - по три плавания.

Россия заняла в это время в дальнем мореплавании и научном исследовании океанов место Англии и Франции. Кругосветные плавания продолжались очень долго (не менее двух, иногда свыше трех лет) и сопряжены были с немалыми опасностями и жертвами. Во второй половине XIX в., когда парусные суда сменились паровыми, кругосветные плавания перестали быть опасными и сделались обычным явлением.

Выдающимися по своему всестороннему значению из первых отечественных кругосветных мореплаваний были путешествия Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Литке, Беллинсгаузена и Коцебу.

5

Результаты кругосветных плаваний занимают важнейшее место, в первую очередь в области географических открытий XIX в., особенно в водах Тихого океана и Антарктики. Следует отметить, что многие из этих открытий были совершены русскими мореплавателями в таких акваториях, где, казалось, не могло уже быть после английских и французских плаваний никаких новых земель. Важнейшие из этих открытий следующие:

Лейтенантом О. Е. Коцебу в его первое путешествие в 1815–1818 гг. на бриге «Рюрик» было открыто несколько групп островов в Тихом океане, в районе острова Пасхи. Острова эти получили название в честь Румянцева, Спиридова, Крузенштерна и других деятелей. Во второе плавание Коцебу на военном шлюпе «Предприятие» в 1823–1826 гг. в южноамериканских водах были открыты остров Предприятие (в архипелаге Низменный) и острова Беллинс-

8

гаузена, Кордюкова, Римского-Корсакова и Эшшольца (последние два в гряде Ралик).

Лейтенант З. И. Понафидин на корабле «Бородино» открыл в плавание 1819–1821 гг. в тропических водах острова Бородино и Понафидина (иначе Св. Петра).

В 1819–1822 гг. состоялась известная антарктическая экспедиция капитана Ф. Ф. Беллинсгаузена (военный шлюп «Восток») и лейтенанта М. П. Лазарева (военный шлюп «Мирный»). Экспедиция эта спустилась до 70° южной широты, проникла в совершенно новые области и совершила много открытий. В тропических водах Тихого океана, между Новой Зеландией и Таити, был открыт большой архипелаг Русские острова; острова получили название в честь отдельных деятелей эпохи (Волконского, Кутузова, Раевского, Суворова, Чичагова и др.). В южных полярных водах открыта громадная земля Петра I и земля Александра I (Антарктический материк), в районе Новой Шотландии открыты острова, названные в честь крупных сражений: Бородино, Мало-Ярославец, Смоленск и др. Всего этой экспедицией было открыто 29 островов и 1 коралловая мель.

Капитан-лейтенантами Ф. П. Литке и М. Н. Станюковичем были открыты в 1826–1829 гг. на военных шлюпах «Сенявин» и «Моллер» большой архипелаг Сенявина (в южных водах), 12 групп островов в Коралловой группе и пролив Сенявина (на Чукотке).

В 1828–1830 гг. капитан-лейтенант Л. В. Гагемейстер открыл во время своего третьего кругосветного плавания на военном шлюпе «Кроткий» две новые большие группы островов в Маршал-ловом архипелаге.

Капитан-лейтенант В. С. Хромченко открыл в плавание 1828–1831 гг. на корабле «Елена» острова Левендаля, а капитан-лейтенант И. И. Шанц на военном транспорте «Америка» в 1834–1836 гг. – группу из 13 обитаемых островов в архипелаге Маршалла.

Кругосветные экспедиции разрешили много неясностей в старой географической науке. Были опровергнуты многочисленные иностранные «открытия» различных мифических островов, преимущественно в южных водах Тихого океана (Денстера, Св. Варфоломея, Колунас, Mario Lazaro и др.).

Первое кругосветное плавание Крузенштерна положило начало новой науке – океанографии. В течение всего этого плавания производились наблюдения над морскими течениями, температурой и плотностью воды на разных глубинах (до 400 м), над приливами и отливами и колебаниями барометра. До Крузенштерна никто не делал таких наблюдений, и русским морякам принадлежит, таким образом, почин в этом отношении.

Большие астрономические и метеорологические работы выполнены экспедицией Литке. Литке поставил наблюдения над часовыми колебаниями маятника на 30° к югу и к северу от экватора, над приливно-отливными течениями в Атлантическом и Тихом океанах. Наблюдения его над магнитной стрелкой и над качанием постоянного маятника имели громадное значение для определения

9

величины сжатия земного шара и легли в основу многочисленных работ последующих

исследователей.

Благодаря участию в русских кругосветных плаваниях многих видных ученых мировая наука обогатилась материалом по различным отраслям знания относительно совершенно не изученных до тех пор стран. Так, в результате работ той же экспедиции Литке, появилось первое научное описание острова Карагинский, принадлежавшего России уже более ста лет, но совсем не исследованного.

Крузенштерном сделана морская съемка берегов Японии, острова Иессо, восточного Сахалина и северных Курильских островов. Коцебу произвел опись островов Аракчеева и района современного мыса Дежнева, съемку бухты Матовой и Мутуа (остров Таити) и др. Капитан Станюкович сделал описи побережий Аляски и многочисленных островов Алеутской гряды. Литке описал в северных тихоокеанских водах все главнейшие пункты Камчатского побережья от Авачинской губы до Карагинского острова, Чукотское побережье от устья Анадыря до мыса Дежнева, острова Большой и Малый Карагинский и Св. Матвея, залив Креста; в южной части Тихого океана им описано 26 групп и много отдельных островов. Капитан Гагемейстер произвел опись острова Эшшольца, Хромченко, группы Маршалла и т. д.

Со времени этих кругосветных экспедиций искусство дальнего мореплавания становится уже на прочную научную основу и делается гораздо безопаснее даже на парусных судах. В результате крепнут морские связи России с Тихим океаном, значительно развивается внешняя торговля.

Первые отечественные кругосветные плавания сыграли большую роль в развитии еще одной отрасли знания - этнографии. Материалы, собранные экспедициями, представляют до настоящего времени огромную ценность для изучения первобытных народов северной части Тихого океана и Океании, народов, не вышедших по своему культурному уровню из высшей ступени дикости.

Русские мореплаватели наблюдали у этих народов различные стадии родовых отношений, этого первого общественного строя в истории человечества. Богатые этнографические коллекции, собранные путешественниками, и опубликованные ими наблюдения послужили ценным источником для последующего изучения так называемых отсталых народностей. Следует подчеркнуть исключительную точность, объективность и наблюдательность мореплавателей. Другое дело приводимые ими объяснения тех или иных поразивших их фактов из области первобытнообщинных отношений: они далеко не всегда верны, часто наивны - стоят на уровне знаний той эпохи, когда еще отсутствовали первые классические труды, заложившие основы научной этнографии.¹

Особенно большую ценность представляют в этом отношении труды Крузенштерна и Литке. Крузенштерн оставил подробное

---

¹ Здесь имеются в виду труды Моргана «Древнее общество» и др. и Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана» и др.

этнографическое описание населения островов Нукагива и Сандвичевых, Камчатки и Русской Америки. Острова Океании (Ново-Гебридские и др.) не были посещены ни одним европейцем со времени открытия их Куком. Русские мореплаватели, первые после длительного перерыва, наблюдали первобытную жизнь населения этих островов во всей ее неприкосновенности. Литке дал замечательное описание населения Каролинских островов, малайцев и папуасов. В трудах Крузенштерна и Литке мы находим широкую картину хозяйства, всей материальной культуры, семейных, имущественных, общественных отношений этих народов. Туземцы южных тихоокеанских островов еще совершенно не соприкасались с внешней высшей культурой. Они добывали еще огонь трением, не знали - жители моря - пользования парусами, жили в групповом браке, этой первой форме человеческой семьи. Путешественникам удалось наблюдать начатки парного брака, патриархальную семью в ее первой стадии, первобытное анимистическое мировоззрение и пр. и пр.

Памятниками мореплавания, прославивших Россию и поднявших отечественное мореходство на новую высоту, служат многочисленные русские названия, разбросанные в различных пунктах земного шара. Сохранились в самых разнообразных

уголках света и имена самих мореплавателей.

Воспоминанием о Крузенштерне служат названия пролива, заливов, мысов, гор, опасных подводных скал Великого океана.

В честь Головнина названы мыс на юго-восточном берегу Русской Америки, пролив между Курильскими островами, гора на Новой Земле.

Имя Литке носят мысы в Охотском море и в Амурском заливе, пролив около Карагинского острова, мыс в проливе Беринга, остров на Северном Ледовитом океане и т. д.

6

Своими выдающимися, получившими мировое признание успехами отечественные кругосветные мореплаватели обязаны, в первую очередь, высоким достоинствам своих начальников-командиров.

В жизненном пути, судьбах и личностях великих мореплавателей – Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Литке – нетрудно подметить много общих черт.

С ранней юности они приобретали привычку к морю. Еще в кадетской школе они проходили морскую практику в учебных плаваниях. После окончания корпуса они отправлялись обычно для усовершенствования в морском деле в английский флот, считавшийся тогда наиболее передовым по своей культуре. Волонтерами этого флота они в течение 5–6 лет подряд находились в дальних плаваниях и часто участвовали в военных действиях. Будущие мореплаватели формировались в эпоху многочисленных морских войн – Англии с Францией, России с Швецией, Францией, Англией и некоторым из них пришлось прямо со школьной скамьи попасть в сражения. Так, свое боевое крещение Лисянский получил в 15, Крузенштерн в 19 лет.

11

После возвращения из иностранного флота они снова отправлялись в плавание уже на отечественных судах и вскоре получали самостоятельное командование. Море становилось второю родною стихией будущих кругосветных мореплавателей. Лучшие годы своей жизни они отдали исследованиям далеких морей и стран.

Суровое воспитание в кадетском корпусе, жесткая дисциплина, труды и лишения, которые приходилось им переносить с детства, приобретенная в юности боевая закалка – формировали характер мореплавателей. У них складывались твердая воля, упорство в преодолении препятствий, исключительная настойчивость в преследовании поставленной цели, мужество, постоянная готовность к подвигу. В минуты опасности, встречаемой часто и в военных действиях и в больших плаваниях, они проявляли неизменно бесстрашие и решительность, но одновременно выдержку и хладнокровие. Крузенштерн, попав в первый жесточайший тайфун в Японском море, обнаружил большую находчивость и умение найти немедленный выход из губительного положения. Он, конечно, рисковал при маневрировании судна, но риск этот был необходим, и в основе его лежал твердый расчет. Те же черты находчивости без промедления, изобретательности в тяжелом положении и наряду с этим хладнокровия и обдуманного расчета проявили, например, Головнин при бегстве его из английского плена на мысе Доброй Надежды и Лисянский при осаде Ситхинской крепости или при посадке «Невы» на коралловые рифы.

Этим выдающимся русским морякам были особенно дороги честь и достоинство родного военного флота. Любовь к морю, любовь к морской службе, любовь к своему кораблю пронизывает всю деятельность мореплавателей. Характерно в этом отношении слово Литке к экипажу 26 июля 1826 г. при отплытии в кругосветное плавание: «Помните, что мы идем в кругосветный вояж, что за нами далеко и надолго останется Россия, что с флагом нашим на «Сенявине» мы несем славу, честь, величие и гордость дорогой родины. И я уверен, что вы высоко будете держать честь нашего военного флота ...» Лисянский, совершивший первый безостановочный переход от мыса Доброй Надежды в Англию, объяснял свое решение осуществить его уверенностью, что «столь отважное предприятие доставит нам большую честь; еще ни один мореплаватель, подобный нам, не отваживался на столь дальний путь, не заходя куда-нибудь для отдыха ... Мы получили возможность доказать всему свету,

что мы заслуживаем в полной мере доверие, которое нам оказывали».

Многочисленные наблюдения во время службы в иностранном флоте и заграничных путешествий приводили мореплавателей к невыгодным для отечественного флота сравнениям. Отсюда рождалось упорное стремление поднять его на должную высоту. Многие нововведения в порядках и организации морского дела, в подготовке кадров военных моряков и пр. появились только в результате настойчивой борьбы путешественников. В укреплении обороноспособности русского флота они сыграли громадную роль.

12

Не менее велики, заслуги мореплавателей в ответственном деле создания русских военно-морских кадров. Крузенштерн за время своего 16-летнего директорства Морским корпусом произвел коренные изменения в постановке образования и воспитания. Педагогический состав корпуса был совершенно обновлен за счет лучших преподавателей столицы. Большое место в учении заняла производственная практика – летние учебные плавания. При корпусе были организованы обширный музей, библиотека, физический кабинет и астрономическая обсерватория. Будущие командиры начали получать всестороннее и глубокое образование. Основаны были для высшей квалификации офицерские морские классы, реорганизованные впоследствии в Морскую академию.

Первые кругосветные мореплаватели были не только выдающимися моряками, но и передовыми деятелями эпохи. Своими взглядами они далеко опередили свой век. Мундир офицера царского флота не мешал им говорить о больших недостатках не только в военном флоте, но и в общем состоянии страны. Отличаясь широким кругозором, они исходили в своей деятельности из интересов родины и русского народа. Труды и специальные докладные записки мореплавателей содержат резкую оценку тех или иных сторон правительственной деятельности и ставят многие вопросы большой государственной важности: о развитии отечественного флота и мореплавания, о новых морских путях российской торговли, о необходимости коренного изменения в положении восточных окраин и т. д.

Проект Крузенштерна об организации кругосветных плаваний мотивировал ее необходимостью интересами преодоления отсталости русского флота в дальнем мореходстве, развитием морских связей и торговли России с Америкой, Индией и восточными владениями. Другая записка его сенату, после возвращения из экспедиции, содержит широкую объективную критику положения в восточных колониях и указания на необходимые перемены.

Аналогичны и работы Головнина. Характерны в этом отношении записки его о сравнительном состоянии русского и английского флотов, о Камчатке и Русской Америке. Головнин внимательно в течение двух лет (1809–1811 гг.) ознакомился с положением населения и с порядками управления на дальневосточных окраинах. В результате появились большие, представляющие крупный исторический интерес записки о тихоокеанских владениях России. Автор отмечает крупные «недостатки, проистекающие от предоставления в руки частной монополии громадной территории». Далее он указывает на «вражду диких, вызванную беззаконием компанейских управителей и подогретую американскими охотниками-хищниками», и на необходимость защиты колоний от этих хищников. Головнин приводит при этом статистику «дел» американских кораблей в русских водах: незаконного производства промыслов, контрабандной торговли, снабжения туземцев оружием против русских. Устанавливая бесспорную принадлежность России американских колоний по праву первооткрытия и первозаселения, он едко издевается над «открытиями» иностранцев – англичан в русских водах. Одним из

13

практических результатов записки Головнина была организация первого крейсерства русских судов на Тихом океане.

Передовые деятели своего времени, кругосветные мореплаватели были гуманными людьми в лучшем смысле этого слова. Гуманность эта проявлялась в равной мере в

отношении их к «простому», трудовому народу, и к представителям этого народа во флоте – «нижним чинам», и к различным «дикарям» – туземцам Тихого океана, с которыми соприкасались моряки в своих кругосветных плаваниях.

Описания путешественников рисуют правдиво и беспристрастно положение народов посещенных ими стран. Говоря, например, о Канарских островах, Крузенштерн отмечает ужасы и гнет инквизиции и тяжелое положение народа – его «всеобщую бедность».

Может быть, нигде в дореволюционной военной среде не было так сильно деление служивших одному делу и совместно живших людей на белую и черную кость, как во флоте. Именно там свирепствовала наиболее жестокая дисциплина, поддерживаемая постоянной поркой. Литке, Лисянский, Крузенштерн, Головин оказались и в этом отношении, несмотря на царившие в начале XIX в. нравы, несравненно выше своего времени.

Очень показательны в этом отношении «взгляды на дисциплинарные взыскания», высказанные Литке офицерам «Сенявина» при отплытии в кругосветное путешествие.

Апеллируя к «образованности и воспитанности» своих офицеров, он просил их «быть просвещенными и гуманными начальниками» и «обойтись без рукоприкладства и телесных наказаний». Он указывал, что, не взирая на существующий морской дисциплинарный устав, «по причине культурного развития и прогресса идей человечества лучше не пользоваться буквою старого закона». Литке советовал применять к команде «культурные меры воздействия, кои несомненно принесут более пользы службе, нежели грубые и унижающие человека наказания».

В заключение он выражал уверенность, что культурным, гуманным обращением с подчиненными «мы достигнем более хороших результатов, чем пользуясь линьками и розгами».

Неправилен был бы вывод о низкой дисциплине на судах, возглавляемых этими мореплавателями. Воспоминания современников да и самые описания плавания свидетельствуют об образцовом порядке и высокой дисциплинированности, царивших всегда на кораблях. «Уменьше начальствования» было в сильной степени присуще командирам. Все они отличались большой строгостью и требовательностью, но были одновременно справедливы и человечны в своем отношении к командам.

Многочисленные страницы путешествий показывают постоянную заботу командиров о своей команде. На первом месте, и при подготовке к экспедиции и в плавании, стояла всегда забота о физическом состоянии, о здоровье матросов. Качество пищевых продуктов было исключительно высоким, вряд ли царский флот, кормивший спустя 100 лет людей червивыми щами, видел когда-либо лучшее питание. Всегда были налицо различные средства борьбы

14

с цынгой, этим бичом дореволюционных дальних плаваний. Использовалась малейшая возможность снабжения судна свежими, новыми и разнообразными припасами.

Жизнь на кораблях, казалось бы, однообразно утомительная в дальних плаваниях, была всегда наполнена разумным трудом, постоянной учебой и воспитанием людей. На зимовках происходили строевые учения, такелажные работы, обучение грамоте и арифметике, охота, рыбная ловля, лыжный спорт. Много внимания уделяли командиры развлечениям, справедливо считая, что разумный отдых отражается непосредственно на состоянии настроения и здоровья матросов, а тем самым и на исполнении служебных обязанностей. На заграничных стоянках команду знакомили всегда с иностранной культурой.

Еще более поразительно в условиях жестокой дореволюционной эпохи, да еще начала XIX в., отношение мореплавателей к туземным племенам Тихого океана.

Подавляющая масса зарубежной литературы, а равно и отечественной дореволюционной, повествующей о первобытных народностях, отличается ярко выраженным шовинизмом, грубым высокомерием и презрением к дикарям, сознанием своего расового превосходства над ними. Отсюда вытекали, естественно, и полное непонимание культуры, мировоззрения, психологии этих народностей и жестокое отношение к ним.

Резким исключением и в этой области являются кругосветные мореплаватели, и

тут опередившие свой век. Они стоят в этом отношении на одном уровне с такими выдающимися путешественниками-исследователями, как Миклуха-Маклай.

Труды мореплавателей содержат богатейший материал для характеристики колониального положения тихоокеанских туземных племен начала XIX в. Литке, дважды побывавший на Марианских островах, нашел там громадные перемены к худшему за десятилетнее испанское хозяйничанье на островах. Давая резкую критику испанских порядков в колониях, описывая жестокую эксплуатацию каролинцев, в частности принудительный труд, автор замечает: «Для удержания их употребляют, может быть, и не всегда чистые средства, такие, к каким и везде капиталы прибегают, чтобы закабалить рабочих».

Другие мореплаватели – Головнин и Крузенштерн – дали уничтожающую оценку эксплуатации населения северных островов Тихого океана Российско-американской компанией. Только у этих исследователей нашлись сто лет тому назад слова, объясняющие «ненависть и вражду диких» к колонизаторам не врожденными свойствами туземцев, а жестокостью и эксплуатацией пришельцев.

Историка и этнографа поражает то обстоятельство, что впечатления сенявинцев от чукчей (луораветланов) совершенно не соответствуют другим сообщениям того времени. Источники XVIII да и XIX вв. твердят единодушно о дикости, угрюмости, воинственности, жестокости кочевых оленных чукчей. Между тем, участники экспедиции Литке нашли их весьма веселым, госте-

15

приимным, мирным народом. Прекрасное объяснение этого противоречия дает сам Литке: «Дружеские, неоднократные посещения наших судов могли, конечно, произвести добрую перемену в и расположении. Но мне кажется, что они никогда не были столь беспокойным народом, как их описывали. Они были немирные, по куда с ними обращались дурно; с переменной обращения и они переменились. Все это я разумею об оленных, т. е. кочевых чукчах, которых и здесь около нас было довольно; оседлые же чукчи всегда слыли тихими».

Дело, конечно, все было в отношении «белых» к туземцам. И следует всячески подчеркнуть исключительно гуманное, человеческое отношение к ним только со стороны русских кругосветных мореплавателей.

Различные белые – англичане, голландцы, испанцы, порту, гальцы, – посещавшие Океанию, зарекомендовали себя с самой скверной стороны. Вечинства, грабежи, насилия, убийства мирного населения прогремели настолько по всем островам, что жители их, при приближении судна, прятали своих жен, детей, домашний скот. Даже такой мореплаватель, как Кук, стрелял в туземцев острова Танны (Ново-Гебридские острова) без малейшей необходимости.

Совершенно иным было поведение русских моряков. История не знает ни одного случая, когда наши мореплаватели прибегнули бы к оружию на островах Океании. Они не применяли оружия даже в случае необходимости, памятуя, что имеют дело с первобытными народами.

При описи Сенявинских островов экспедицией Литке население всячески мешало работе моряков, и дело кончилось форменным нападением на них туземцев. Литке распорядился тогда прекратить опись и объяснил это решение так:

«Конечно, мы могли бы держать дикарей в почтительном от Над расстоянии. Для сего оставалось одно средство – дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия. Но средство сие почитал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это! удовольствие ценою крови...»

Далее автор указывает с незлобивой иронией, что он ограничился тем, что «в ознаменование неудачи нашей и негостеприимного нрава хозяев» назвал открытую бухту «портом Дурного приема».

Следующая характерная черта первых кругосветных мореплавателей – их высокая культурность, образованность. Все они отличались прекрасным знанием военно-морских наук, математики, физики, астрономии, иностранных языков. Они были не только крупнейшими, высокообразованными специалистами военно-морского дела, но и выдающимися учеными исследователями. Работы их свидетельствовали о новых

завоеваниях европейской науки на чала XIX в., имели успех во всем мире и переведены на все иностранные языки.

Наряду со всей служебной работой они были активными деятелями многочисленных отечественных и иностранных научных организаций. Крузенштерн был почетным членом Академии наук,

16

Дерптского университета, Лондонского, Геттингенского, Парижского научных институтов и многих ученых обществ. Литке – член-корреспондент, а впоследствии президент Академии наук – был почетным членом Морской академии, Морского ученого комитета, Дерптского и Харьковского университетов, Парижской академии наук, Лондонского и Антверпенского географических обществ. По инициативе Литке было создано известное и ныне существующее Русское географическое общество, сыгравшее в XIX–XX вв. громадную роль во всестороннем научном познании России. Он же основал лучшую в свое время в Европе Павловскую магнитную и метеорологическую обсерваторию и много содействовал развитию Главной физической и Пулковской обсерваторий. Также и Головнин был почетным членом Харьковского университета и других научных обществ и организаций.

Литературное наследие мореплавателей велико и разнообразно. Помимо подробных описаний своих кругосветных путешествий, все они оставили много специальных трудов, имевших большое значение в деле квалификации военно-морских кадров. Занимались они и переводами иностранной специальной литературы и содействовали этим путем распространению новейших знаний среди русских моряков. Головнин, еще 30 лет отроду, дал работу о военно-морских сигналах, которой русский флот пользовался в течение четверти века. Им же написаны книги о тактике военного флота и о правилах описи морских побережий. Перу Литке принадлежат «Опыты над постоянным маятником, произведенные в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», книги «О приливах и отливах в Северном арктическом океане», «Жизнь моряка» и др. Лисянский, помимо «Путешествия», написал тоже работу о морской тактике и т. д.

Не следует думать, что жизненный путь мореплавателей был сплошь усеян розами и славою. Им пришлось вести постоянную упорную борьбу с невежеством и рутинной бездарностью высшего начальства. Открытия их встречались с недоверием, ценность научно-исследовательских работ опорачивалась, значение всей их деятельности систематически недооценивалось. Правящие круги относились к ним с большой подозрительностью, в лучшем случае только терпели их. В своей собственной военно-морской среде они встречали сильнейшую оппозицию. «Излишне» гуманное отношение к команде вызывало всеобщее осуждение: косное офицерство считало это подрывом традиционной палочной дисциплины во флоте.

Таковыми действительно передовыми людьми своей эпохи, лучшими представителями военно-морских деятелей старого времени встают перед современностью великие мореплаватели начала прошлого столетия. Во всей многообразной и трудной деятельности ими всегда руководила любовь к родине, к своему родному флоту. Новые советские кадры военных моряков найдут в «трудах и днях» мореплавателей немало поучительного и полезного для себя.

М. А. Сергеев

17

И. Ф. КРУЗЕНШТЕРН и Ю. Ф. ЛИСЯНСКИЙ

1. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ВОСТОК

Иван Федорович Крузенштерн родился 8 ноября 1770 г, в Эстляндской губернии, недалеко от Ревеля. До двенадцати лет он учился дома, затем три года в ревельской церковной школе. Пятнадцатилетним подростком его отдали в морской корпус в Кронштадте.

С юных лет будущий мореплаватель получил боевую закалку, немало способствовавшую дальнейшему формированию его характера как военного моряка.

Когда в 1788 г. началась война России со Швецией, Крузенштерн был выпущен досрочно из корпуса мичманом и назначен на 74-пушечный корабль «Мстислав». Командовал «Мстиславом» молодой капитан Г. И. Муловский, один из выдающихся многосторонне образованных моряков своего времени. Муловский был назначен в 1786 г. начальником экспедиции из 4 военных судов, которая должна была совершить первое кругосветное плавание и укрепить власть России в Тихоокеанских владениях. Разразившаяся война заставила правительство отложить это предприятие, и честь совершить это плавание спустя 15 лет выпала на долю не командира «Мстислава», а его младшего офицера. Совместная служба с Муловским оказала большое влияние на 18-летнего Крузенштерна.

В 1788 г. «Мстислав» участвовал в бою при Гогланде, и юный Крузенштерн проявил много мужества при своем первом боевом крещении. Затем «Мстислав» крейсеровал с другими кораблями перед Карлсхроной, тщетно стараясь вызвать на новый бой скрывшийся в этой укрепленной гавани шведский флот.

В следующем, 1789 г., эскадра, к которой принадлежал «Мстислав», вышла ранней весной в море на соединение с русским флотом, зашедшим по пути из Архангельска в Копенгаген. Шведский флот попытался воспрепятствовать этому соединению, но потерпел жестокое поражение у острова Эленд. В этом бою пал смертью героя капитан Муловский и отличился своим мужеством молодой Крузенштерн.

В том же году Крузенштерн участвовал в боях при Ревеле, Красной Горке и Выборгской бухте. В последнем сражении «Мстиславу» удалось принудить к сдаче 74-пушечный неприятельский корабль «София-Магдалена». Крузенштерн вновь отличился при этом своею отвагой и умелюю распорядительностью.

За активное участие в сражении Крузенштерн был произведен в лейтенанты. По окончании войны Крузенштерн, не покидая моря,

18

продолжал свое образование. В 1792 г. он был послан в числе двенадцати лучших молодых офицеров флота в Англию для усовершенствования в военно-морском деле.

Англия тогда воевала с Францией. Крузенштерн на британских кораблях участвовал в нескольких сражениях. Находясь почти

И. Ф. Крузенштерн.

шесть лет непрерывно в плавании, он посетил Африку, Америку, Вест- и Ост-Индию и другие страны. Во время пребывания в Индии Крузенштерн несколько месяцев плывал в Бенгальском заливе, исследовал ост-индские воды, чтобы открыть русской торговле пути в Индию, и собрал много сведений об этом районе. Затем он проехал в Кантон, оттуда в Англию и вернулся на родину. Во время своих продолжительных путешествий Крузенштерн неутомимо изучал быт и экономическую жизнь посещаемых им стран.

19

В это время у него зародилась мысль о необходимости организации первых кругосветных плаваний. Из записок Крузенштерна видно, как основательно он готовился к своему кругосветному путешествию. Он изучил решительно всю литературу на русском и иностранных языках, относящуюся к маршрутам предполагаемого плавания. Труды всех его предшественников - путешественников и мореплавателей - были известны ему во всех деталях, специальное внимание уделил он истории открытия и исследования всех посещенных им впоследствии мало известных пунктов. Это дало Крузенштерну возможность значительно дополнить и в нужных случаях исправить существовавшие до его плаваний географические карты и литературу.

По возвращении в Россию он представил в морское министерство проект кругосветного плавания. Проект этот поднимал два вопроса большого государственного значения. Русский флот должен догнать флоты иностранные в искусстве дальних плаваний; далее, Россия должна развить колониальную торговлю и снабжать всеми необходимыми товарами свои восточные окраины. Для этого

Крузенштерн предлагал организовать регулярное сообщение на русских судах между Россией и ее американскими колониями. Но в морском ведомстве царили косность и бюрократизм, и проект был отклонен. Неудача глубоко огорчила Крузенштерна, однако условия времени заставили вскоре пересмотреть вопрос.

По инициативе Российско-американской компании, министр коммерции граф Н. П. Румянцев¹ предложил Александру I отправить морским путем посольство для установления отношений с Японией и послать с ним научную экспедицию для исследования огромного дальневосточного побережья. Предложение Румянцева поддержал известный государственный деятель, адмирал Н. С. Мордвинов, вспомнивший о проекте Крузенштерна.

7 августа 1802 г. последовало назначение Крузенштерна начальником кругосветной экспедиции на двух кораблях. Однако подходящих для этой экспедиции судов в России не оказалось, и капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский был послан за границу для приобретения нужных кораблей. Он купил в Лондоне за 22 000 фунтов стерлингов² два судна, названные «Надежда» и «Нева». 5 июня 1803 г. корабли прибыли в Кронштадт. Командование «Надеждой» принял Крузенштерн, «Невой» – Ю. Ф. Лисянский.

Юрий Федорович Лисянский родился 2 августа 1773 г. в гор. Нежине Черниговской губ. На тринадцатом году он был зачислен в гардемарины морского корпуса. В 1788 г., во время войны со Швецией, он был в крейсерстве у Гельсингфорса и на фрегате «Подражислав» был в Гогландском сражении. Произведенный в мичманы в 1789 г., Лисянский участвовал во всех главных битвах со шведами до окончания кампании 1790 г. В 1793 г., будучи лейтенантом, Лисянский посылается в числе 16 лучших молодых

---

¹ Основатель музея и публичной библиотеки в Москве.

² Приблизительно 22 000 рублей золотом по курсу того времени.

офицеров волонтером .в английский флот для усовершенствования в военном деле. Он сделал несколько дальних плаваний, в том числе к берегам Северной Америки, к мысу Доброй Надежды, в Ост-Индию. Лисянский принимал участие во многих сражениях с французами и в 1796 г. при взятии фрегата «Елизавета» был кон-

Ю. Ф. Лисянский.

тужен в голову. Прослужив в британском флоте пять лет, он возвратился в 1798 г. в Россию.

Для предстоящего плавания в Англии были приобретены новейшие приборы и снабжение: шесть морских хронометров, полный набор астрономических и физических инструментов для наблюдений, много лекарств и противоцинготных средств.

«Надежда» имела водоизмещение 450 тонн, «Нева» – 375 тонн. «Надежда» должна была доставить в Японию русского посла Н. П. Резанова, который являлся одновременно крупным деятелем

21

Российско-американской компании. Для научных исследований были приглашены известные германские ученые: астроном Горнер и естествоиспытатели Тилезиус и Лангсдорф.

Экипаж «Надежды» состоял из 58 человек, «Невы» – из 47 человек. Все были добровольцы-матросы, не бывавшие никогда в дальних плаваниях. До этого времени русские суда не ходили дальше северного тропика. Теперь им предстояло пройти до 60° северной широты, до того же градуса южной, обойти кругом бурного мыса Горна,¹ пересечь экваториальные страны, переплыть огромный, суровый и мало известный Великий океан. Предстояло описать дальневосточное побережье и затем, после продолжительного пребывания в бурных водах северной части Великого океана, вернуться в свое Балтийское море.

Неведомое плавание и неизбежные опасности, продолжительность разлуки с близкими должны были, казалось, повлиять на русских людей больше, чем на иностранцев, привыкших к плаваниям. Но страсть русских к путешествиям оказалась столь сильной, что охотников принять участие в экспедиции хватило бы не для двух кораблей, а для целой эскадры.

Крузенштерну советовали взять с собой нескольких иностранных матросов, плававших раньше в Великом океане, но он это отклонил и ограничился только тремя учеными иностранцами.

2. ВЫХОД ИЗ КРОНШТАДТА. ПРЕБЫВАНИЕ В ДАНИИ И АНГЛИИ

6 июня 1803 г. «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадтской гавани на Большой рейд и здесь погрузили порох и снаряды.² Они были снабжены необходимым для трехлетнего плавания запасом материалов, провизии, обмундирования. Были приобретены тюфяки, подушки, простыни, одеяла, сделан запас сверхкомплектного обмундирования и провизии.

26 июля «Надежда» и «Нева» снялись с якоря. День был ясный и теплый. К восьми часам вечера прошли мимо пустынного острова Сескар. Ветер понемногу усиливался и стал задуть с запада против курса. Пришлось лавировать. Корабли переваливались с волны на волну. Берега постепенно скрылись. Суда вышли на морской простор.

29 июля ветер почти стих. К двум часам пополудни «Надежда» и «Нева» подошли к острову Гогланд. Таким образом, при противном ветре переход 80 морских миль требовал у кораблей того времени 76 часов. 1 августа экспедиция вышла из Финского залива в Балтийское море. Ежедневно производились морские учения: постановка и уборка парусов, артиллерийское учение, пожарная и водяная тревоги.

---

¹ Южная оконечность Америки.

² В гаванях кораблям запрещено держать порох и снаряды из опасения взрыва.

22

Пожар на корабле, особенно на военном, где несколько сот пудов пороха и взрывчатых веществ, чрезвычайно опасен, поэтому судовой состав постоянно практикуется в борьбе с этой опасностью. Команда пользуется всеми наличными помпами и брандспойтами, достает воду из-за борта ведрами, заливает ею воображаемое место пожара.

При водяной тревоге личный состав упражняется в принятии быстрых мер по спасению корабля на случай пробоины, удара о камень, столкновения с другим судном, попадания неприятельского снаряда в подводную часть судна во время боя. В этом случае пробоину затягивают снаружи борта парусом, так называемым пластырем; отверстие пробоины плотно закрывается, или, как говорят моряки, «засасывается» парусиной и не пропускает воды. Затем плотники и столяры изнутри заделывают пробоину досками. Вода, которая успела попасть в корабль через пробоину, откачивается судовыми водоотливными средствами.

Ученья и тревоги производились на кораблях по два раза в день: утром до обеда и после отдыха, который бывал ежедневно от 11 часов до 2 часов дня. Наступили однообразные дни. Отправляли службу, обедали, ужинали – все по расписанию и по свистку вахтенного.¹ Для обеда команды в ее помещении опускались подвесные столы (в остальное время они прикреплены к потолку верхней палубы), приносились из камбуза (кухни) большие чашки (баки) с наложенным в них кушаньем из одного общего, или «братского», котла. Давали за обедом и за ужином одно блюдо: щи со свежим мясом, с солониной или с рыбой или кашницу с большой порцией русского масла. Перед обедом и ужином команда получала чарку водки или рома, тем кто не пил ежемесячно уплачивалось по девять копеек за каждую невыпитую чарку. Щи всегда были вкусные.

По окончании дневных работ обыкновенно раздавалось приказание: «Команде песни петь и веселиться».

16 августа в пять часов дня суда прошли мимо острова Борнгольм, где старинные замки утопали в зелени. 17 августа подошли к Копенгагену и стали на якорь на Большом рейде.

«Надежда», как старший корабль, салютовала из пушек «датской нации» двадцать одним выстрелом и командующему датской эскадрой – пятнадцатью выстрелами. На салюты она получила ответ с адмиральского датского корабля. Прибыл морской офицер, приветствовавший начальника экспедиции от имени правительства. Он сообщил о готовности местных властей помочь чем можно русским морякам. За время стоянки экспедиции были проверены в обсерватории все судовые хронометры, что было очень важно для предстоящего дальнего путешествия. Русские моряки подробно

осмотрели военный порт, арсенал, адмиралтейство, заводы, обслуживающие флот и сухопутное ведомство, некоторые военные учрежде-

---

¹ Вахтенный начальник отвечал за время своей вахты за боеспособность судна, за содержание его в постоянной исправности, за соблюдение порядка и за исполнение всех приказаний командира и его помощника.

23

ния и военные суда. Все поражало наших моряков отличным состоянием, удивительным порядком и чистотой.

Команда «Надежды» и «Невы» побывала в городе и его ближайших окрестностях. Во многих местностях страны хлеб был уже снят и убран. Морякам казалось странным, что на полях все выглядело, как на пашнях, которые возделаны под озимь. Жнивье, пройденное граблями, уходило тучною пеленою; нигде не было следа неряшливости, запустения: каждая десятина была окопана канавой с водой; на валу густо росли кустарники и деревья, преимущественно бук и рябина. Красные гроздья пестрели в потемневшей зелени . . .

В Копенгагене стояли до 8 сентября. Затем отправились в дальнейшее плавание – в Англию, в Фальмут. Во время перехода и в Каттегате, и в Скагерраке, и в Северном море был сильный шторм. 23 сентября встретили у берегов Англии английское военное судно «Антилопа». Оно приняло было сначала наши суда за неприятельские, французские. Вскоре недоразумение выяснилось, и английский адмирал Сидней Смит отправил на «Надежду» лейтенанта с приветствиями и двумя бочонками рома. Его отблагодарили киевским вареньем и клюквенным соком.

На другой день «Надежда» и «Нева» вошли в порт Фальмут. Там простояли шесть дней. Корпуса и палубы судов были вновь проконопачены, так как после штормового перехода из Дании в обшивке корпусов в обоих бортах появилась течь. Наши моряки съезжали на берег, знакомились с городом и его ближайшими окрестностями. Со стороны населения в большинстве рабочих рудников они встретили самое доброжелательное отношение.

3. КАНАРСКИЕ ОСТРОВА. СТОЯНКА У ОСТРОВА ТЕНЕРИФ

5 октября экспедиция вышла из Фальмута. Погода была тихая. Наступила ночь, но никто из офицеров и команды не хотел итти спать: все наслаждались чудной погодой и долго оставались на верхней палубе. Каждый желал, чтобы эти ясные тихие часы, последние у берегов Европы, были хорошим предзнаменованием для путешествия. Долго смотрели моряки на огонь Лизардского маяка, последнего маяка Европы. Когда свет его скрылся, суда направились в океан, к Канарским островам.

Экспедиция Крузенштерна возбуждала внимание всего цивилизованного мира. Счастливое или неудачное ее завершение должно было прославить или омрачить и имя ее участников и России.

На пути к Канарским островам экспедиция производила измерения температуры морской воды на разных глубинах, определяла ее плотность и степень солености. Шли со скоростью приблизительно 4 морских миль в час.

– 19 октября «Надежда» и «Нева» подошли к Канарским островам и увидели очень живописный остров Тенериф с высокой горой Пико-де-Тейде 1220 м высоты. На этих островах много угасших вулканов. Над Пико-де-Тейде всегда клубились пары.

24

У острова Тенериф «Надежда» и «Нева» стали на якорь на рейде Санта-Круц. На острове русских моряков встретили очень радушно. Здесь губернатор предоставил свой дом в распоряжение посланника Резанова и астронома Горнера для производства астрономических наблюдений.

В своем описании пребывания на острове Тенериф Крузенштерн говорит:

«Инквизиция господствует здесь равномерно, как во всех прочих гишпанских

владениях, и притом, по уверению многих, с великою строгостью. Она имеет главное свое пребывание на острове Канарии. Для человека свободомыслящего ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие губернатора действуют в полной силе, располагающей жизнью и имуществом каждого гражданина... Здесь бросаются в глаза иностранцев всеобщая бедность народа и легкость нравов женского пола. Нищие всех возрастов, покрытые рубищами, наполняют улицы. Толпы их еще увеличиваются сухощавыми, на уродов похожими ворами. Здешнее воровство заставляет думать, будто находишься среди дикарей на островах Южного океана. Никакая осторожность не может спасти от него. Каждое гребное судно, приходящее к нашему кораблю, привозило искушенных в сем ремесле людей. Всякий раз на глазах всех матросов было что-либо украдено, так что я, наконец, принужден был отдать приказ никого больше не пускать на корабль».

Тенериф, как и вообще Канарские острова, Атлантида древних, открыты были царем племени берберов Юбою. Он нашел острова необитаемыми. Каждому из них он дал название. Самый большой из них был назван Большой Канарией (от латинского слова *Canis* – собака: на нем была найдена порода огромных диких собак). Древние римляне называли эти острова Пурпурными, так как вывозили с них пурпур. После падения Римской империи Канарские острова были надолго забыты. Только в 1334 г. их открыли вновь путешественники. Канарские острова были заселены сильным воинственным народом гуанчи. Климат на Канарских островах чрезвычайно благоприятный. Здесь растут финиковые и кокосовые пальмы, сахарный тростник и всевозможные растения более умеренных стран.

За время стоянки на рейде Санта-Круц наши моряки побывали на острове Тенериф и на вулкане Пико-де-Тейде. Совершить восхождение на самую вершину его не удалось, так как она была вся покрыта снегом и льдом.

Население состояло большей частью из испанцев и почти все занималось рыболовством. На берегу морякам попадались на каждом шагу нищие, монахи, верблюды, нагруженные всяким скарбом (верблюды, привезенный сюда впервые французом Бетанкуром вскоре после завоевания Канарских островов, принес большую пользу как вьючное животное).

Познакомившись с городом, моряки отправлялись в окрестности, которые были живописны, но дики и пустынно. Только местами виднелись небольшие долины в ущельях. Там росли ям, кактус,

25

кокциниллифер, местами – дикая евфорбия со своими рожкообразными ветвями. На Тенерифе разводили кошениль. Насаждали обширные рощи кактусов, в которых жило пурпурное насекомое. С виду кошениль кажется неподвижной точкой, это самка, у которой нет крыльев; она живет неподвижно на кактусе, в твердый лист которого вонзает свое сосальце. Самец – с крыльями. Он летает около самки, холит и кормит ее. Оплодотворенная самка превращается в темный шарик. Самку отделяют деревянным ножом от листа и опускают в сосуд, который потом сохраняют в теплоте, чтобы заморить насекомое. Таким путем добывалась дорогая краска – кармин.

Желая ознакомиться с природой Тенерифа, наши моряки отправились в Лагуну и в Оратаву, находящиеся на севере острова. Там, в Вилла-Франко, среди ароматных виноградников, окружавших величественный Пико-де-Тейде, росло знаменитое драконово дерево, имевшее на высоте 3 м от земли 11 т в обхвате. В пещерах, окружавших пик, моряки видели мумии гуаничей, первобытных обитателей острова. При этом командир порта Санта-Круц поднес в подарок посланнику две очень хорошо сохранившиеся мумии. В лагуне моряки осматривали необыкновенный ботанический сад, в котором собраны все растения тропической полосы всего мира, особенно Южной Америки; здесь они приобрели семена редких растений для петербургского ботанического сада.

Ученые экспедиции собрали на Тенерифе и других Канарских островах большую коллекцию образцов природы.

Тенериф вел значительную торговлю, которая сосредотачивалась, главным образом, в Санта-Круца. Вывозили прекрасное tenerifское вино, соду, виноград и фрукты. Ввозили разные ткани, сукна, бумажные материи и европейские

металлические изделия.

Во время всего плавания Лисянский и штурманы экспедиции занимались исправлением имевшихся лучших английских, французских и голландских морских карт и составлением новых. Лисянский сделал следующую запись: «Долгом себе поставлю заметить, что вид острова Тенерифа со стороны северной, находящейся в Ост-Индийском и Английском атласе, весьма не походит на действительный, а потому и прилагаю свой на карте земного шара».

Закончив астрономические наблюдения, определив точное географическое положение ряда пунктов Тенерифа и ознакомившись с Канарскими островами, моряки запаслись большим количеством провизии, картофеля, фруктов, лимонов и вина. Предстоял большой переход через Атлантический океан.

4. НА ПУТИ В БРАЗИЛИЮ

27 октября «Надежда» и «Нева» снялись с якоря и пошли к берегам Бразилии. В тропических и приэкваториальных широтах приходилось проходить полосы океана, в которых господствуют переменные противные ветры, маловетрие и штили, жестокие

26

шквалы, сопровождаемые проливными дождями. По мере приближения к экватору жаркий и влажный воздух становился удушливым. Термометр показывал 40° Ц и более. Вода была той же температуры, и обливания не приносили облегчения. Цельми днями моряки совсем не видели солнца. Атмосфера – как в бане: платье и постели нельзя было просушить. Во внутренних помещениях корабля невозможно было спать из-за духоты. Моряков одолевала болезненная усталость, в ногах чувствовалась слабость, во рту ощущался дурной вкус. Внешних развлечений было мало. Море в штиль однообразно. Иногда из гладкой его поверхности вырвется рыбка, блестя розовыми крылышками, быстро пролетит в сторону и снова юркнет в воду; иногда проскользнет моллюск со своим парусом. В тени у корабля море принимает яркоголубой цвет. Вечером солнце, спускаясь в туман, теряет свои лучи и висит тускло горящим шаром. Наступает ночь, такая же душная, как день, однако ночью все как-то оживлялись.

Днем, если не было работы, моряки прятались по углам, ночью часто слышался бубен. Собирались песенники и тянули «Плакала-рыдала, русою косою слезы утирала», и эти мотивы уносили далеко на родину. Но вот угомонились и матросы-песенники.

Однообразный жаркий день со всевозможными учениями, тревогами и работами сменялся таким же другим. Иногда налетал шквал с дождем, тогда закрывали шпигаты,¹ чтобы набрать на палубу воды. Команда принималась мыть белье и мыться.

Ночью из-под корабля с двух сторон густыми потоками вырывались блестящие фосфористые брызги воды.

Через несколько дней поднялся шторм. Отдаленный шум моря и надвигающиеся со всех сторон тучи предвещали шквал. Корабль, как опытный боец, готовился к защите. Горизонт все темнее и темнее; море плещет сердитыми волнами. Шум ветра, хлопанье парусов, крик команды – все сливается в дикую гармонию. Налетает шквал и раздражается сильным дождем.

1 ноября, когда вследствие безветрия корабль «Надежда» казался совершенно неподвижным, астроном Горнер и Крузенштерн произвели астрономические наблюдения: взяли несколько лунных высот и определили наклонение магнитной стрелки.

Сначала корабли экспедиции направились к экватору. Они прошли в виду острова Св. Антония, одного из островов Зеленого Мыса, и вскоре получили пассатный северо-восточный ветер, продолжавшийся до 15 ноября. Следующие за тем десять дней корабли находились в полосе безветрия и штилей. Наконец, после 30-дневного плавания от Санта-Круца, 26 ноября в десять часов тридцать минут утра «Надежда» и «Нева» пересекли экватор. Традиционное морское торжество, известное под названием «Чествование Нептуна», которым принято было отмечать переход из северного в южное полушарие, носило у наших моряков довольно скромный характер.

Они знали о нем только понаслышке и праздновали его как умели. В момент перехода через экватор «Надежда»

---

¹ Шпигат – отверстие на палубе для стока воды.

27

и «Нева» произвели салют: одиннадцать пушечных выстрелов. Команды стояли по вантам, приветствуя друг друга криками «ура». После салюта офицеры и команда были выстроены во фронт, и командиры поздравили их с прибытием в Южное полушарие.

Моряки увидели здесь новые созвездия – Центавра, Корабля и Южного Креста. Дельфины стадами проходили около судов. Казалось, что им нет конца. Иногда от их поступательного движения поднималась зыбь в направлении их хода. Появилось множество рыбы бонит, летучих рыб, морских птиц.

12 декабря экспедиция приблизилась к берегам Америки. Еще накануне корабли были окружены множеством бабочек самых разнообразных цветов. Это указывало на близость берега. От мыса Фрио около Рио-де-Жанейро корабли повернули к острову Св. Екатерины. 18 декабря «Надежда» и «Нева» едва не столкнулись: в десять часов вечера они так приблизились друг к другу, что почти коснулись бортами, но успели разойтись.

21 декабря суда вошли в пролив, отделяющий остров Св. Екатерины от материка Южной Америки. Природа здесь настолько преисполнена жизнью, что человек чувствует себя очарованным и вместе с тем подавленным ее могуществом.

Берега Атлантического океана Южной Америки сплошь покрыты непроходимой роскошной растительностью. Такому пышному развитию способствует самое положение океана между тропиками. Тепло тропических лучей солнца увлажняется экваториальным течением, идущим к берегам Бразилии от берегов Африки. Юго-восточный пассат, дующий с океана, тоже приносит с собой огромное количество влаги. Вследствие этого трава, деревья, лианы, растущие на рыхлой почве, точно перегоняя друг друга, теснясь, тянутся вверх к лучам солнца. Мелкие растения ползут на стволы своих могучих соседей. Даже там, где при других условиях отсутствует пища для растений (на гранитных и порфировых скалах), почти сплошь все покрыто растительностью.

В проливе моряки видели берега материка так близко, что ясно различали домики, разбросанные по холмам. На небольшом скалистом острове, отделенном от материка узким проливом, находилась крепость Санта-Круц, и на рейде близ нее стояло несколько военных судов. Остров представлял собой несколько разделенных долинами лесистых возвышенностей. «Надежда» и «Нева» встали на якорь на рейде в 2 км от крепости и в 9 и от местечка Сан-Михэль. Тотчас же на шлюпках, выдолбленных из стволов огромных деревьев, подошли к ним туземцы – индейцы – и привезли апельсины, бананы, индюшек.

5. У ОСТРОВА СВ. ЕКАТЕРИНЫ

Экспедиции был оказан радушный прием. Губернатор острова, подполковник португальской службы дон Иозеф-де-Курада, потомок славного мореплавателя Васко-де-Гама, был чрезвычайно гостеприимен. Он распорядился отпустить все необходимое для

28

экспедиции и разрешил устроить маленькую обсерваторию для выверки хронометров и производства астрономических наблюдений.

Крузенштерн рассчитывал пробыть на острове Св. Екатерины не больше десяти дней, но случилась непредвиденная задержка: понадобилось заменить две мачты (фок- и грот-мачты) на «Неве», так как после перехода через океан они дали трещины.

Ремонт задержал экспедицию у берегов Бразилии более шести недель. Были

срублены подходящие 40-метровые стволы красного дерева. Они были очень тяжелые, и после невероятных трудностей их удалось доставить к месту стоянки «Невы».

Матросы обоих кораблей вооружали и приготавливали «Неву» к дальнему плаванию. Особенно трудно было поставить и оснастить мачты без помощи кранов.

Малоизвестный остров Св. Екатерины – одно из живописнейших мест мира. Растительность его удивительно богата и разнообразна. Одного красного дерева на нем насчитывается более трехсот разных пород. Крузенштерн собрал лично девяносто образцов пород деревьев, отличавшихся наиболее красивыми цветами и крепостью. В лесных чащах моряки наловили макак, красивых попугаев и привезли их на суда. Правда, много макак пришлось вскоре отправить на берег, так как они требовали большого ухода и частой кормежки. Попугаи же были помещены в специально устроенные птичники, где, кроме них, были и другие птицы, пойманные, вымененные и купленные у туземцев.

Впоследствии попугаев моряки меняли на туземные редкости дикарей Тихого океана.

В главном городе острова Ностра – Сеньора-дель-Достаро было несколько сотен домов и три тысячи жителей – португальцев и невольников. Город служил местом отдыха для путешественников и китобоев. Дома окрашивались особенно пестро: нижний этаж одним цветом, верхний – другим; пространство между двумя окнами покрывали, одной краской, следующий простенок – другой. Так же разнообразны были и карнизы и украшения окон. У домов было много балконов. Крыши, большей частью черепичные, заканчивались острым верхом. Очень понравился морякам городской рынок-базар на главной площади. Там торговали рыбой, попугаями, свинками, птицами, затейливой посудой. Центр рынка вокруг бьющего фонтана занимали продавцы фруктов и зелени. За лотками, заваленными апельсинами, бананами и танжеринами, сидели большей частью негритянки в живописных костюмах; у многих на щеках были проведены продольные разрезы.

Моряки особенно заинтересовались ботаническим садом, расположенным в долине около озера. Белые и ровные стволы пальмовой аллеи, точно колонны, шли на равных друг от друга расстояниях. Деревья все были одинаковой толщины и вышины. Около небольшого пруда рос кустами грациозный зеленый бамбук, по куртнам – кофейное, чайное, коричневые деревья, гвоздика. Блестящая зелень хлебных деревьев переплеталась с тариндами и акациями ...

29

За городом, по обеим сторонам прямой дороги, тянулись болота. На них, однако, в густой зелени были обширные дачи. За болотами, на расстоянии около шести метров от дороги, стеной подымался лес. Стволы деревьев едва проглядывали сквозь густую зелень ползучих растений; цветов было мало, в некоторых местах горел, как звезда на зеленом фоне, одинокий страстоцветник. Низкая земля по краям леса и дорога были покрыты кустарником колючих мимоз.

На земле в лесу валялись плоды, бобы, попадались длинные стручья, гладкие и плоские, твердые, как камень. В одном месте лежало множество больших пустых чашек, которые падают с дерева сапукая. Эти чашки называются «кубиком обезьян». В них орехи. На верху чашки круглое отверстие с естественной крышкой. Когда орех созреет, тяжелая чашка падает. Орехи собирают туземцы. Самые деревья огромной высоты. Точно башни, стоят они на большом расстоянии одно от другого.

Дороги часто бывают покрыты громадными гадами. Иногда они не уходят по несколько дней и никого не пропускают.

В реках и озерах много аллигаторов. Они нападают на всех, кто осмеливается вступить в их владения. Однажды матросы с «Невы» изловили молодого аллигатора и отослали его на «Надежду» естествоиспытателю Тилезиусу. Чешуя животного была так крепка, что ее не могла пробить острога.

Встречались светящиеся мухи. При свете трех таких мух можно было ночью читать книгу.

Естествоиспытатели Тилезиус и Лангсдорф, доктора Еспенберг, Либанд и Сидгам собрали огромные коллекции бабочек, насекомых и растений, многие из которых были целебны.

Астроном Горнер и Крузенштерн произвели много астрономических наблюдений. Наконец, постройка мачт на «Нева» была закончена, и экспедиция приготовилась к дальнейшему походу.

6. ОТ БРАЗИЛИИ К ВАШИНГТОНОВЫМ ОСТРОВАМ

2 февраля 1804 г. «Надежда» и «Нева» снялись с якоря и пошли на юг, к мысу Горн. Продолжительная остановка у бразильских берегов нарушила все расчеты. Крузенштерн рассчитывал обойти мыс Горн в январе, а приходилось делать это в марте, когда начались сильные бури. Следовало спешить. На случай, если бы буря разлучила корабли, Лисянскому было назначено несколько пунктов, где он должен был ждать «Надежду».

Корабли шли вдоль берега. Предстояло обогнуть Южную Америку вокруг мыса Горн и пройти к Вашингтоновым островам. Плавание до следующего пункта остановки, острова Нукагива, могло продолжаться четыре месяца. Нужна была поэтому большая экономия пресной воды. Крузенштерн распорядился давать всем без различия по две кружки в день.

Корабли плыли успешно, без особых происшествий до Огненной Земли. Мореплаватели с такой скоростью переходили из одной

30

широты в другую, что резко ощущали беспрестанные колебания температуры; жар сменялся довольно чувствительным холодом и наоборот. К Огненной Земле подошли рано утром 24 февраля. Около корабля появилось множество летучих рыб, китов и акул.

Почти до самой Огненной Земли корабли шли при ясной погоде и попутном ветре. Но только стали обгибать Огненную Землю и приближаться к мысу Горн, наступила очень холодная погода, подул противный порывистый ветер со шквалами и дождем.

28 февраля поднялся жестокий шторм; он усилился на другой день дождем, снегом и градом. Волны, ударяя в судно, повредили борта. Трое суток не определяли широты и долготы, не варили горячей пищи. Люди коченели от холода. «И только на четвертый день наступил, – пишет Крузенштерн, – день прекраснейший. Мы чувствовали такое удовольствие, какое может представить себе только тот, кто терпит на море подобное возмущение, но на которое морской человек не должен никак жаловаться, если бы оно не сопровождалось холодом, угнетающим нас до крайности: в моей каюте в продолжение двух недель ртуть в термометре стояла почти всегда на трех градусах тепла. Если бы сила ветра не ослабела к полудню четвертого дня, мы потеряли бы все свои гребные суда. За время шторма мы ни на минуту не подвинулись к западу». Наконец, в восемь часов утра 3 марта «Надежда» и «Нева» обошли мыс Горн и вошли в Тихий океан.

Переход от острова Св. Екатерины до мыса Горн был совершен в четыре недели. «Едва ли кто-либо совершал этот переход в такое короткое время», – замечает Крузенштерн.

В Великом океане задул крепкий западный ветер. Погода стала пасмурной, несколько дней подряд туманы мешали астрономическим наблюдениям. «Надежда» и «Нева», взявшие курс к Вашингтоновым островам, 12 марта потеряли друг друга из вида. С этого времени каждый из кораблей совершал свое плавание отдельно.

9 марта погода стихла. Крузенштерн и штурманы произвели наблюдения и измерения температуры воды на разных глубинах от поверхности моря. Так, в широте $50^{\circ} 20'$ южной и долготы $72^{\circ} 45'$ восточной на глубине 340 м. температура воды была $+1 \frac{1}{2}^{\circ}$, на 130 м $+2 \frac{1}{2}^{\circ}$ Ц. а на поверхности $+3^{\circ}$ Ц. В то же время температура наружного воздуха была $+4^{\circ}$ Ц. Склонение магнитной стрелки было определено в $27^{\circ} 40'$ восточное.

24 марта снова поднялся шторм. Свирепая буря продолжалась целую неделю.

Доктор Еспенберг, по приказу Крузенштерна, внимательно осмотрел всю команду и не нашел ни одного больного. Он уверял, что здоровье всех моряков, несмотря на трудности и невзгоды плавания, стало даже лучше, чем при выходе из Кронштадта.

17 апреля «Надежда» перешла южный тропик. Жара с каждым днем все более

усиливалась. Задул пассатный свежий ветер. Вскоре установилась прекрасная погода, продолжавшаяся до прибытия корабля к острову Нукагива, самому замечательному из групп Вашингтоновых островов.

31

Острова эти были открыты в мае 1791 г. капитаном американского купеческого корабля Инграмом во время его плавания к северо-западному берегу Америки. Спустя несколько недель эти же острова открыл француз Солид. Затем их посещали многие мореплаватели. Американец Роберте назвал их в 1793 г. Вашингтоновыми. Вся группа этих островов, объединенная общим названием Маркизских, перешла затем к Франции!

5 мая моряки увидели сначала остров Фетугу, затем Огивао и несколько островов группы Нукагивы. 7 мая «Надежда» стала на якорь в бухте Анны-Марии острова Нукагивы.

7. НА ОСТРОВЕ НУКАГИВА

Едва «Надежда» стала на якорь, как к ней подплыло несколько сот совершенно голых островитян. Они предлагали кокосы, плоды хлебного дерева и бананы. Дикари очень охотно меняли фрукты на куски старых железных обручей. За небольшой кусок обруча от бочки давали пять кокосов или четыре плода хлебного дерева. Куску железа островитяне радовались, как дети: они смеялись и с торжествующим видом показывали его друг другу. Заботясь всячески о предупреждении цынготных заболеваний среди команды, Крузенштерн распорядился сделать здесь большой запас кокосовых орехов, служивших прекрасным питанием. Орехи эти содержат очень хорошее молоко и масло и вкусное мягкое ядро. Каждый орех кокосовой пальмы, раздером в детскую голову, это целый запас разных молочных продуктов. К великому удивлению наших моряков, между дикарями оказались два европейца: англичанин и француз, давно поселившиеся на острове. О причине своего поселения на острове они рассказывали много анекдотов, в которых трудно было отыскать истину. По внешнему виду они очень походили на туземцев. Их одежда, как и всех островитян, состояла только из узкого пояса.

Англичанин жил здесь семь лет. Судя по его словам, он был высажен на остров с английского купеческого корабля взбунтовавшимися матросами, к которым он не присоединился. Крузенштерну он предложил свои услуги для доставки пресной воды и продуктов. Крузенштерн охотно согласился, так как нашел в нем отличного переводчика, от которого можно было узнать многое о нравах и быте местных жителей.

Француз Ле-Кобрит, по его уверению, добровольно покинул свой корабль и остался на острове. Он прожил здесь десять лет и прекрасно сжился с дикарями.

Англичанин Роберте сообщил, что за время его пребывания на острове сюда приходило только два небольших американских купеческих судна.

Через несколько часов после прибытия «Надежды» приехал на шлюпке, сделанной из целого дерева, король острова Тапега Каттанова в сопровождении большой свиты. Это был стройный и сильный мужчина лет сорока пяти. Все его тело темного цвета и даже

32

обритые раковинкой части головы были испещрены узорами. Он ничем не отличался от своих подданных. Вся его одежда состояла из единственного украшения – небольшого пояса из куска ткани, стянутого вокруг бедер.

Крузенштерн подарил королю нож и 14 метров красной материи. Он тотчас же опоясался ею. Свита, большей частью родственники короля, тоже получили подарки. Крузенштерн показал королю все судно, особенно удивил его пушками и объяснил их действие. На шканцах король заметил бразильских попугаев. Он долго любовался ими и получил, наконец, одного в подарок. Король на другой день прислал Крузенштерну в подарок свинью, большую редкость в Нукагиве. На следующий день с восходом солнца приплыли опять островитяне с плодами; плывя, одни держали фрукты на

груди, другие на голове. Лодками пользовались немногие, преимущественно королевская свита. Дикари остались на «Надежде» до самого захода солнца, меняя на куски железа фрукты, плоды и изящные плетенки из соломы. Больших трудов стоило спровадить их с корабля.

В девять часов утра опять прибыл король со свитой, Крузенштерн повел их в свою каюту. Дикари смотрели на все с большим любопытством. Особенно понравился им портрет жены Крузенштерна, писанный масляными красками, и зеркало; они внимательно изучали заднюю его сторону, отыскивая там человека. Король долго любовался собой перед зеркалом. При каждом следующем посещении он тотчас же шел в каюту и простаивал по несколько часов перед зеркалом.

Отдавать визит королю поехали на берег Крузенштерн, посланник и все свободные от службы моряки. Крузенштерн велел сделать пушечный выстрел, поднять флаг и объявить корабль «табу», то есть неприкосновенным. После этого никто не мог осмелиться взойти на судно. По словам англичанина и француза, все островитяне были дикари-людоеды. Наши моряки отправились поэтому на берег вооруженными. Англичанин и француз сопутствовали им в качестве переводчиков. На месте высадки моряков собралась огромная толпа островитян, которые никакого враждебного отношения не проявляли и были очень услужливы.

11 мая пришла «Нева», заходившая на остров «Пасхи». Лисянский, надеясь встретиться здесь с «Надеждою», обошел вокруг острова, но поиски оказались напрасными. Из-за сильного ветра «Нева» не могла стать на якорь вблизи острова – грунт был ненадежен, и корабль могло снести на скалы. При вторичном приходе к восточной стороне острова «Нева» легла в дрейф.¹ Лисянский приказал спустить шлюпку и послал лейтенанта Повалишина с шестью гребцами на берег за фруктами и провизией.

---

¹ Лечь в дрейф значит расположить паруса таким образом, чтобы от действия ветра на одни из них судно шло вперед, а от действия на другие – назад. Во время лежания в дрейфе судно попеременно то идет вперед – восходит, то идет назад – нисходит, удерживая во время лежания в дрейфе свое почти первоначальное место.

Для обмена на продукты были взяты ножи, бутылки, гвозди и другая мелочь. Шлюпка подходила к берегу осторожно, измеряя глубину, как вдруг тридцать островитян бросились к песчаной отмели возле берега, проявляя радость и показывая знаками, где удобнее пристать. Шлюпка остановилась. Туземцы направились к ней и помогли причалить к берегу. Повалишин подарил каждому островитянину по гвоздю, бутылке, куску железа и по медному пятаку на цепочке. Они тотчас же надели их себе на шею. В ответ туземцы дали Повалишину множество бананов, сладкого картофеля и сахарного тростника. Нагрузившись фруктами и овощами, шлюпка вернулась на корабль. По описанию Повалишина, остров был населен диким бедным племенем (человек девятьсот), питавшимся преимущественно рыбой и фруктами.

На острове на гигантских платформах стояли высокие (почти в 4 м высоты) статуи людей, высеченные из целого камня, с очень грубым изображением человеческой головы и туловища. Головы их прикрывали каменные цилиндры, почти в метр высотой. Группы статуй были обсажены деревьями или обнесены палисадниками.

Эти статуи сделали, конечно, не эти беспомощные дикари, населявшие остров. Можно предположить, что там когда-то жил многочисленный могущественный, культурный народ, хорошо знакомый с обделкой камня.

Жители острова были, очевидно, одичавшими остатками великого народа, слившегося с туземцами соседних островов. Только статуи, свидетели былых времен, напоминали о великом прошлом острова.

Тотчас же по прибытии «Невы» в Нукагиву на нее приплыли островитяне, а вслед за ними и король.

12 мая, на другой день по прибытии «Невы», среди населения разнесся слух, будто король арестован на корабле. Дикари тотчас вооружились. Наши моряки

очутились в угрожаемом положении. Находившийся на берегу баркас «Невы» с командой с большим затруднением вернулся на корабль. Избавлением от разъяренных дикарей моряки были обязаны англичанину Робертсу. Возмущение островитян казалось совсем непонятным. Король целое утро провел на «Надежде», был очень весел и получил новые подарки от Крузенштерна. Сверх всего, он был впервые в жизни выбрит не раковинною, а острой стальною бритвой и надушен одеколоном и остался очень доволен.

На другой день рано утром на берег отправились баркасы за пресной водой, а Крузенштерн и Лисянский с двадцатью хорошо вооруженными людьми отправились к королю выяснить причину враждебного отношения его подданных к русским морякам. На берегу не было ни одного островитянина. По выходе на остров капитаны направились к королевскому дому, который находился в одной миле от берега. Дорога шла сначала небольшим болотом, затем по сухой красивой местности через тропический лес с деревьями до 25 метров высотой. Вблизи жилых домов росли кустарники шелковицы и тара. Дома окружали красивые заборы из белого дерева.

34

Король встретил путешественников в нескольких шагах от своего дома и проводил их внутрь помещения. Здесь собралось все его семейство. После приветствия Крузенштерн и Лисянский преподнесли каждому королевскому родственнику по подарку. Крузенштерн спросил короля, что побудило его подданных выступить против моряков. Король ответил, что он ни в чем не может упрекнуть моряков; виновником недоразумения он считал француза, который напугал туземцев, сказав им, что если на корабли не доставят свиней, то моряки непременно арестуют короля и закут его в оковы. Островитяне приняли этот слух за правду, так как восемь месяцев назад один американский капитан судна, прибывший на остров, действительно арестовал брата короля, желая, вероятно, обеспечить себя заложником. Крузенштерн успокоил короля и просил его не нарушать между ними доброго согласия. Тотчас после посещения моряками короля прежние приятельские отношения восстановились, и туземцы снова появились на кораблях со своими товарами.

Из разговоров с островитянами Крузенштерн узнал, что Нукагива, как и другие Вашингтоновы острова, была разделена между несколькими племенами и находилась под управлением старшин, носивших громкий титул королей. Племена эти почти постоянно воевали друг с другом, но стоило только королям породниться, и война прекращалась. Племя, у которого гостили моряки, еще недавно враждовало с двумя соседними племенами. Беспреданно бились они то на море, то на суше. Но с той поры, как короли разных племен породнились, война прекратилась. Если мужья обращались с женами хорошо и они не уходили от них до конца жизни, то и война прекращалась навсегда. Понятно, что женщине, принесшей с собой пальмовую ветвь мира, народ оказывал всяческий почет, признавая ее даже богиней, а детей – божествами. Морякам показывали десятимесячного божка – внучку короля, жившую в отдельном доме.

Крузенштерн очень удивился, узнав, что матери здесь очень редко кормят детей: после рождения ребенка ближайшая родственница уносит его от матери и вскармливает сначала плодами, затем сырою рыбою. Несмотря на такое оригинальное питание младенцев, нукагивцы очень росли и здоровы.

Лейтенант Левенштерн, посланный для осмотра южного берега Нукагивы, донес начальнику экспедиции, что он открыл там прекрасную бухту. Два дня спустя Крузенштерн с несколькими офицерами отправился туда сам, осмотрел бухту и назвал ее портом Чичагова – в честь министра морских дел.

Местность вблизи порта, называемая Шегуа, была еще прекраснее той, которую моряки только что посетили. Населенная долина, окруженная лесистыми горами, орошалась горным источником. Все дышало довольствием и изобилием. Здесь могло процветать скотоводство, но у туземцев было всего только несколько свиней, которые береглись для пиршества. Недалеко от королевского дома путешественники заметили ровное место и впереди его каменный помост. На нем собирались зрители во время праздничных игр и

плясок. Игры и пиршества обыкновенно устраивались при погребении знатных лиц. Рыдая, родственники умершего царапали себе до крови тело зубами какого-либо животного или острыми раковинами. Нередко после рыдания раздавался хохот: столь стремителен переход от печали к радости у этих дикарей. После процедуры оплакивания умершего относили на кладбище и ставили на возвышение, где он истлевал. При погребении жреца приносили в жертву трех человек. Двоих вешали на кладбище, и, когда обнажались кости, их сжигали, третьего разрезали на части и съедали, голову надевали истукану, поставленному на могилу.

Такое варварское жертвоприношение практиковалось, однако, не с соплеменниками, а с людьми, украденными у соседей. Из-за этого происходили войны. Продолжительность войны зависела от наследника умершего. Он удалялся в неприкосновенное место – «табу» – и оставался там более или менее продолжительный срок. В это время его всячески ублажали, давали все, что он желал, хотя бы человеческое мясо. По возвращении его в свое жилище война прекращалась, начинались пиршества и увеселения.

Понятие дикарей о высшем существе, которое они называют «этуа», было очень сбивчиво. Этуа – множество. Душа жреца, короля и его родственника – этуа, европейцы – тоже этуа. Нукагивцы думали, что европейские корабли спускаются с облаков. Когда они впервые услышали пушечные выстрелы, то вообразили, что узнали происхождение грома. Однажды, во время посещения «Надежды» королевским братом, Крузенштерн приказал произвести в его честь салют из пушек. Надо было видеть испуг дикаря. Он бросился на колени, уцепился за ноги англичанина и закричал. Если кто хотел сохранять свой дом, поле или какую-либо вещь, ему достаточно было объявить «табу», и они оставались священными и неприкосновенными. Нарушитель «табу» считался великим преступником, ему давали название «кикимо» и в случае войны его съедали.

Способ ведения войны дикарей напоминал приемы хищных зверей: редко нападали они в большом числе на неприятеля; чаще подкарауливали его и, убив, съедали. Кто ловчее подкрадывался к врагу и нападал на него врасплох, тот считался лучшим воином. Кто дольше пролежал на животе без малейшего движения и почти без дыхания, кто скорее бегал и искуснее прыгал, тот приобретал всеобщее уважение.

Лисянский, описывая жителей Нукагивы, говорит: «Здесь жители собою весьма статны и красивы, особенно мужчины, которые ростом и чертами лица не уступают никакому европейскому народу. Цвет кожи у них чуть смуглее цвета кавказской расы, что в особенности заметно у детей. Островитяне отличаются отсутствием в их среде людей уродливых или с какими-либо физическими недостатками. Вообще отличаясь здоровьем и мало страдая от болезней, нукагивцы не знают и лекарств. Все лечение состоит у них в одном только искусстве перевязывать раны, в котором всех превосходит король. Взрослые мужчины натираются темной краской, женщины – желтым кокосовым маслом.

Почти все нукагивцы мужчины были испещрены узорами. Для татуировки существовали специальные мастера-художники. Русские моряки задали этим артистам порядочно работы. Каждому хотелось украсить свое тело на память каким-нибудь рисунком.

На голове мужчины носили род шлема из четырех петушиных перьев, женщины – тюрбан из белой ткани. Они надевали его так ловко, что он прикрывал только темя, оставляя на виду спереди и сзади красивые волнистые волосы. Жрецы носили на голове разного рода бляхи и ожерелья. Глядя на этих красивых, стройных людей, не лишенных природного вкуса, трудно было поверить, что они людоеды. Англичанин и француз рассказывали о страсти нукагивцев к человеческому мясу. Моряки сами видели оружие, убранное человеческими волосами, и домашнюю посуду, украшенную человеческими костями. Сверх того, дикари ежедневно предлагали им в обмен на куски железа человеческие головы и знаками

старались убедить, что мясо людей вкусно. Очень может быть, что они съели бы и своих гостей, если бы не страх перед их оружием.

Жилищами островитян были длинные узкие строения из бамбука, морского кустарника и бревен белого, очень красивого дерева фау, переплетенных кокосовыми листьями и травой. Кровлю крыли листьями хлебного дерева, положенными один на другой, толщиной до 15 см. Внутренность дома разделялась вдоль бревном, лежавшим на земле. Передняя часть мостилась камнями, задняя покрывалась рогожами, на которых спала вся семья.

Вблизи от дома находилось другое строение – столовая. Из местных блюд морякам очень понравилось кислое тесто, приготовленное из корня таро и плода хлебного дерева. Своим вкусом оно напоминало сладкое яблочное пирожное и могло очень долго сохраняться в особых погребах. Жареное туземцы готовили на банановых листьях, которые служили им и тарелками. Посуду делали из кокосовых орехов и фигурных тыкв, растущих на дереве. Украшали посуду костями человеческих рук. Ели нукагивцы очень неопрятно, но после трапезы всегда мыли руки. Оружием служили дубина, копье и праща. Дубина, длиной более 1,25 м весом около 4 кг, была из плотного дерева казаурина, очень красивого. На толстом конце ее вырезали человеческую голову. Копье делали из того же дерева, длиной в 3–3,25 м, толщиной посередине в 2,5 см; с обеих сторон оно заострялось. Камни для бросания из пращи держали в красивой плетенке. Употребляли также каменные топоры и очень дорожили железными. Каждый кусок железа они превращали в топорок, натачивая его о камень.

Очень оригинально производилась рыбная ловля; островитяне крошили камешками корень растущего на камнях дурмана. Рыбак нырял на дно и разбрасывал растолченный корень, от которого рыба так сильно одурманивалась, что скоро всплывала сонною на поверхность. Здесь ее просто собирали. Ловили рыбу и сетями, и удоч, но редко. Крючок для удочки, делали из жемчужной раковины. Нить уды и веревки для оснащения лодки вили из луба фау

37

(очень красивого белого дерева) или из жилок кокосовых орехов. Веревки эти гладки и крепки.

Рыболовство не было у туземцев в особом почете; им занимались только безземельные бедняки, лишенные других источников жизни. Зажиточные презирали это занятие. Надо, однако, заметить, что безземельных было очень мало. Лодки нукагивцев с коромыслами из стволов хлебного дерева мано и тамано очень крепки, но грубы. Их сшивали веревками из кокосовых орехов. Они бывали до 10 м длины, 80 см ширины.

Большую часть времени нукагивцы проводили не работая, так как богатая природа давала в изобилии фрукты и плоды. Хлебные, кокосовые и банановые деревья не требуют ухода. Женщины работали больше мужчин. Они вили веревки, делали украшения для себя и для мужей, готовили ткани и т. д. Красавицы-нукагивки, в большинстве своем хорошие домашние хозяйки, отличались большой легкостью нравов.

«Судя по острову, – читаем мы у Крузенштерна, – имеющему в окружности более ста десяти километров, по особенно здоровому климату, по умеренному употреблению напитка кава, здешнее население в двенадцать тысяч жителей довольно малоллюдно. Беспрестанные войны и легкость нравов женского пола, предающегося любострастию с девятилетнего возраста, неуважение супружеского союза чрезвычайно препятствовали размножению народа. Роберте уверял меня, что нукагивки рожают не более двух детей, многие же совсем бесплодны. Следовательно, на каждое супружество положить можно только по одному дитяти, что составляет едва одну четвертую часть по принятому народосчислению в Европе. При этом не могу не признаться, что если бы здесь не было англичанина и француза, то по кратковременности нашего пребывания в заливе Тайо-Гое оставил бы я нукагивцев с лучшими мыслями об их нравах. В обращении с нами они оказывались всегда добросердечными».

Крузенштерн, как это видно из его записок, очень подробно исследовал остров Нукагива в географическом и этнографическом отношениях. Ни одна характерная,

интересная или важная деталь, касающаяся физико-географических условий острова или жизни его населения, не ускользнула от внимательного и опытного мореплавателя. И соответственные главы труда Крузенштерна явились ценным научным вкладом в изучение малоизвестных тогда Вашингтоновых островов.

8. НА САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВАХ

Запасшись пресною водою, дровами и фруктами, 18 мая «Надежда» и «Нева» вышли в море. Они взяли с собой и француза Ле-Кобрит.

В день отплытия экспедиции из Нукагивы он находился на корабле «Надежда». Он не успел во-время уехать на берег. Поднявшийся внезапно сильный ветер принудил сняться с якоря и не-

38

медленно выйти в открытое море. Француз был неутешен. «Надежда» сразу забрала большой ход и была уже порядочно от берегов. В отчаянии он хотел было пуститься в море на доске, но множество акул остановили его.

Рассчитывая сделать открытия, Крузенштерн намеревался итти на Камчатку таким путем, каким не ходил еще ни один мореплаватель, но недостаток свежей провизии заставил его вскоре отказаться от своего намерения и направиться к Сандвичевым островам.

25 мая в три часа пополудни мореплаватели во второй раз пересекли экватор. Во время плавания до 8° северной широты часто наступали штили и дули переменные слабые ветры. Погода все время стояла пасмурная, шли дожди, и моряки наполняли водою все имевшиеся у них бочки. На «Надежде» обнаружилась течь, к счастью, мало опасная. Произошло это оттого, что корабль стал гораздо легче, чем при отходе из Европы; он поднялся из воды, пенька в пазах¹ ватерлинии² совершенно стнила, и при малейшей качке в корабль наливалось много воды. Воду отливали до самого прибытия на Камчатку. Это было очень трудно, так как приходилось качать ручными помпами при сильной жаре.

7 июня показался остров Овайги или Гавай, где суда рассчитывали завестись провизией. Когда экспедиция приблизилась к острову, навстречу вышли лодки с туземцами. У них, кроме плодов и одного маленького поросенка, не было ничего. И это приобрели за высокую цену, так как, кроме сукна, островитяне не брали ничего в обмен. Один пожилой туземец привез даже свою дочь и предлагал купить ее. Заботливый отец привез этот «товар» напрасно и раздосадованный отправился во-свояси. Вторая попытка 8 июня добыть провизию у южной оконечности острова Овайги тоже была безуспешна. Туземцы были, очевидно, избалованы посещавшими их иностранцами. В железе, так высоко ценимом другими островитянами, они не нуждались и стремились только к предметам роскоши.

Экспедиция надеялась получить свежую провизию еще на западном берегу, в большом селении Каракаоа; но обескураженный неудачами Крузенштерн не пожелал туда итти, тем более, что новая остановка там задержала бы прибытие на Камчатку и в Японию до наступления северо-восточного муссона, сильно затруднявшего плавание.

Лисянскому не приходилось так спешить, Крузенштерн предоставил ему возможность зайти в Каракаоа, а сам пошел на Камчатку, куда и прибыл после тридцати пяти дней благополучного плавания от Овайги и пяти с половиной месяцев от Бразилии. От Сандвичевых островов Крузенштерн следовал посередине между путями капитана Кука и Клерка и купеческих судов, плавающих в Кантон.

---

¹ Паз-долевая щель между соприкасающимися досками или брусьями у наружной обшивки и у палубной настилки; его конопатят и заливают смолой.

² Ватерлиния - линия пересечения корпуса корабля плоскостью параллельно уровню воды.

39

22 июня пересекли тропик Рака. После этого настало безветрие, продолжавшееся два дня. Поверхность моря была как зеркало. Пользуясь полнейшим штилем, астроном Горнер и естествоиспытатель Лангсдорф отправились на шлюпке для измерения температуры воды в разных глубинах и для вылавливания морских животных. Им удалось поймать огромную медузу, большое количество рыб, среди них много радужных губанов, великолепных хищных пловцов и колоссального осьминога, длиною вместе с вытянутыми щупальцами 69,5 метра.

От северной параллели 36° Крузенштерн собирался пойти на запад, чтобы удостовериться в существовании земли, означенной на старых испанских картах, к востоку от Японии. У испанцев и голландцев ходили легендарные слухи об этой земле, богатой золотом и серебром. В 1610 г. испанцы послали корабль из Акапулки в Японию для поисков этой земли и присоединения ее к испанским владениям. Однако предприятие кончилось неудачей. Голландцы тоже послали два корабля, под начальством известного капитана Матиаса Кваста, чтобы нагрузить их серебром и золотом. Но они, как и испанцы, успеха не имели. Бесплодно искали эту землю капитаны Фрис в 1642 г. и Лаперуз в 1787 г.

Крузенштерн пишет по этому поводу: «Хотя весьма малую имел я надежду быть счастливее моих предшественников в отыскании сего острова, а особливо при пасмурной погоде, однако, невзирая на то, почитал обязанностью воспользоваться свежим восточным ветром, дабы испытать, не доставлю ли каких-либо сведений о таком предмете, о котором с давнего времени многие географы и мореходцы безуспешно помышляли. Широта этого острова нигде не определена точно. Разность ее составляет несколько градусов. Почему каждый из мореплавателей и должен избрать параллель по своему усмотрению и следовать по ней к востоку или западу. Я избрал параллель 36°».

Крепкие западные ветры и туманы скоро заставили Крузенштерна оставить свое намерение. Хотя в следующие два дня в широтах от 38° до 42° и видны были признаки берега, но пасмурность помешала удостовериться в существовании острова.

14 июля «Надежда» прибыла в Авачинскую губу и вошла в Петропавловскую гавань. Лисянский был счастливее. Ему удалось застать свежей провизией и видеть много интересного. 11 июня «Нева» стала на якорь в заливе Каракаоа. Вскоре приехал на лодке живший неподалеку англичанин Джонсон. Он сообщил, что король Сандвичевых островов находится со своими приближенными временно на острове Вагу или Саху, где готовится к войне с соседним племенем. Управлявший островом англичанин Юнг уверял, что мореплаватели встретят прекрасный прием и получат все им нужное. Действительно, скоро стали появляться лодки с туземцами. Они привезли поросят, кур, плоды, овощи. Кроме свежих припасов, моряки приобрели много различных, очень оригинальных местных изделий. 13 июня Лисянский с офицерами и матросами поехал на берег. Миновав несколько бедных хижин, они вошли в колоссальную

40

аллею. Сопровождавший их старшина показал на деревьях следы английских пуль: это англичане мстили туземцам за убийство мореплавателя Кука.¹ «Много народу тогда погибло», прибавил он.

Отдохнув в жилище старшины, моряки пошли осматривать королевский «дворец», состоявший из шести строений, ничем не отличавшихся от прочих туземных хижин. Прежде чем войти во дворец, старшина снял шляпу, башмаки и кафтан, подаренные ему Лисянским, и остался в одном поясе. Он объяснил, что иначе ни один туземец не имеет права войти в жилище короля. Из дворца пошли в королевскую молельню, устроенную внутри двора и обнесенную забором. У входа и на дворе стояло много малых и больших идолов. В самую молельню моряков не пустили. Затем отправились к главному храму, куда имеют право входить только знатные вельможи. Старшина остался поэтому позади. Перед храмом, построенным на возвышенности, стояло пятнадцать идолов, а перед ними был помост, куда верующие клали свои жертвы. Тут лежало несколько кокосов, бананов и ... жареный поросенок.

Утром 15 июня приехал на «Неву» англичанин Юнг и предложил осмотреть местечко

Товароа, где погиб Кук. В Товароа девять больших храмов, вернее, огороженных мест с идолами. После осмотра достопримечательностей моряки отправились верхом на лошадях в соседнюю долину. По пути попадались тростниковые хижинки, напоминавшие своей формой наши скирды; у порога каждой хижины отдыхали семьи. Около большинства хижин в садиках росли развесистый тамаринд, несколько акаций, бананы, кокосовые пальмы с листьями, поднимавшимися прямо от земли, пестрые кусты красивых цветов. Все это выглядывало из-за забора, чисто сделанного из белого камня. Прозрачный воздух позволял видеть малейшую подробность на горах, сжимавших с обеих сторон долину; на вершинах лес казался наклеенным на серые камни; по скалам виднелись белые точки. Точки двигались. Это были стада диких коз, пасшихся на почти отвесной каменной стене. Под вечер по дороге стали показываться гуляющие совершенно голые канакки и каначки с венками из листьев на головах.

---

¹ Знаменитый мореплаватель – исследователь и открыватель новых земель капитан Джеймс Кук совершил три кругосветных плавания. Во время третьего своего путешествия, в которое он отправился в 1776 г., суда его экспедиции «Резолюшен» и «Дисковери» крейсеровали к северу от Новой Зеландии. После долгого пребывания у берегов Таити Кук направился к Берингову проливу и по пути открыл архипелаг, названный им Сандвичевыми островами. Следуя вдоль берегов Америки, Кук прошел Берингов пролив и направился к северному полюсу, но под 74°44' был остановлен непроходимыми льдами. Кук решил повторить свою попытку плавания по северным водам в следующем году и отправился на Сандвичевы острова. Отношения экспедиции с туземцами все время были очень хорошие, однако 13 февраля 1778 г. моряки заметили исчезновение одной судовой шлюпки. На другой день Кук отправился на берег и потребовал у короля островов распоряжения возвратить похищенную шлюпку. Во время переговоров с туземцами, несмотря на запрещение Кука употреблять оружие, один из матросов случайно выстрелил и убил туземного вождя. Произошла страшная схватка, во время которой Кук погиб.

41

После осмотра всеми офицерами и командой Товароа и живописных окрестностей Лисянский снялся с якоря. Он намеревался идти на остров Вагу посмотреть военные приготовления сандвичан. Узнав, однако, что там появилась заразная болезнь, отправился к острову Отувею, которого достиг 19 июня.

Наступило безветрие, и корабль чуть-чуть двигался течением между островами Онигу и Отувеем. Перед вечером приехал на «Неву» король островов Тамури. Он говорил по-английски, показал свидетельства, полученные от капитанов кораблей, которых снабжал провизией, и пригласил зайти в его владения. Лисянский объяснил ему, что иностранцы заходят к нему редко, так как не считают себя там в безопасности. Ему гораздо выгоднее стать таким же доброжелательным и честным, как король Овайги, Камеамеа, к которому ежегодно заходят от десяти до двадцати кораблей.

20 июня подул попутный ветер, и «Нева» пошла к Алеутским островам.

*

Сандвичевы острова открыты Куком в 1778 г. Во время плавания Крузенштерна острова принадлежали двум королям. Один из них – Камеамеа – был человек замечательно способный и храбрый. Он пользовался доверием и приязнью европейцев. При вторичном посещении Сандвичевых островов каждый капитан привозил ему какой-нибудь ценный подарок. Один подарил ему несколько штук рогатого скота и лошадей. Островитяне не сумели уберечь скот: он разбежался, одичал и размножился в таком количестве, что портил насаждения туземцев. Однажды с гор спустилось стадо быков, против которых королю пришлось послать целое войско, но и войско с ним не справилось.

Военные силы на Сандвичевых островах были организованы довольно хорошо. У сандвичан и у нукагивцев строго соблюдался «табу». Однажды островитянин съел

кокос во время «табу» и должен был за это умереть. Один европеец попытался заступиться за преступника. Он убеждал короля, что за такой мелкий проступок слишком жестоко наказывать смертью. Король выслушал внимательно и твердо ответил: «Овайга – не Европа, и то, что маловажно в глазах европейцев, может быть очень важно для островитян». Другой пример обычаев туземцев: в округе, управляемом Юнгом, муж и жена поссорились и пожелали разойтись. У них был малолетний сын. Ни один из супругов не хотел с ним расстаться. К соглашению они притти не могли. Отец взял мальчика одною рукою за шею, другою – за ноги, переломил ему спину о свое колено, и мальчик умер. На такое варварство Юнг пожаловался королю. Тот нашел, что отец вправе делать со своим сыном, что пожелает.

Год у сандвичан начинался с ноября и делился на двенадцать месяцев, по тридцать дней в каждом. Все тридцать дней имеют разные наименования. Двенадцатый месяц, макашти, посвящался увеселениям, играм, пляскам и показательным сражениям. Король, где бы он ни находился, должен был сам открыть этот праздник.

42

Перед восходом солнца он надевал на себя роскошный плащ из перьев, садился в лодку и отплывал на такое расстояние, чтобы с появлением солнца снова вернуться на берег. Здесь ожидал его один из лучших ратников. На берегу он сбрасывал плащ, и ратник на расстоянии тридцати шагов бросал в него копье, которое король должен был поймать. Если ему это не удавалось, его убивали.

Кто-то посоветовал Камеаеа отменить этот обычай, чтобы не подвергать опасности свою жизнь. Но он гордо ответил: он так же искусно умеет ловить копье, как его воины метать, и ему не грозит ни малейшей опасности. Поймав копье, король шествовал с ним подмышкою в неяву, или главный храм. Это служило знаком к открытию празднеств. Всюду начинались примерные битвы, для которых приготавливались копья с тупыми концами. Во время макашти всякие наказания прекращались. После смерти короля приносились человеческие жертвы. В знак скорби по умершим царапали себе тело до крови, остригали волосы, выбивали себе передние зубы.

Волосы сандвичане не брили, как нукагивцы, а стригли коротко, причем мужчины оставляли от лба до затылка гриву, наподобие римского шишака, а женщины – две длинные пряди на висках. Как шишаки, так и пряди окрашивали истолченными кораллами в бледно-желтый цвет, отчего на первый взгляд казалось, что у туземцев двухцветные волосы. Сандвичане смыслены, способны и не лишены природного вкуса. Все изделия сандвичан, особенно ткань, которую вырабатывали женщины, были прекрасного качества. Кору дерева таро мочат, потом натягивают на доску и колотят плоской лопаткой, жилистые частицы расплющиваются, сливаются и образуют тонкую ткань, которую окрашивают соком кореньев и ягод. Узоры разрисовываются бамбуковым прутиком с расщепиной наподобие пера. Иногда употребляют вальки с нарезными узорами, как на европейских фабриках. Сочетания цветов и рисунки так хороши, что могли бы создать славу любой европейской фабрике.

9. В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ-НА-КАМЧАТКЕ

Расставшись с «Невой» у Сандвичевых островов, Крузенштерн направился к Камчатке. Через тридцать пять дней плавания от острова Овайги 14 июля 1804 г. «Надежда» подошла к Авачинской губе. У входа в Авачинскую губу стоят «Три брата» – острые камни, вытянувшиеся в ряд у стрелки утеса, замыкающего вход. Авачинская бухта – одна из живописнейших на земном шаре. Высокие горы, леса и тундры затрудняют сообщение Камчатки с материком Азии. Наиболее удобный доступ в эту страну – с моря. Авачинская губа дает удобное спокойное пристанище заходящим в нее судам. Узкий пролив с высокими стенами скал по обеим сторонам соединяет ее с морем. Зеркальные воды губы почти не волнуются ветром: для него нет доступа в эту твердыню природы. Кругом пустынно. Петропавловск, раскинувшийся на берегу маленькой внутренней бухты губы, похож на деревню. Маленькая

церковь, несколько десятков жалких домиков, крытых древесной корой, – вот и все здания.

Через одиннадцать месяцев плавания после выхода из Кронштадта «Надежда» снова вошла в русские воды и стала на якорь в Петропавловской гавани, самой отдаленной и заброшенной во всем государстве.

Прибытие «Надежды» в порт составило целое событие. Это было первое русское судно, пришедшее из далекой Балтики, совершившее небывалый переход, не имевший себе подобного в истории русского флота. Весь город пришел в движение. Всех охватило праздничное настроение. Жители выражали искреннюю радость по поводу прибытия моряков и всячески, старались им чем-нибудь услужить. Корабль был расснащен, вся оснастка была отправлена в портовые мастерские для ремонта, так как после продолжительного непрерывного плавания, сопровождавшегося сильными бурями, нуждалась в исправлении или замене.

Погруженные в Кронштадте припасы и товары, отправленные Российско-американской компанией для Камчатки, были выгружены на берег.

12 августа прибыл в Петропавловск губернатор Кошелев со своим адъютантом, капитаном Федоровым, и отрядом гренадер. Путешествие их от Нижне-Камчатска, столицы Камчатки, до Петропавловска (150 км!) сопряжено было с большими трудностями. При летнем бездорожье Камчатки большую часть расстояния пришлось проехать по реке Камчатке в самой первобытной долбленной лодке, в которой надо было плыть против течения десять суток. Путники все время лежали в лодке, вытянувшись во весь рост, а сменявшиеся в каждом «остроге» камчадалы толкали ее день и ночь шестью. Такое плавание грозило каждое мгновение опасностью: лодка легко могла опрокинуться от сильного порыва ветра, или от нарушения равновесия, или от удара о плавающие в реке в большом количестве пни и колоды.

Вместе с Кошелевым Крузенштерн посетил в Петропавловске школу для камчадалских мальчиков и девочек. По его наблюдениям, молодое поколение туземцев отличалось способностями, быстротой и живостью понимания.

Во время стоянки почти ежедневно шли дожди и часто подымался туман. Несмотря на это, офицеры и команды, свободные от службы, каждый день отправлялись на охоту или на рыбную ловлю. Моряки возвращались всегда с богатой добычей, довольные и веселые. Им нравилась камчатская охота, возможность побродить по живописным окрестностям Петропавловска, среди родной им северной природы, которую они предпочитали чуждой роскоши тропиков.

Камчатка богата прекрасными лесами, луговыми угодьями, ископаемыми, пушным и морским зверем и разными рыбами, особенно ценными лососями. Там водятся в изобилии лисицы, соболи, выдры, горностаи, евражки, медведи, волки, дикие и домашние олени, зайцы, рассомахи, каменные бараны и другие звери.

За шестинедельную стоянку в Петропавловске Крузенштерн привел свой корабль в полный порядок, сделал запас продовольствия и приготовился к дальнейшему плаванию. Перед уходом из Петропавловска команда и офицеры «Надежды» соорудили на площади памятник английскому капитану Клерку и Делиль-де-ла-Кроэру – исследователям северной части Тихого океана.

27 августа 1804 г. «Надежда» вышла из гавани в Японию. Перед уходом полудикий француз Ле-Кобрит, привезенный сюда с острова Нукагива, покинул корабль. Он очень полюбил губернатора Камчатки Кошелева и просил его взять к себе, что тот и исполнил.

Состоявший в свите посланника поручик гвардии граф Федор Толстой также списался с корабля. За время плавания от Кронштадта до Камчатки он вел себя очень непристойно, перессорился со всеми офицерами «Надежды» и учеными и заслужил общее нерасположение.

В хороший, ясный день «Надежда» оставила Петропавловск. Ее провожало все население.

10. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЯПОНИИ

Выйдя 27 августа из Петропавловска, «Надежда» взяла курс к юго-западу. Вблизи Курильских островов моряки любовались непрерывной цепью величественных вулканов, часто «курящихся».

12 сентября начался сильный шторм, продолжавшийся двенадцать суток. Лишь в Японском море погода стала тихой, и плавание продолжалось при легком благоприятном ветре. 27 сентября показались берега северной Японии. На корабле состоялось большое торжество: посланник раздавал серебряные медали всем участникам кругосветного путешествия. В своей речи он сказал: «Обойдя полвселенной, мы, наконец, видим себя в японских водах. Вы, опытные путеводцы, заслужили славу, которой даже самые завистливые люди вас никогда не лишат».

Курс продолжали держать к юго-западу. Морские карты, которыми пользовалась экспедиция, составлены были настолько неправильно, что берега Японского архипелага в действительности оказались гораздо западнее. С утра 26 сентября начался сильный шторм. К четырем часам пополудни он превратился в так называемый тифон (по-японски «тайфун»), жесточайший ураган, свирепствовавший обыкновенно в японских и китайских водах в период осеннего равноденствия и в начале октября.

«Надежда» находилась вблизи японских берегов. Ветер постепенно свежел. Налетали порывы. С каждым разом они становились все сильнее и сильнее.

Крузенштерн приказал убрать все паруса и поставить штормовые стаксели.¹ К полудню ветер так усилился, что громадные волны вкатывались на корабль то с носа,

---

¹ Стаксели – треугольные паруса, поднимаемые по лееру или по штагу. Штаг-снасть, которая держит мачту или ее продолжение, стеньгу, спереди и сзади.

45

то через борт и затапливали внутренние помещения судна... Наконец, стаксели сорвало, и нельзя было нести ни одного паруса. Гул ветра, свист между снастями, потоки льющейся воды, рев волн, вливавшихся с обоих бортов, крик приказаний – все это, поднятое вихрем, казалось, кружилось в воздухе. Люки наглухо законопатили, находившиеся в жилых палубах люди лишились света и воздуха. Внутри корабля, как и везде, было душно и мокро от вливавшейся воды, которая проникала даже сквозь законопаченные люки.

Ураган усиливался... Кипевший океан бурлил, исполинские горы волн стремительно падали в разверзавшиеся пропасти. Над волнами носились облака водяной пыли. Качка была ужасная. В каютах оставаться было невозможно. Все, что расставлено на полках, повешено на гвоздях или лежало на комодах, задвигалось. Вещи, привязанные крепко к стенам и к полу, отрывались. От шума бури нельзя было разобрать, гудит ли ветер или гремит гром. Корму корабля повредило, самого его бросало как щепку.

В восемь часов вечера волны вышибли иллюминаторы¹ в кормовых каютах и залили каюты по пояс; пришлось закрыть люки со сходами в нижнюю палубу, которая стала заливаться водой.

Ураган трепал корабль, точно желая его уничтожить, но судно не поддавалось, вскакивало на волну и снова опускалось. Матросы толпились на шканцах и на юте, держась за протянутые леера.² Крузенштерн стоял у штурвала, рядом с четырьмя рулевыми, правившими рулем, и отрывисто давал указания. Тут же стояли старшие офицер и штурман. Корабль перестал слушать руля, его начало нести к прибрежным скалам, где он неминуемо бы разбился... Взгляды всех, полные мольбы и надежды, были устремлены на Крузенштерна, а он, к ужасу своему, не находил исхода... Но вдруг глаза его радостно блеснули. И в то же мгновение он скомандовал уверенным голосом:

– Паруса ставить! Марсовые,³ к вантам!.. живо, живо, братцы! Три рифа⁴ взять!
И марсовые, стремительно качавшиеся на реях, отвязывали марселья и брали рифы,

несмотря на сильнейший ветер, грозивший каждое мгновение сбросить их на палубу или в море. Одной рукой приходилось держаться за рею и, прижавшись к ней, работать другой на тридцатиметровой высоте при ледяном вихре. Наконец, в самый критический момент, когда казалось уже, что спасения нет и корабль разобьется о прибрежные подводные скалы, к которым он приблизился на несколько десятков метров, паруса были поставлены.

¹ Иллюминаторы - окна в каютах. Во время похода на качке их закрывают герметически.

² Леера - веревки, протягиваемые вдоль судна во время сильной качки.

³ Марс - деревянная площадка (наверху мачты). Марсовые - люди, работающие по расписанию на марсе и на реях.

Рея - рангоутное дерево, подвешенное за середину и служащее для привязывания паруса. Ванты - снасти, поддерживающие мачты с боков.

⁴ Взять рифы у паруса - уменьшить площадь паруса, связывая его рифштерты (связки) или за леера у парусов.

46

- Право руль! Право на борт! - скомандовал Крузенштерн, и «Надежда», накренившись, почти касаясь бортом воды, понеслась теперь от берега, оставив за собой страшную пенящуюся ленту бурунов. В это же время, к счастью, ветер отошел¹ на 90° и с такой же силой погнал «Надежду» от берега в море. Поставленные и

Старинное русское морское судно (с гравюры XVI века).

зарифленные паруса продержались всего несколько минут. Их сорвало... До полуночи «Надежда» беспомощно носилась во власти тайфуна, затем ураган стал стихать.

Повреждения корабля после урагана оказались тяжелыми, но за несколько часов усиленной работы все было починено. Снова поставили паруса и продолжали путь к острову Киу-Сиу, к Нагасаки.

¹ Отходить (говоря о ветре) - держаться более попутным.

27 сентября 1804 г., ровно через месяц по выходе из Петропавловска, «Надежда» прибыла в Нагасаки. В открытом море перед входом в Нагасакский залив попалась навстречу японская рыбацья лодка. Японцы, бывшие на «Надежде», по приказанию Крузенштерна, окликнули ее и заговорили с рыбаками по-японски, приглашая их на корабль. Удивленные рыбаки, слыша японскую речь на чужеземном корабле, сначала не решались подойти ближе, а затем согласились взойти на судно. Их приветливо встретили и угостили водкой и сухарями. Рыбаки сообщили, что нагасакские власти извещены уже четыре дня огнями о приближении корабля, замеченного прибрежными жителями; навстречу будут высланы чиновники, Нагасаки находится очень близко, и «Надежда» может идти туда «сегодня же до заката солнца». От рыбаков же узнали, что в Нагасаки стоят два голландских купеческих судна и несколько китайских. Несмотря на то, что наши моряки встретили очень сердечно японцев, они держались с опаской и спешили вернуться на лодку.

Здесь уместно дать краткий очерк истории проникновения европейцев в Японию, историю знаменитого острова Десима в Нагасакской бухте, на котором, ценою двухсотлетнего плена, голландцы пользовались исключительным правом торговли с Японией, а равно знакомства русских с «Епонским государством».

Япония была совершенно неизвестна в Европе до Марко-Поло (XIII в.), который узнал от китайцев о существовании к востоку от Азиатского материка островного царства, богатого золотом и называемого «Дзипангу». Самое открытие Японии европейцами произошло спустя около трех столетий. В 1542 г. один из португальских кораблей, нагруженный товарами, был захвачен по выходе из Макао китайскими пиратами. Три португальца, бежавшие из плена на китайской джонке, после долгих скитаний были выброшены бурей на берег острова Тонего-Сима. Там их радушно приняли туземцы и местный князь. Португальцы побывали на острове Киу-Сиу и возвратились на родину, принеся известие о необычайных богатствах открытой ими страны. Вслед за открытием Японских островов начались торговые сношения с ними португальцев, а затем и испанцев.

Это была эпоха морского могущества Португалии и Испании, владевших громадными флотами и колониями.

С португальцами и испанцами попали в Японию католические миссионеры. Римский папа наделил орден иезуитов многочисленными привилегиями и предоставил ему право исключительного миссионерства в Японии. Своим вмешательством во внутренние дела страны миссионеры вызвали грозный императорский указ 1639 г., в силу которого все португальцы и испанцы изгонялись навсегда из пределов Японии.

Конец XVI в., ознаменовавшийся борьбой Голландии за независимость, доставил голландцам политическую свободу и сделал их опасными соперниками морского могущества Испании. Из основанных в это время голландских колоний особенно процветала столица голландской Ост-индской компании Батавия на острове Ява. Из

Батавии были впервые посланы голландские суда в Японию. В 1611 г. компания получила от японского правительства право торговли. Первая голландская фактория в Японии была открыта на острове Хирандо, недалеко от Нагасаки.

Торговые права голландцев были в то время очень велики: они могли сбывать товары по всей стране и присылать в Японию неограниченное количество кораблей. Фактория быстро богатела. Голландцы, решившие здесь твердо основаться, стали мало-помалу возводить европейские постройки. И маленькая колония начала принимать вид европейского поселения. В 1640 г. в Хирандо прибыл внезапно уполномоченный из Иеддо и объявил начальнику фактории императорский приказ срыть до основания все постройки фактории, на которых значилось имя Христа. Словом, голландцам, подобно португальцам, угрожало изгнание из Японии.

Директор фактории Карон беспрекословно исполнил приказание и принялся срывать здания, дома и магазины. Это повинование спасло голландцев. Японское правительство смягчилось и перевело факторию с острова Хиранда в Нагасаки. Для

этого в гавани города был сооружен искусственно небольшой островок Десима, сделавшийся знаменитым в истории голландского поселения в Японии. На этом островке, с истинно фламандским терпением, голландцы продержались более двухсот лет, до начала сношений с Японией европейцев в 1853 г.

С переводом фактории в Нагасаки закончился золотой период голландской торговли. Торговые привилегии голландцев значительно сокращены, самая жизнь их в Японии, в результате подозрительности японского правительства, стала исключительно тягостной. Несмотря, однако, на это, Ост-индская компания не хотела лишиться выгодной монопольной торговли и постоянно предписывала своим резидентам на Десиме подчиняться беспрекословно всем японским требованиям. Между тем, требования эти были очень тяжелы и оскорбительны для европейцев.

Островок Десима (по-японски Десима Матсу - «улица передового острова») представлял песчаную отмель в Нагасакской бухте, соединяющуюся с городом небольшим каменным мостом. Весь остров, напомилавший раскрытый веер, длиною в 182 м и шириною в 75 м, был окружен высоким деревянным забором, не позволявшим видеть происходившего в городе и бухте. В конце моста, соединявшего Десиму с городом, были ворота с караульным домом. Здесь помещалась главная стража «мом-бам» (стража ворот). Она бдительно следила за всеми входящими и выходящими с острова. На северной, обращенной к морю стороне находились так называемые «водяные ворота». Они открывались во время стоянки голландских судов, приходивших из Батавии. У этих ворот находилась особая стража «фана-бам» (корабельная стража), следившая за нагрузкой и выгрузкой голландских кораблей. В нескольких метрах от острова поставлено было в воде тринадцать высоких столбов. На них прибили доски с приказами губернатора, запрещавшими, под страхом строгого наказания, приближаться к острову посторонним лодкам и судам. У ворот, которые вели в город, также были выве-

49

шены приказы и распоряжения, касавшиеся и жителей Десимы, и японцев, посещавших остров.

На этом-то небольшом пространстве жили начальник фактории, или директор, и пятнадцать-двадцать человек служащих компании. Тут же были магазины и службы. Вдоль всего острова проходила единственная улица. В конце ее на небольшой площадке развевался голландский флаг. Ни один голландец не имел права выходить из Десимы без особого разрешения главного пристава острова. Этот полицейский офицер имел высший надзор за факторией. Он наблюдал за порядком, заботился о доставлении необходимых припасов, наблюдал за продажей товаров, выдавал пропускные билеты, чинил суд и расправу над японцами и голландцами. Японское правительство обзавелось целым штатом переводчиков-японцев (до 150 человек). Они изучили голландский язык для надзора за обитателями фактории и облегчения сношений их с местными купцами. Все здания, выстроенные голландцами на острове, считались принадлежащими Нагасаки; управление городом брало с голландцев огромную плату, которую могло изменять по своему усмотрению.

Единственным событием, нарушавшим томительное однообразие жизни обитателей фактории, было путешествие голландской миссии к императору в Иеддо. По установившемуся обычаю, путешествия эти, имевшие целью поднесение подарков иеддскому двору, совершались в начале каждого года, а с конца XVIII в. раз в четыре года. Директор фактории, получавший на это время звание посланника, отправлялся в качестве представителя Ост-индской компании в Иеддо на поклон к тайкуну.¹ Его сопровождали секретарь, врач и японская свита.

Во время путешествий, длившихся около двух месяцев, члены посольства имели возможность входить в сношения с населением, изучать его нравы, обычаи, знакомиться с историей и топографией Японии. Журналы путешествий, начиная с 1690 по 1830 гг., служат до сих пор лучшими источниками для ознакомления, с Японией того времени. Врачи фактории, проезжавшие на Десиму для изучения этой малоизвестной страны, обыкновенно тоже вели дневники своих путешествий и издавали их по возвращении в Европу. Так появились считающиеся и в настоящее время классическими труды Кемтарера (1690), Тунберга (1775), Зибольда (1823) и

др. по истории, этнографии, ботанике Японии.

Одно время наравне с голландцами в XVIII в. в Японии торговали и англичане, прибывшие в Хирандо в 1613 г. с письмами британского короля к японскому императору и с товарами на одном из кораблей Ост-индской компании. Начальник экспедиции капитан Сорж сумел завязать торговые сношения и войти в переговоры с правительством, от которого получил патент с широкими правами. Англичане основали в Хирандо факторию, но в 1623 г. им, по неизвестным до сих пор причинам, пришлось оставить Японию. По-

---

¹ В Японии в это время царствовали два императора: микадо-духовный и тайкун - светский.

50

пытка англичан через 30 лет возобновить сношения была встречена неприязненно, и все их дальнейшие старания не приводили ни к чему до середины XIX в., когда им удалось, наряду с русскими и американцами, заключить договор, открывший для иностранной торговли несколько Японских портов.

В России первые сведения о Японии были получены из Европы. Можно считать, что первым, у которого русские узнали про Японию, был знаменитый голландский ученый и картограф XVI в. Герард Меркатор. Его «Атлас», напечатанный в 1601 г., с многочисленными описаниями и картами многих земель, стран и народов, выдержал в Западной Европе до 50 изданий и несколько его экземпляров попало в Москву. Географические описания из него были переведены в 1637 г. на русский язык.

Через 20 лет, в 1657 г., в Москве была издана «Книга, глаголемая космография, - описание всего света земель и государств великих», - представлявшая собой русскую переработку текста Мерка-тора. Среди многих географических описаний, заимствованных «Книгой» из «Атласа», имеется очень туманное описание Японии под заголовком: «О Японии, или Япан-острове». Там сообщается, что «тут золото и жемчуг и камене драгоценные и всяким богатством то государство изобилует».

В 70-х годах XVII столетия, в связи с соприкосновением русских с Китаем, в Москве начинают интересоваться Японией и собирать о ней сведения. Некоторые данные о Японии доставил правительству Николай Спафарий, отправленный в 1675 г. послом России в Китай. Первые более или менее подробные сообщения о Японии доставил завоеватель Камчатки казак Владимир Атласов. Во время своего пребывания на юге полуострова Атласов собрал у населения некоторые рассказы о Курильских островах и Японии и узнал, что у него живет два года неизвестный иноземец - «полоненин». Пленник этот, Денбей, оказался японским торговцем, потерпевшим кораблекрушение у берегов Камчатки. Денбей прожил к отряду Атласова два года, подучился говорить по-русски и был отправлен сначала в Якутск, а затем в конце декабря 1701 г. в Москву. Этот первый в России японец сообщил много разнообразных сведений о своей стране.

В начале января 1702 г. с Денбеем долго беседовал Петр I в Преображенском под Москвою. Результатом этой встречи был указ: «Ево, Денбея, на Москве учить русскому языку, а когда он в нем навькнет, дать Денбею в научение из русских робят человека 3 или 4 учить по японскому языку или грамоте». Приказано было его утешать и обещать, что по окончании обучения «робят» он будет отпущен на родину. В 1710 г. Денбей, окончивший изучение русского языка, обратился с просьбой отпустить его в Японию, но Петр его не отпустил и велел окрестить в православную веру.

Из рассказов Денбея можно было узнать, что Япония находится сравнительно близко от Курильских островов, что японцам запрещено ездить для торговли в иностранные государства, а из иностранцев допускаются для торговли одни голландцы, да и то в единственный порт Нагасаки. О таких порядках в Японии москов-

51

ское правительство уже слышало от иностранцев, рисовавших Японию как страну,

богатую золотом, серебром, с развитым сельским хозяйством и имевшую войско, вооруженное огнестрельным оружием.

Придавая огромное значение развитию российской торговли, особенно внешней, Петр настойчиво добивается установления сношений с Японией. В 1702 г. он издает указ о посылке на Камчатку приказчика, которому поручается, между прочим, и заведение торговых отношений с Японией: «И домогатца ему всякими мерами, по которое время прислан будет из Москвы из стольников, чтобы учинить с Японским государством меж русскими людьми торги не малые. И проведать ему, какие у них в Японском государстве узорчатые товары обретаются также и русские товары, в том государстве какие надобны и на которые походу больши бывают и станут ли они с русскими людьми торг иметь, и воинские японские люди какое у себя имеют оружие, и битву, и к воинскому делу каковы удобны, и какие пути проезд к ним бывает, о том вышеописанном о всем осведомитца подлинно и писать в скорости с приезде его из камчадальского в Якуцкой, а из Якуцкого о том писать к великому государю к Москве в Сибирский приказ».

Одновременно предпринимаются и первые попытки розыска пути в Японию. Поиски эти шли в двух направлениях – из Камчатки, к югу, вдоль Курильской гряды, и из района Уды и Тугура, к востоку, через Шантарские острова.

Неоднократные плавания казаков и промышленников не привели к желаемому результату – открытию морского пути.

Между тем, к правительству поступало все больше и больше различных сведений о Японии. Получались они в большинстве случаев от японских купцов и мореплавателей, попадавших в результате кораблекрушений на Камчатку, а оттуда в Якутск, Иркутск, Москву и Петербург. Полученные сведения усиливали интерес правительственных и торговых кругов к Японии. Открыт морской путь в эту страну был уже после смерти Петра I Второй экспедицией Беринга.

Капитан Шпанберг и лейтенант Вальтон в плавании 1739 г. и мичман Шельтинг в 1742 г. сделали важные географические открытия. Они первые из европейцев нашли путь в Японию с севера, побывали на японских островах Хондо (Нипон) и Матсмай (Хоккайдо),¹ прошли и нанесли на карту все Курильские острова и восточный берег Сахалина. В бытность у японских берегов Шпанберг и Вальтон вступили в сношения с японцами.

Следующее посещение русскими Японии состоялось в 70-х и 90-х гг. XVIII века. В 1778 г. на Хоккайдо побывало судно купца Лебедева-Ласточкина с товарами для «японского торгу».

Начальник экспедиции Антипин и посадский Шабалин вели долго переговоры с японцами, закончившиеся малоуспешно. Японские власти объявили им, что русским запрещается посещать и

---

¹ Остров Матсмай, или Иессо, или Хоккайдо – самый северный из островов Японского архипелага.

Хоккайдо и соседние (южные) Курильские острова, а торговать с японцами они могут через айнов, жителей более северных Курильских островов.

При Екатерине II была сделана еще одна попытка войти в нормальные дипломатические отношения с Японией. Инициатором ее был крупный исследователь Сибири академик Э. Лаксман. Лаксман посоветовал императрице снарядить экспедицию в Японию под предлогом возвращения на родину японцев, потерпевших кораблекрушение. Экспедиция состоялась в 1792–1793 гг. под начальством Лаксмана – сына, исправника в Гижиге, и при близком участии одного из деятелей Российско-американской компании Г. И. Шелехова. Русским удалось проникнуть еще дальше в японские воды. Они первые побывали не только в Хакодате, но и в главном городе острова Хоккайдо – Мацумай. После продолжительных переговоров с представителями местных властей и самого Спогуна японцы объявили, что доступ на японские острова русским попрежнему запрещен, но что «одному судну великого русского – государства» разрешается посетить Нагасаки для дальнейших переговоров. Для этого был выдан специальный пропуск «на императорском дипломе».

Занятое событиями в Европе, русское правительство не воспользовалось полученным разрешением. И только спустя 10 лет, при организации первого кругосветного плавания в Русскую Америку, было решено отправить Резанова для переговоров с Японией.

Вернемся к нашему рассказу об этом плавании Крузенштерна и Резанова.

Через полчаса после отъезда рыбаков Крузенштерн приказал дать пушечный выстрел. Вскоре показалось японское судно с двумя чиновниками и шестью гребцами. Когда оно приблизилось к «Надежде», все наши моряки устремились к правому борту корабля, куда пристали японцы. Все хотели скорее увидеть первое японское судно, его флаги, прибывших чиновников, их одежду и знаки различия.

У первого чиновника, стоявшего посреди судна, было за поясом два меча. Голова его была обнажена. Заметив подошедших к борту Крузенштерна и других офицеров, он почтительно и низко поклонился и задал следующие вопросы: «Какое судно? Откуда? Какие люди на нем находятся? Куда едет и зачем?» Ему ответили через одного из привезенных из России японцев: судно – российское, военное, прибыло из Петербурга; люди, находящиеся на нем, все россияне; на этом корабле находится от российского императора чрезвычайный посланник к императору японскому с грамотами и подарками; на нем же привезены четыре японских подданных, которые имели несчастье потерпеть кораблекрушение у российских берегов; русский император велел возвратить их обратно в отечество. Корабль называется «Надежда» и идет в Нагасакскую гавань. Японский чиновник возразил: в эту гавань никто не имеет права входить без особого повеления японского императора; доступ туда открыт только одним голландцам. Посланник Резанов сообщил, что русские имеют разрешение от япон-

53

ского императора и вручил ему следующую записку на голландском языке:

«От великого императора всея России к его тензинкубосскому величеству великому императору японскому камергер Резанов отправлен послом для поднесения его величеству даров и возвращения четырех человек его подданных. Отправился из престольного города Петербурга июля 26 минувшего года и прибыл в японские воды сентября 27 настоящего года. Просит японское правительство о присылке лоцмана для прохода корабля в Нагасакскую гавань».

Прочтя записку, чиновники привели «Надежду» ко входу в бухту, где просили отдать якорь, из пушек не стрелять и не входить в залив до прибытия из города уполномоченных губернатора.

Сняв копию с разрешения, выданного в свое время Лаксману, японские чиновники выразили недоумение, почему русские только теперь, спустя 12 лет, воспользовались полученным разрешением, и сообщили, что четыре года подряд ждали прихода русского корабля. В девять часов вечера на Нагасакском рейде показались огни, и из залива появилось множество японских джонок и между ними большое судно, оснащенное разноцветными огнями в бумажных фонарях. Вся эта флотилия подошла к «Надежде». На ней прибыли уполномоченные губернатора и корабельная стража.

Сначала вошли на «Надежду» переводчики – старший и два младших. Они приветствовали командира корабля низкими поклонами, держась за коленки и приседая по японскому обычаю. Затем с любопытством рассматривали корабль, удивлялись военным порядкам, «тикету» и двум гренадерам, стоявшим на часах у трапа, ведущего в каюту посла. Переводчиков провели к Резанову. Они еще более почтительно приветствовали его с благополучным приездом и сообщили о прибытии уполномоченных губернатора, желающих представиться «великому послу».

Резанов ответил, что будет рад видеть уполномоченных и примет их с особым удовольствием. Переводчики вышли, спустились на японское судно и через минуту возвратились на корабль. Вслед за ними поднялся японский вельможа – уполномоченный губернатора. Привезенные из России японцы бросились перед ним на колени и, распростершись на палубе, били ее лбом. Уполномоченный изумился и спросил, кто они такие. Получив ответ и не сказав им ни слова, он пошел важной, величавой походкой вперед.

При его приближении караул сделал особый почетный ружейный прием «на караул», а барабанщик пробил «дробь».¹ Вельможа сначала как бы испугался от неожиданности, остановился и

---

¹ Для оказания особых почестей высокопоставленным лицам на судах старого военного флота выставлялся караул с ружьями при барабанщике. Когда почетное лицо прибывало на корабль, караул делал ружейный прием «на караул», а барабанщик бил «дробь».

54

смущенно спросил: «Что это значит?» Ему объяснили: как высокой особе, оказывается ему военная почесть по русскому военному морскому уставу. Вельможа просиял и выразил благодарность, но просил оказать такую же почесть и другому чиновнику, уполномоченному губернатора, когда он вступит на корабль. Желание его было исполнено. Свита обоих чиновников состояла более чем из тридцати человек. Одних переводчиков, знающих голландский язык, было шесть, но для перевода призывались только три старших из них. Посланник пригласил уполномоченных и переводчиков занять места на диване. Уполномоченные уселись, подогнув по обыкновению ноги под себя. Переводчики остались стоять. Через минуту в каюту посланника вошли японские служители, поставили перед каждым уполномоченным по одному небольшому длинноватому лакированному ящику с курительными трубками и маленькую жаровню с горящими угольями для раскуривания табака. Переводчики принесли с собой изящные лакированные ящички, в которых находились бумага, кисти, тушь и другие письменные принадлежности. С ними они расположились на полу. У младшего чиновника был в руках сверток бумаги, на котором он записывал все, что говорилось. То же делали и старшие переводчики. Начались переговоры с уполномоченными.

Уполномоченные особенно интересовались грамотой, которую Александр I посылал императору Японии. По распоряжению Резанова чины свиты посольства торжественно принесли ящик с футляром. Ящик и футляр были открыты, баниосы (чиновники) встали с места, на цыпочках подошли к столу, на котором был поставлен ящик с грамотой, и внимательно рассматривали блестящую золотую парчу. Они очень просили показать им самую грамоту. Посланник заявил, что подлинную грамоту он открыть не может и показал только копию с нее.

Старший баниос спросил:

– Согласен ли великий посол повиноваться обычаям страны Восходящего Солнца?

Резанов ответил:

– Согласен, если они не будут предосудительны для величия России.

Затем баниосы просили вызвать японцев, привезенных из России, и, расспрашивая их, записывали подробно ответы.

В это время в каюту посланника вошел капитан голландской морской службы и попросил разрешения у баниосов войти на русский корабль голландскому обер-гаупту, или главному директору, управляющему голландскими торговыми делами и факторией,¹ генералу Деффу, чтобы дать ему возможность повидаться с русским великим послом.

Обер-гаупт Дефф прибыл одновременно с баниосами и не осмеливался без позволения старшего баниоса выйти из японского судна и войти на «Надежду». Он ждал около двух часов и решил,

---

¹ Фактория – пункт торговли и обмена с туземцами.

55

наконец, напомнить о себе. Получив разрешение, Дефф появился в каюте. На

французском языке он приветствовал посла и представил ему командира голландского корабля и своего секретаря. Резанов любезно отвечал на приветствия.

Дефф не оказал должного почтения присутствовавшим здесь баниосам. Ему тотчас напомнил о том толчком в бок один из старших переводчиков, сказав при этом:
- Господин Дефф, кланяйтесь!

Дефф мгновенно обратился к баниосам, сложил руки ладонь к ладони, поклонился так низко, что коснулся ими палубы. То же самое проделали и прибывшие с ним его секретарь и капитан барон Палет.

Русские моряки и чины посольства чрезвычайно изумились низкопоклонству и раболепию голландцев, гордость и высокомерие которых в Восточной Индии и на островах Великого океана были известны всему свету. Там они казались господами и владыками, здесь, в Японии, производили впечатление рабов. Когда голландцы кланялись японским вельможам, младшие переводчики лежали на палубе перед баниосами. В это же время старший переводчик закричал:

- Начальник Дефф, приветствовать великого господина!

После этого Дефф и все голландцы, держа себя за колени, поклонились в пояс и продолжали кланяться, пока, по знаку старшего баниоса, им не было разрешено встать. Пока голландцы приветствовали японских сановников, старший из них, сидя на корточках, обратился к посланнику со следующими словами:

- Господин посол! Вам странны обычаи наши, но всякая страна имеет свои, а голландцев мы издавна называем нашими друзьями, и вот доказательство их доброго к нам расположения. Согласны ли вы сему следовать?

- Нет! - ответил Резанов. - Я слишком почитаю японскую нацию, чтобы дружбу и работу с ней начинать с безделиц. А обычаи ваши несколько для меня не удивительны. Но они у нас другие, и притом они также непоколебимо сохраняются.

Затем баниосы завели разговор об оружии. Они заявили, что русское судно получит разрешение войти в Нагасакскую гавань при условии, если обяжется выдать порох, пушки и все огнестрельное оружие, сабли и шпаги, из которых только одна может быть предоставлена послу.

Резанов знал о таких японских законах для иностранных судов и согласился отдать все оружие, кроме шпаг офицеров и ружей его личного караула. Японцы, однако, не были этим удовлетворены и указывали на пример голландцев, которые таким правом не пользуются, исключая директора фактории Деффа. Ему предоставляют шпагу, когда он один раз в год отправляется в качестве посла к императору. После долгих переговоров с японцами Резанов сказал: - Я надеюсь, что уполномоченные передадут мои доводы губернатору, который, вероятно, найдет мои требования справедливыми.

56

Японцы обещали доставить ответ в течение трех суток, но посол просил их ввести корабль в гавань на другой же день, так как судно, пострадавшее во время тайфуна, не в состоянии было долго держаться в открытом море.

Прощаясь с уполномоченными губернатора, посланник просил их о присылке свежих припасов. На следующий день рано утром губернатор прислал на корабль провизию. От денег японцы отказались, ссылаясь на приказ губернатора. Около полудня показалось в заливе большое украшенное флагами японское судно. Оно шло по направлению к «Надежде» в сопровождении целой флотилии мелких лодок. Это были уполномоченные от губернатора, прибывшие для дальнейших переговоров. Переводчики, явившиеся раньше, изъявили желание, чтобы посланник вышел навстречу представителям губернатора, но Резанов отказал им в этом:

- Сделать это я не могу, ибо так велико мое звание, что если бы и самому губернатору решился я оказать такую честь, то только из единого уважения моего к нему, как уполномоченному высшей власти.

Переводчики вышли с этим ответом и вернулись вскоре с представителями губернатора. Войдя к послу, они сами расставили стулья и указали посланнику его место. Резанов вежливо поблагодарил, но заявил, что кресло его никому занять нельзя.

Усевшись, наконец, после первых приветствий, баниосы сообщили через

переводчиков, что губернатор из особого уважения к российскому послу разрешает всем офицерам сохранить шпаги, а караулу посланника – ружья. Посланник просил благодарить губернатора, прибавив, что кот вельможи столь просвещенного он иного и не ожидал». Резанов далее заявил, что подлинную грамоту, за подписью российского императора, он может вручить только собственноручно японскому императору, а губернатору – только копию с подлинника с переводом на японский язык.

Документ этот был принесен одним из секретарей посольства, и Резанов, подняв в знак уважения сверток до уровня головы, передал его японским представителям. Встав с места, они приняли его с почтительными поклонами, заявив, что губернатор отправит его с курьером в Иеддо.

Затем приглашены были опять голландцы, которые, как и накануне, дожидались разрешения войти и снова проделали церемонию с поклонами. Директор Дефф на этот раз был при шпаге.

Дефф сказал посланнику, что разрешения выйти из Десимы он должен просить как милости, которая, однако, стоит ему каждый раз шестнадцать талеров. Когда он однажды ездил с капитаном за город, то один день обошелся ему в четыреста талеров. Их пришлось уплатить сопровождавшей страже.

Затем японцы взяли порох, снаряды, ружья и палаши у команды. Вечером, после отъезда баниосов, к «Надежде» подошло семьдесят японских лодок. Взяв корабль на буксир, они провели его 5 км

57

к острову Папенберг, где велели отдать якорь. Здесь стоянка была безопаснее, чем в открытом море; японцы обещали провести судно еще ближе к городу, как только выйдут в море китайские суда. По японским законам кораблям двух наций стоять в одном месте на якоре воспрещено.

Съезжать с корабля на берег никому не разрешили, не позволили и покупать что-либо у японцев. Корабль японцы окружили сторожевыми лодками, на которых было до пятисот человек караула. Впрочем, посещавшие ежедневно «Надежду» чиновники уверяли, что все эти формальности окончатся как только вернется из Иеддо курьер. Тем не менее число сторожевых судов все увеличивалось. 16 октября прибыла еще флотилия из пятидесяти парусных судов, причем японцы объяснили, что это не караул, а почесть великой империи. С места стоянки «Надежды» самого города видно не было, заметны только кое-где были хижины и деревни.

Вечером того же дня на «Надежду» прибыли еще два баниоса. Один был важный ревизор из Иеддо. Они оказались гораздо разговорчивее и веселее приезжавших раньше. Неожиданно они стали расспрашивать о размерах России, о землях, которыми она владеет, о государствах, с которыми граничит. Принесены были географические карты и глобус, на котором им показали Америку, Камчатку, земли, граничащие с Китаем, Персией, Турцией, европейские государства.

Ревизор, наклонясь к самому глобусу и повертывая его в руках, старался что-то отыскать на нем, но не мог. Обратившись к послу, он спросил:

– А где же здесь Япония?

Резанов указал место, занимаемое Японией. Ревизор обрадовался, улыбаясь, поднес глобус своему товарищу, показывая пальцем на японские острова и воскликнул:

– Нипон! Нипон! Нипон!

Спросив, правильно ли на глобусе изображена Япония, баниосы и сопровождавшие их японцы выразили удивление, что она такая маленькая в сравнении с другими странами, особенно с Россией и Китаем. Затем они застенчиво, как бы сконфуженно, простились и уехали на берег.

На другой день, 17 октября, китайские суда ушли в море. «Надежду» провели за Папенберг, велели отдать якорь в 7 км от «города, недоходя императорской крепости. Японцы обещали подвинуть корабль еще ближе к городу по уходе голландских кораблей.

После долгих переговоров японцы исполнили просьбу заболевшего Резанова – разрешили ему совершать прогулки на берегу. Для этого они отгородили небольшое пространство в 54 м длины и 21 м ширины. Соорудили беседку из бамбука и

расставили вокруг караулы. 29 октября на «Надежду» прибыли чиновники. С большими церемониями и «великими вежливостями» они проводили посланника на берег под конвоем двадцати парусных судов с войсками. Оказалось, что место крайне неудачно для прогулок: пыль-

58

ное, без тени. Посланник вскоре отказался от прогулок и не сходил с корабля.

8 ноября из Нагасаки ушли голландские суда. По приказанию губернатора корабль был проведен на буксире за императорские караулы, где стал на якорь.

Болезнь посла все усиливалась; губернатор обещал предоставить ему на берегу помещение, к отделке которого велено было приступить. Выбрали местность напротив голландской фактории, где помещался рыбный базар Мегасаки. Участок окружили бамбуковым забором как со стороны моря, так и со стороны Десимы, с которой посольство не должно было иметь никаких сношений.

Дом посланника и его свиты состоял из девяти комнат, отделявшихся друг от друга бумажными перегородками и ширмами. На дворе помещались четыре магазина, два – за воротами. Местность с трех сторон окружал залив; четвертую обнесли тыном из бамбука . вышиной 31. Ворота, выходящие прямо в воду, запирались с обеих сторон замками. Самый залив против дома огородили тыном в два ряда на расстоянии 106 м, чтобы близко не подходили суда. На концах помещались две караулки с солдатами. Наружный ключ от ворот был у морского чиновника, внутренний – у сухопутного офицера. Другие ворота выходили в переулок, который вел к городу. Здесь находились две караульни: одна полицейская, другая военная. Кроме того, на горе были расставлены караульные дома с пикетами, так что сверху можно было видеть все происходящее внизу.

Остров Десима, на котором жили голландцы, отделялся от посольского помещения заливом. В начале декабря отделка посольского дома была окончена, и 17 декабря Резанов с большой торжественностью переехал на берег. В этот день с раннего утра Нагасакская бухта приняла праздничный вид; весь залив был наполнен множеством судов и лодок, украшенных флагами, на берегу расставлены войска.

Около полудня показалось огромное, богато украшенное японское судно – собственная двухпалубная джонка феодального князя Хизенского. Стены и перегородки кают были покрыты лучшим японским лаком, трапы из красного дерева отполированы как зеркало, палубы устланы дорогими коврами. Не только двери и окна, но и борты и палубы украшали дорогие ткани. Нижнюю палубу обили лиловыми шелковыми обоями с белыми вышитыми гербами; верхнюю часть судна украсили разноцветными материалами с вытканными золотом и шелком цветами и гербами. Для посла со свитой и для важнейших японских сановников устроили в кормовой части павильон из дорогой ткани с особенно красиво вышитыми цветами, птицами и гербами. Войдя в джонку, Резанов приказал поставить у входа в павильон двух гренадер и поднять флаг чрезвычайного посла с двуглавым орлом посередине.

На берегу посол был встречен баниосами. Они от имени губернатора приветствовали его со вступлением на японскую землю и выразили пожелание скорого выздоровления. Но едва Резанов

59

вошел в отведенное ему помещение, как ворота заперли на замок и никого не выпускали. Посланника окружили вниманием и почетом, но в сущности это был почетный плен. Японцы старались замаскировать его вежливостью и ссылкой на древние традиции.

В это время из Иеддо прибыл новый губернатор. Но ввиду приезда русского посольства старый все-таки не выехал в столицу. В Нагасаки оказались одновременно два губернатора.

Моряки наши тем временем жили на корабле, который 23 декабря перевели еще ближе к городу. Это была уже пятая стоянка со времени прихода в Нагасаки. В пути

вследствие тайфуна «Надежда» потерпела, значительные аварии, пришлось поэтому заняться починкой судна. Все необходимые для ремонта материалы японцы доставили Крузенштерну, отказавшись попрежнему от всякой платы.

За все время стоянки наши моряки не только не могли сойти на берег, но не имели даже права ходить на шлюпках около корабля. На берег, где жил посланник, разрешалось съезжать только астрономам для производства наблюдений. Японцы все время неусыпно следили за моряками и посольством. Как только гребное судно отделялось от «Надежды», чтобы плыть к обсерватории, целый японский флот из десяти-пятнадцати судов снимался с якорей и провожал русскую шлюпку до берега и обратно. Русские моряки очень желали познакомиться с голландцами, находившимися в таком же заключении на своих судах, но это не было им позволено. Мало того – запрещено было даже послать письма на родину с уходившим в Батавию голландским судном. Только посланнику разрешили написать краткое донесение Александру I о благополучном плавании, причем губернатор потребовал, чтобы предварительно это донесение было прислано ему для снятия копии.

Вскоре на «Надежду» прибыли японские чиновники за подарками своему императору и его двору. Для того чтобы снести большие зеркала, скрепили два парома и, сделав настилку из досок, покрыли ее рогожами, цыновками и красным сукном.

Крузенштерн был крайне удивлен, узнав, что зеркала понесут в Иеддо на руках. Для этого требовалось по крайней мере человек шестьдесят на одно зеркало, и то они должны были беспрестанно сменяться. Ему пояснили, что для японского императора нет ничего невозможного. В подтверждение этого рассказали, что два года тому назад китайский император подарил японскому живого слона. Его тоже перенесли на руках из Нагасаки в Иеддо.

Посланнику и лицам его свиты пришлось прожить в почетном заточении четыре месяца, до самого отъезда из Японии. Только изредка Резанов мог видеться с нашими моряками и директором голландской фактории Деффом. Подозрительные японцы ни на минуту не оставляли Деффа с глазу на глаз с посланником. Резанов, однако, не терял даром времени и старался провести его с возможной пользой. Он усердно продолжал свои занятия японским языком, начатые еще во время путешествия с одним из находившихся на «Надежде» японцем, и настолько успел в этом, что со-

60

ставил даже «Краткое русско-японское руководство» и словарь, содержащий более пяти тысяч слов.¹

30 марта прибыл, наконец, так долго ожидаемый чиновник из Иеддо, которого японцы называли «великим сановником Ито». Первая аудиенция была назначена 4 апреля. В этот день Резанова со всей посольской свитой перевезли на японском судне в город. На берегу его встретили уполномоченные губернатора с почетным караулом. Вдоль улиц были выстроены войска. Народа, однако, не было видно – на улицу никого не выпускали. При выходе на берег для посла приготовили богатый паланкин; его несли восемь носильщиков.

В паланкине поместился Резанов с императорской грамотой. Секретари посольства и прочая свита шли пешком.

Резанов поставил условием приветствовать уполномоченного императора по-европейски. На это согласились с трудом.

Во дворце, назначенном для переговоров, посольство было, встречено множеством переводчиков. В приемной посланнику и его свите предложили чай и трубки с табаком. Затем губернаторский чиновник со старшим переводчиком просили Резанова перейти в комнату совещаний. Посольская свита была оставлена в приемной, а Резанов в сопровождении одного секретаря посольства, несшего царскую грамоту, последовал за провожающими.

Посол прошел целую анфиладу комнат, в которых рядами сидели чиновники, и добрался, наконец, до аудиенц-залы. Прежде чем войти туда, он взял из рук сопровождавшего его секретаря грамоту и затем вошел один. Здесь сидел уже прибывший из Иеддо императорский уполномоченный Ито с обоими губернаторами по сторонам. После взаимных поклонов и приветствий Резанов сел на приготовленное ему место. Великий сановник Ито начал говорить. По мере того как он медленно

произносил отдельные слова, переводчики, почтительно сидевшие на полу с наклоненными головами, с все возрастающим удивлением и беспокойством стали поглядывать на Резанова и, когда Ито кончил речь, ё видимым смущением перевели его слова.

Ответ, привезенный из Иеддо от императора, был следующий: «Повелитель Японии крайне удивлен прибытию русского посольства; император не может принять посольства, а переписок и торговли с россиянами не желает и просит, чтобы посол выехал из Японии».

Резанов, изменившись в лице, сказал:

- Удивляюсь такой дерзости! Может ли кто запретить писать моему государю, который через то еще более чести оказал его кубосскому величеству, нежели ожидать он мог. Оба они - императоры, но кто из них могущественнее, не нам здесь решать. Впрочем, наш торг им не нужен, и со стороны монарха моего это было относительно Японии милость, которая из единого человеколюбия к облегчению их недостатков последовала. Но не думают ли они и россиян трактовать так же, как и португальцев?

---

¹ Словарь этот был издан впоследствии Академией наук.

61

Переводчики передали ответ Резанова, следившего внимательно за переводом и поправлявшего их по-японски.

Затем один из губернаторов, Хида-Бунго-но-Ками-Сама, ответил:

- Скажите послу, что он сегодня взволнован и что лучше отложить заседание до другого дня.

- С великим удовольствием! - ответил Резанов и вышел из аудиенц-залы.

На другой день аудиенция была ласковее. Сановники говорили:

- Император не может принять посольства и даров потому, что, по японским обычаям, должен отвечать тем же, но это невозможно, ибо уже двести лет как постановлено, чтобы японцы никуда не выезжали; начинать торговать с другими народами их коренные законы запрещают; привезенных из России японцев император с благодарностью принимает, но раз существует общее правило, чтобы в их порты не приходили никакие чужие суда, то русские не могут его принять только на свой счет - к японским берегам никому приближаться не позволено.

Резанов отвечал:

- Законы эти нам известны, взаимного посольства император России не потребует.

Затем он спросил, как поступать впредь с японцами, которые будут терпеть в русских водах бедствие, как быть, если -бури заставят русских моряков искать убежища в японских портах; можно ли рассчитывать в таких случаях получить дружескую помощь и снабжение за русские деньги?

- Об этом, - сказали японские сановники, - будем завтра рассуждать.

При третьем свидании условились дать на все затронутые вопросы письменные ответы. Между тем, «Надежда», по распоряжению губернатора, на основании императорского указа, была снабжена провизией на два месяца бесплатно. Кроме того, для команды отпустили бесплатно две тысячи мешочков соли. Все содержание экипажа «Надежды» за шесть с половиной месяцев пребывания в Японии и корабельные материалы, отпущенные на разные надобности, были приняты на счет императора «в благодарность за оказанное японцам гостеприимство в России». Сверх того, по его повелению, были сделаны подарки: офицерам - две тысячи шелковых ковриков и команде - сто мешков рису по 50,5 кг каждый.

Наконец, 16 апреля Резанов получил грамоту с ответом японского правительства и ее перевод. Там говорилось:

«В древние времена корабли всех наций свободно приходили в Японию, и даже сами японцы посещали чужие страны. Но затем один из императоров завещал своим наследникам не выпускать японцев из империи и принимать одних лишь голландцев. С этого времени многие иностранные города и страны не раз старались завести дружеские отношения с Японией, но эти предложения всегда отвергались в силу

издавна установленного запрета, да и весьма опасно заводить с неизвестной державой дружественные сношения, основанные на неравных правах. Тринадцать лет тому назад рус-

62

ский корабль под командой Лаксмана прибыл в Японию. Ныне является другой с посланником великого императора России. Первый был встречен недоверчиво, второй - дружелюбно. Японский властитель готов сделать все, что зависит от его воли, если это не противоречит законам империи. Могущественный государь посылает к нему посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властитель японский должен был бы, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует формальное запрещение жителям и судам оставлять Японию. С другой стороны, Япония не так богата, чтобы ответить равноценными подарками. Таким образом, властитель японский не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков. Япония не имеет больших потребностей, и поэтому иностранные произведения не могут быть ей полезны; излишняя же роскошь не должна быть поощряема ...»

Кроме того, было поставлено в условие, чтобы никогда русские корабли не приходили в Японию, а если японскому судну случится разбиться у русских берегов, то спасшихся японцев передавать голландцам для доставки их на родину. Запрещено было также что-либо покупать у японцев. В заключение император просил посланника «из уважения к древним законам оставить страну, с своей же стороны в знак благодарности за присылку японцев он просит принять безвозмездно припасы и все необходимое перед отходом».

Таков был ответ японского правительства, твердо решившего повидимому, сохранить свою прежнюю замкнутость.

На следующий день, простившись с мегасакскими японцами, посланник переехал на корабль.

Так кончилась дипломатическая миссия Резанова. Одни объясняют неудачу посольства горячностью и высокомерием посланника; другие видят его причину в происках Деффа, директора голландской фактории, который из боязни русской конкуренции употреблял втайне все усилия, чтобы помешать русским завязать дипломатические и торговые сношения с Японией.

После почти семимесячного пребывания (в Нагасаки 18 апреля 1805 г. «Надежда» рано утром снялась с якоря а вышла в открытое море. До выхода из бухты ее провожало множество японских джонок.

11. В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Намерение Крузенштерна возвращаться на Камчатку не открытым океаном, а Японским морем, между Японией и азиатским материком, очень не понравилось японцам. Переводчики от имени японского правительства старались всячески отговорить русского капитана от этого намерения. Они уверяли, что плавать неисследованным Японским морем очень трудно: Сангарский пролив между островами Нипон и Иессо (Хоккайдо) очень узок, весь он усеян подводными камнями и крайне опасен своим сильным течением и постоянными туманами, господствующими в северной части Япон-

63

ского моря и в проливе. В последний момент пребывания «Надежды» в Нагасаки губернатор прислал посланнику письмо, в котором уведомлял, что русскому кораблю запрещается впредь приближаться к японским берегам. Несмотря на это, Крузенштерн все-таки решил посвятить три месяца пути на Камчатку исследованию тех мест, которые недостаточно осветил Лаперуз.

Он знал, что ни один из европейских мореплавателей не определил точного географического положения всего западного берега Японии, большей части берегов Кореи, всего западного берега острова Иессо, юго-восточного, восточного и

северо-западного берегов Сахалина; кроме того, описи побережья заливов Анива и Терпение требовали проверки и новейшего, более точного и подробного описания, так как за 160 лет со времени их открытия многое могло измениться. В силу всех этих соображений Крузенштерн намеревался обследовать юго-западную и северо-западную часть японского побережья и Сангарский пролив, ширина которого, по лучшим европейским картам, составляла более 180 километров, а по словам японцев – только два километра. Кроме того, Крузенштерн решил исследовать западный берег острова Иессо, восточный и северо-западный берег Сахалина, а также предполагал послать баркас в пролив, отделяющий Сахалин от Татарского берега Азии, чтобы убедиться, можно ли проходить им, и определить положение устья реки Амур. Наконец, он наметил исследование Курильских островов. Значительная часть этого огромного плана была выполнена, правда, не вполне безупречно.

По выходе из Нагасаки «Надежда» направилась к Корейскому проливу, держась вблизи берегов и определяя географическое положение приметных пунктов. В Корейском проливе между Японией и островом Тсу-Сима, лежащим посередине пролива, экспедиция исследовала его часть, названную ею проливом Крузенштерна.

Крузенштерн производил измерения глубин и температур воды, изучал качество грунта и склонение магнитной стрелки, направление и силу течения. Ввиду того, что предшественник Крузенштерна Лаперуз ничего не упоминал об острове Тсу-Сима, нашими моряками исследованы были тщательно этот остров и противоположные ему берега Японии. Продолжая свой путь и производя обследование берегов острова Нипон вблизи Сангарского пролива, Крузенштерн назвал один из мысов острова мысом Россиян. Как сам мыс, так и его окрестности были замечательно живописны. В северной части – большой залив с прекрасными якорными стоянками, на западной стороне – большой водопад, близ мыса – высокие красивые горы со снеговыми вершинами, в долинах – нежная зелень.

Недалеко от мыса был небольшой городок, на рейде которого стояло много мелких судов. Долина около города была прекрасно обработана. Красивые насаждения и леса украшали местность.

Когда в городе заметили приближение «Надежды», навстречу ей были высланы четыре лодки под веслами, в каждой из них было

64

по тридцати хорошо вооруженных человек. Из предосторожности Крузенштерн приказал пробить боевую тревогу, зарядить пушки картечью и вызвать всю вооруженную ружьями команду на верхнюю палубу. Японские лодки подошли к «Надежде», объехали вокруг нее два раза и вернулись в город.

Проплыв немного дальше, русские увидели новый живописный мыс и поблизости его конусообразную гору. Крузенштерн назвал мыс именем генерала Гамалея, которому многим был лично обязан, а гору – именем естествоиспытателя Тилезиуса.

Следующий к северу мыс – Сангарский. Противолежащий ему мыс на берегу острова Иессо Крузенштерн назвал мысом «Надежды» в честь своего корабля. Ширина Сангарского пролива была определена в 16,5 км (наибольшая), а не в 180, как значилось на европейских картах. Затем, не выходя Сангарским проливом в океан, Крузенштерн исследовал всю западную часть острова Иессо и самый пролив. Определяя положение вновь открываемых заливов и мысов, Крузенштерн одновременно дал им названия: залив Голенищева-Кутузова, мыс Новосильцева, гора Румовского, залив Строганова, залив Шишкова, залив и мыс Румянцева (в северной части Иессо).

Едва «Надежда» вошла во вновь открытый залив Румянцева, туземцы выехали ей навстречу. На судно они, однако, не вошли, а, поплавав вблизи, ушли обратно. Когда корабль стал на якорь, они появились снова. Взобравшись на судно, стали на колени, подняли обе руки на голову и, проводя ими по лицу и телу, низко кланялись. Туземцы привезли целую лодку очень вкусных сельдей. За это Крузенштерн подарил им разные безделушки.

На следующий день приехали на «Надежду» японцы с офицером. Офицер казался очень взволнованным и встревоженным прибытием иностранцев, он уговаривал командира немедленно удалиться из залива, угрожая в случае неисполнения его требования японским флотом, который, по его словам, «не замедлит разнести

«Надежду» на части». Он при этом надувал щеки, пыхтел, приговаривая «бум», «бум», чем смешил очень, русских моряков. Крузенштерн обещал ему уйти, как только рассеется туман. Офицер немного успокоился.

Приезжали на судно и японские купцы и рыбаки – туземцы Иессо, известные под именем айнов. Торговцы привозили художественно сделанные из моржовой кости трубки, лакированные чаши, фарфоровые вазы и другие мелочи. Рыбаки привезли сельди, которые меняли на пуговицы, давая восемьдесят – сто сельдей за одну медную пуговицу.

Отсюда «Надежда» направилась к Сахалину. В заливе Анива «Надежда» бросила якорь возле стоявшего здесь купеческого японского судна. Крузенштерн с Резановым и несколькими моряками отправились на это судно; сверх ожидания, они приняты были очень любезно. Заметно было, однако, что японские моряки ведут себя осторожно, побаиваясь своих офицеров, поселенных на берегу для надзора за торговлей туземцев с приезжими японскими купцами.

65

В заливе Анива, известному по удивительному обилию лососей, путешественники могли наблюдать такое же явление, как и на Камчатке: воды до того кишели рыбой, что трудно было грести. При отливе рыбу просто черпали ведрами. Во время стоянки вокруг «Надежды» плавали киты и кашалоты. Коренные жители Сахалина – те же айны, что и на Иессо. Своим добродушием, честностью и скромностью они произвели на Крузенштерна самое лучшее впечатление. Когда за доставленную рыбу им давали подарки, они брали их в руки, любовались ими и потом возвращали. С трудом удалось им втолковать, что это им дарят в собственность.

По своей одежде и устройству жилищ айны напоминали и японцев и сибирских туземцев. Они носили меховые одежды – малицы – и, как ни странно, японские конусообразные шляпы.

Закончив описание залива Анива, Крузенштерн продолжал свои работы по морской съемке восточного берега Сахалина до мыса Терпение. Встретив 26 мая близ этого мыса большое количество льда, он принужден был прекратить съемку и поспешно вернуться на Камчатку. Проходя 30 мая цепь Курильских островов, он открыл группы островков, которые назвал «Каменные ловушки». Здесь корабль «Надежда» едва не погиб, встретив такое сильное течение, что при скорости хода в 15 км, в час его понесло назад на подводный риф. С большим трудом Крузенштерн выбрался в Охотское море. Здесь он переждал наступивший шторм и снова вышел в океан. После четырехдневного плавания – часто среди льдов – Крузенштерн возвратился 5 июня в Петропавловскую гавань.

Тут посланник Резанов перешел на судно Российско-американской компании «Мария», на котором и отправился на главную базу компании на острове Кадьяк, близ Аляски. Главное правление компании поручило ему упорядочить организацию местного управления колониями и промыслами. Вместе с ним отправился естествоиспытатель Лангсдорф, пожелавший ознакомиться с природой и богатствами сказочной страны, названной Русской Америкой.

12. НА КАМЧАТКЕ И САХАЛИНЕ. ПРИХОД В МАКАО

Вернувшись 5 июня из Японии, Крузенштерн оставил корабль в Петропавловске, а сам с несколькими офицерами и естествоиспытателем Тилезиусом занимался в течение месяца исследованием восточного и южного берегов Камчатки. В своих записках о Камчатке он говорил следующее: «Камчатка имеет площадь приблизительно в двести семьдесят тысяч квадратных километров, т. е. почти равняется Италии. Две горные цепи с двенадцатью большими вулканами¹ (некоторые превосходят высотой Монблан) и массой потухших, большие изобилующие рыбой реки придают этому полуострову особый характер.

¹ В настоящее время на полуострове насчитывается свыше 20 действующих и более

Самый грозный из всех вулканов Камчатки – Ключевская сопка, высотой около пяти тысяч метров. Она действовала почти непрерывно. К счастью, её извержения не могли причинить особенно значительный вред в этом пустынном уголке холода и огня».

Уделил внимание Крузенштерн в своих записках и населению Камчатки. Там не было никогда многочисленного населения, и во время пребывания «Надежды» здесь насчитывалось всего около 900 человек туземцев – камчадалов и коряков.

Камчадалы, составлявшие преобладающее население полуострова, жили преимущественно по берегам рек и по Морскому побережью. Эти аборигены Камчатки постепенно вымирали. В XVIII в. убыль туземного населения вызывалась произволом, насилиями завоевателей и массовым истреблением его во время восстаний. Сыграли свою роль и частые эпидемии.

Вместе с тем все сильнее и сильнее сказывалось влияние русских. Казаки женились на камчадалках, смешивались с туземцами и нередко и принимали за камчадалов. Старинные землянки и свайные летовья, самодельное туземное оружие и домашняя утварь сменились постройками и изделиями русского типа. В южной, части полуострова и в долине реки Камчатки жило пришлое русское население, занимавшееся рыболовством и охотой.

Камчадалы жили поселками – острожками. Раньше поселки укреплялись валом или палисадниками. Острожки состояли из зимних земляных юрт и летних балаганов. Устраивались юрты следующим образом. Выкапывали яму метра в полтора в глубину и ставили посередине ее четыре толстых столба, вершины их соединяли с краями ямы накатником. В этой куполообразной крыше оставляли отверстие, служившее одновременно и окном, и дверью, и трубой. Кровлю покрывали землей и дерном. Снаружи это жилище походило на холм, только дымок указывал на местопребывание здесь убогой семьи камчадала. Внутри юрта представляла правильный четырехугольник. У одной из стен его устраивался очаг, к которому в виде норы шел вывод наружу. Он давал выход дыму из землянки через отверстие, устроенное в центре кровли. Спали обитатели землянки на нарах на шкурах убитых зверей. Выходом из землянки служило тоже дымовое отверстие, к которому поднимались по лестнице. Во время топки очага непривычному человеку было очень трудно проникнуть в юрту или выйти из нее. Часто одна юрта служила нескольким семьям, но у каждой из них обязательно, был свой отдельный балаган. Эти балаганы служили одновременно и амбарами для съестных припасов, и жильем. Домашняя утварь камчадала была проста: несколько чаш, корыто, корзины. Пищу для себя и для собак камчадалы готовили в одних и тех же посудинах и ели не брезгуя вместе с животными. Несколько лодок или байдар дополняли хозяйство камчадала.

Лодки были двух типов: у одних был нос выше и бока пологие, у других нос и корма одинаковой высоты. Первые применялись для плавания по рекам, вторые исключительно на море. Зимой жители Камчатки ездили на собаках, запряженных в нарту – длинные сани с широкими полозьями; они очень легки и не тонут в глубоком

снегу. Для перевозок грузов запрягали в нарту тринадцать собак, которые везли до 480 кг груза и при хорошей дороге пробегали до 150 км в сутки. Их впрягали цугом шесть пар, тринадцатая – передовая – была вожаком, управляли без вожжей, собаки знали команду: вправо, влево, вперед.

Суровые природные условия не позволяли жителям в то время успешно заниматься хлебопашеством. В районе Нижне-Камчатска встречались в некоторых местах небольшие посея. Скотоводство было бедное. Свежее мясо стоило дорого. Рыбы было такое изобилие, что ее ловили руками близ берегов.

Занятия камчадалов определялись, временами года: летом они ловили и вялили рыбу, собирали разные корни, ягоды и грибы; осенью продолжали рыболовство,

били птиц – гусей, лебедей, уток; зимой охотились на соболя, лисицу и других зверей, плели сети для ловли рыбы, делали санки, перевозили запасы из летних промысловых шалашей в свои юрты; весной начинались морские звериные промыслы. Существовало строгое разделение труда между мужчинами и женщинами. Мужчины ловили рыбу, охотились, сооружали юрты и балаганы; женщины занимались выделкой шкур, шили платья, на них же лежала и вся домашняя работа. Зимой камчадалы носили поверх нижней одежды кухлянки – меховые мешки шерстью внутрь – и парки, такие же мешки мехом наружу. Подол кухлянки обшивался арабесками из разных суконных лоскутьев. Иногда сукно заменялось подборами – куском замши, расшитым разными цветами.

На своих пирах камчадалы плясали бахию, или медвежьей пляску. Наши моряки любили посещать камчадалские вечеринки и пиры, плясали их танцы, учили камчадалок водить хороводы и плясать «русскую». Песни камчадалов, удивительно однообразные, но не лишенные ритма и своеобразных приятных мотивов, преимущественно любовного содержания, сочинялись девушками и женщинами. Вот образец одной из них:

«Я потерял жену и свою душу; с печали пойду в лес, буду сдирать кору с дерева и есть; после того встану поутру, погоню утку Аангич с земли на море и стану поглядывать во все стороны: не найду ли где любезной моего сердца . . .»

В обычаях камчадалов сохранилось много пережитков древних родовых отношений. Так, жених должен был отработать невесту у своего будущего тестя. Только после этого ему разрешалось «хватать» невесту. Как только он получал такое позволение, невесту брали под охрану все женщины острожка. Она надевала в это время несколько платьев и вся была опутана сетями. Жених должен был поймать свою невесту. Пойманную невесту жених увозил в свою юрту. Разводы у камчадалов совершались очень легко. Ревности они не знали. Существовало у камчадалов много суеверий и предрассудков. Кто хотел иметь детей, должен был есть пауков. Платья умершего выбрасывали: верили, что всякий, надевший их, должен скоро умереть и т. д.

6 июля Крузенштерн вышел из Петропавловской гавани и прошел к Курильским островам, производя исследование берегов.

68

12 июля «Надежда» вошла в Охотское море открытым между островами Матауа и Рашауа проливом Надежды. После недельного плавания она прибыла к мысу Терпения, самой восточной части Сахалина.

Отсюда Крузенштерн продолжал исследование восточного берега, начатое им в предыдущее плавание по пути из Японии. Затем он обогнул северную оконечность Сахалина и спустился на несколько километров к югу. Здесь на берегу одного залива моряки увидели селение, в котором насчитали двадцать семь домов. Лейтенант Левенштерн, Горнер и Тилезиус отправились на берег. Туземцы встретили прибывших не враждебно, но и не дружелюбно. Три человека, по-видимому начальники, выступили вперед и кричали так громко, что их слышно было на корабле. Вышедших на берег путешественников начали обнимать, стремясь в то же время оттиснуть их к морю. Подошли другие, вооруженные кинжалами и саблями. Это показалось русским подозрительным, и они отошли назад. Крузенштерн решил подвести «Надежду» возможно ближе к берегу и побывать на острове. Сильное течение мешало выполнить это намерение. Наконец, 14 августа «Надежда» вошла в небольшой заливчик и бросила якорь в виду селения. Ехать на берег было уже поздно, и командир послал гребное судно для ловли рыбы. В короткое время наловили столько лососей, что их хватило для всей команды на три дня. На следующий день Крузенштерн с большинством офицеров и половиною команды поехал на берег. Моряки высадились в расстоянии километра от селения и пошли по берегу пешком. Как только туземцы увидели это, они подплыли к морякам на большой лодке и пытались задержать их, не пуская итти в селение.

Недалеко от деревни русских встретило человек двадцать во главе с начальником, одетым в пестрое шелковое платье китайского покроя. Крузенштерн подарил начальнику кусок оранжевого сукна, остальным различные мелочи и старался

втолковать, что у них нет никаких враждебных намерений, они даже не войдут в дома, а только посмотрят селение. В доказательство дружелюбия он снял свою саблю. Посоветовавшись друг с другом, туземцы, повидимому, решились не удерживать более путешественников.

Осмотрев селение, Крузенштерн вернулся со спутниками на корабль, снялся с якоря и направился к югу на розыски устья Амура. Он намеревался спуститься по северному каналу, отделяющему Сахалин от материка, до самого устья Амура, придерживаясь берегов Азии. Он предполагал найти устье Амура, а затем, продвигаясь по каналу между материком и Сахалином, определить, соединяются ли они между собою перешейком или разделены проливом.

Воды, омывающие Сахалин, не посещал никто из европейских мореплавателей, кроме француза Лаперуза и англичанина Броутона. О Сахалине и побережье Азии около него европейцы ничего не знали.

Лаперуз и Броутон были поражены дикостью и недоступностью береговых скал северной части Японского моря, с другой стороны -

69

богатством флоры и фауны. Край этот был почти необитаем. Лаперуз не видел здесь ни одной лодки, которая отваливала бы от берега. Эта страна покрыта прекраснейшей растительностью, свидетельствующей о необыкновенном плодородии почвы.

Лаперуз описал юго-восточную часть Сахалина и названный его именем пролив, отделяющий Сахалин от острова Иессо. Он намеревался проникнуть к северу дальше лимана Амура, в Охотское море, но безуспешно и принял Сахалин за полуостров. Такой же неудачей окончились и попытки Броутона. Авторитет этих знаменитых мореплавателей укрепил всеобщее ошибочное убеждение о недоступности с моря лимана Амура и бесполезности, следовательно, для России этой реки, не дающей выхода в океан. Все же экспедиции Крузенштерна было предписано отыскать устье Амура и вообще исследовать восточный берег Сибири. Как уже сказано, Крузенштерн обогнул северную оконечность Сахалина и стал спускаться к югу по каналу между Сахалином и материком для отыскания устья Амура. Вскоре он встретил противное течение и пресноватую воду и заключил по этим признакам о близости лимана. Однако неоднократные попытки пройти к лиману на «Надежде» не удались, этому мешали очень сильные противные течения, ветер и малая глубина канала. Видя невозможность проникнуть в глубь канала на корабле, Крузенштерн отправил на розыски устья Амура баркас под командой лейтенанта Ромберга. Баркас этот был специально оборудован: он мог идти и под веслами и под парусами, двадцать человек гребцов были хорошо вооружены и снабжены продовольствием, одеждой и разными инструментами. По мере продвижения баркаса по каналу к югу Ромберг убедился в значительном уменьшении глубин и в наличии отмелей. Пройдя несколько десятков километров и не отыскав устья Амура, он возвратился на «Надежду». На основании его донесения Крузенштерн пришел, подобно Лаперузу и Броутону, к выводу, что Сахалин - полуостров.

Спустя сорок лет Российско-американская компания сделала еще раз попытку исследовать устье Амура и послала для этого корабль «Константин» под командой Гаврилова. После долгих изысканий Гаврилов пришел к тому же заключению, что с Амура нет доступа к океану даже для мелководных судов.

Изыскания Лаперуза, Броутона, Крузенштерна и Гаврилова убедили, казалось, всех, что Амур в своем устье не судоходен, что доступ к его устью очень затруднителен, почти невозможен, что дальнейшие исследования совершенно пусты. Однако через пять лет после попытки Гаврилова нашелся человек, который не поддавался всеобщему убеждению. Это был капитан-лейтенант Г. И. Невельской. На транспорте «Байкал» он произвел тщательное исследование вод, омывающих Сахалин, и нашел лиман и устье Амура, доступные не только для мелких, но и для морских судов. Он доказал, что Сахалин - остров, а не полуостров, как утверждали старые

известные мореплаватели.

Закончив работы по исследованию Сахалина, Крузенштерн направился к Курильским островам. Проверив географическое

70

положение некоторых из них и определив положение острова Св. Ионы, Крузенштерн пошел к Камчатке. Сделав съемку наиболее замечательных пунктов на восточном ее побережье, он после почти двухмесячного плавания прибыл 30 августа в Авачинскую губу.

За время плавания в Японском и Охотском морях Крузенштерном была выполнена огромная и чрезвычайно, ценная работа. Он проверил в натуре все существовавшие старые карты, сличил их между собою, уточнял положение различных мест и вносил свои исправления. Более ста географических пунктов в этих морях были определены астрономически, многие из них получили свои названия,

В Петропавловске Крузенштерн рассчитывал встретить «Неву», но она еще не приходила и известия о ней были тревожные. Рассказывали, что она выдержала на Ситхе сражение с туземцами, причем потеряла несколько человек убитыми и ранеными.

Подготовка «Надежды» к обратному плаванию в Кронштадт, перегрузка трюма и пополнение запасов провизии, доставленной из Охотска и Якутска, задержали Крузенштерна в Петропавловске более месяца. Приняв провизию и груз меховых товаров Российско-американской компании, Крузенштерн вышел из Авачинской губы 9 октября и пошел к берегам Китая. Несмотря на осеннее время года, он намеревался исследовать по пути те места, где на старинных картах значились острова, существование которых новейшими географами считалось сомнительным. Многих из показанных на карте островов действительно не оказалось, другие нанесены были неверно.

Перед входом в Макао моряки увидели флотилию джонок (около трехсот), стоявших на якоре. Предполагая, что это рыбацьи суда, Крузенштерн прошел мимо, несколько не беспокоясь. В Макао Крузенштерн сделал визит коменданту крепости и узнал от него, что флотилия эта была пиратская. По словам коменданта, пираты грабили суда вдоль всего побережья Южного Китая. Около Макао они стояли уже три недели и незадолго до прибытия «Надежды» захватили одно американское и два португальских судна. На одном из них все люди, взятые в плен и отказавшиеся примкнуть к пиратам, были перерезаны. Некоторым из оставшихся в живых удалось бежать. Они потом рассказывали, что разбойники сжигали все взятые ими суда. Эти пираты были бы еще опаснее, если бы обладали большим искусством в военном и морском деле. Когда случалось сойтись на бордаж¹ с судном, лучше их вооруженным и укомплектованным храбрым и опытным экипажем, они большею частью терпели поражение.

Между Макао и Кантоном английские суда ходили только под конвоем нескольких гребных хорошо вооруженных судов, принадлежавших к стоявшей в этих водах английской эскадре. За несколько дней перед прибытием «Надежды» два вооруженных

---

¹ Бордаж – тактический прием времени гребного и парусного флотов, представляющий собой свалку или сцепку судов для рукопашного боя.

71

португальских корабля пробили себе путь, отразив нападение восьмидесяти одного разбойничьего судна.

13. В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Покинув 20 июня Сандвичевы острова, «Нева» направилась в северную часть Великого океана, к острову Кадьяк близ полуострова Аляски. Этот переход был

очень спокойный.

8 июля приблизились к берегам Америки и увидели остров Чирикова, названный именем сподвижника Беринга, открывшего его в группе Алеутских островов.

Одиннадцать месяцев и трое суток плыл корабль «Нева» из Кронштадта до берегов Русской Америки. Этот дальний и трудный путь он совершил, «не только не имея на корабле своем ни одного человека больного, но с такими людьми, которые были тогда еще здоровее прежнего».

10 июля подошли, наконец, к острову Кадьяк. Берега его были гористы, на вершинах лежал снег. Когда в четыре часа пополудни проходили гавань «Три святителя» навстречу «Неве» вышла туземная байдара. В ней находились один русский промышленник и восемь алеутов. Моряки «Невы» приняли гостей и были очень обрадованы их подарку: большой корзине прекрасной свежей рыбы. Так как «Нева» должна была идти далее – в гавань Св. Павла, базу Российско-американской компании, то гости уехали. По пути к Павловской гавани попадалось много уток, топорков и зарослей морской капусты.

При подходе «Невы» к Павловскому селению крепость салютовала из пушек, а собравшийся на берегу народ восторженными криками «ура!» долго приветствовал балтийских моряков.

Едва «Нева» вошла в гавань, как явился помощник главного правителя колоний Бадер поздравить моряков с благополучным прибытием в Русскую Америку и высказать свое восхищение их плаванием.

Все на «Неве» были уверены, что их ждет здесь отдых после долгого плавания, но на другой день по прибытии Бадер вручил Лисянскому бумагу от главного правителя колоний Баранова, в которой, сообщая о восстании индейцев племени колуж и о захвате ими русской Ситхинской крепости и селения при ней, Баранов просил помощи. Бадер дополнительно сообщил, что Баранов еще ранней весной отправился на Ситху со ста двадцатью русскими промышленниками на четырех парусных судах и девятьюстами алеутов на байдарках.

Не теряя времени, «Нева» стала готовиться к новому походу: выгрузили все товары, привезенные из России для колоний, запаслись оружием, снарядами, порохом, провизией и пр. Но постоянные ветры и туманы задержали выход из Павловской гавани до 15 августа. Во время пребывания в гавани Лисянский посылал своего штурмана для подробного промера и описания заливов и бухт, расположенных внутри Павловской гавани. Сам он занимался,

72

когда это позволяла погода, астрономическими наблюдениями. Он определил географическое положение Павловской гавани и некоторых других пунктов.

Территория Аляски достигает около 1 530 000 квадратных километров. Она заполнена северо-западными отрогами скалистых гор с высокими вершинами и вулканами. Прибрежные долины покрыты густым лесом. Западный берег сильно изрезан живописными фиордами, перед которыми лежат архипелаги островов. На северо-западе эта обширная область омывается Беринговым проливом.

Внутри Аляска покрыта лесом, болотами и высокими безлесными горами, отрогами скал и ледников. На берегах многочисленных рек растут великолепные леса. Посевов мало, главные занятия жителей – охота на пушных зверей, оленеводство и рыболовство. Воды, омывающие Аляску, очень богаты рыбой самых высоких качеств, в море – сельдь, треска, камбала, в реках – в период нереста – горбуша, кета и другие лососевые.

Почти посередине Аляски протекает мощная и широкая река Юкон, равная приблизительно по длине Волге. Река несет много пловучего леса, который имеет большое значение для прибрежных обитателей. Они ловят его на топливо, для различных построек и поделок.

Туземное население Аляски состояло из двух племен: эскимосского и индейского. Эскимосы жили вдоль побережья и кольцом окружали индейские народности, населявшие внутреннюю часть Аляски. Средства к существованию обитателям северного побережья Аляски давали море и тундра. Растительный мир был здесь беден и не мог обеспечить нужды туземцев, большое место в питании северян

занимали мясо и жиры. Животные давали им не только продукты питания, но и материал для одежды. Одним из наиболее ценных северных животных является олень. Правда, жители Аляски не знали, подобно жителям северной части азиатского материка, домашнего оленеводства, но и в диком состоянии северный олень давал им пищу и одежду. Заметив тропу, по которой олени ходили на водопой, охотники настораживали петли, один конец которых привязывали к деревьям. Проходя, олень задевал за петлю и она его затягивала. Случалось, что промышленник добывал за одну ночь два-три десятка оленей. Кроме оленей, мех давали и пушные звери, в изобилии встречавшиеся в тундре и в лесах. Водились здесь медведи, лисицы, волки, росомахи, американские куницы, белки, горностаи, дикообразы, а в море – выдры и бобры. Находясь в зависимости от охотничьего промысла, туземцы изучили прекрасно все повадки зверей. Зимой, когда волк выходил на добычу, а глубокие неслегшиеся снега мешали ему успешно гоняться за оленями, он приближался к селениям и высматривал собак. Туземец брал тогда несколько тонких плоских прутьев китового уса, заострял их концы, свивал в несколько оборотов и, обкатав тюленьим жиром, бросал в нескольких местах вокруг своего жилища. Волк, падкий на жир, глотал с голода два-три куска; жир скоро таял, китовый ус, выпрямляясь, повреждал волку желудок, и на утро охотник находил павшего зверя.

73

Главной пищей населения служит вяленая, слегка прокопченная рыба, особенно лососевая, которую заготавливают в громадном количестве. Не успевшие по каким-либо причинам сделать запасы рыбы обыкновенно к весне голодали. Рыба шла также и в корм собакам. Лов рыбы производился заколами, которые под острым углом шли от берега к середине реки. Рыба, плывшая навстречу этому заколу, направлялась во внутреннюю часть его и попадала в расставленные там верши. По нижнему Юкону, наряду с неводами и вершами, употреблялись сети из особого вида крапивы. Эти сети растягивали поперек реки, так что верхний их край, прикрепленный к обломкам дерева или коры, плавал на поверхности, а нижний, отягощенный грузом, лежал на дне реки. Рыбак оставался в лодке у верхнего края сетей и, почувствовав толчок, причиненный большим лососем, вытаскивал немедленно ту часть сети, где запуталась рыба. Отдельные рыбины достигали 32-36 кг. При удачном лове одному рыбаку удавалось поймать подряд несколько штук.

Когда море освобождалось от льда, население побережья Аляски охотилось на тюленей. В мае и июне добывали много моржей; осенью, незадолго до ледостава, ловили белух громадными сетями из моржовых ремней. Зимой, в январе и феврале, промышленники лахтаков, представляющих один из видов тюленя. На них охотились часто довольно далеко от берега ружьями и гарпунами. Эта охота была сопряжена с большими опасностями, так как бури иногда отрывали лед от берега и уносили его далеко в Берингово море, где охотники часто погибали. Эскимосы употребляли для этой охоты каяки, поставленные на особые, приспособленные сани, могли переезжать через полыньи.

Все народы северо-западной Америки не воевали открыто, а старались нападать на неприятеля тогда, когда он почему-либо плошал. Для выполнения своих воинственных предприятий они способны были с величайшим терпением пролежать несколько суток в траве или прятаться за камнями до наступления благоприятной минуты. Сделав удачное нападение, они истребляли всех мужчин, женщин и детей брали в плен. Лишь в очень редких случаях мужчин оставляли в живых, обращая их в рабов.

Кадык – один из самых больших островов близ полуострова Аляски. Он весьма горист. Берега его изрезаны глубокими заливами. В них впадает множество речек, по берегам которых расположены селения. Климат здесь очень сырой. Зима походит на ненастную осень, но зима, которую провели здесь моряки «Невы», была исключением из общего правила – отличалась значительными морозами. В лесах растут тополь, ольха, ели и березы. До поселения русских на острове не было никаких овощей, кроме петрушки. Только с появлением русских стали разводить картофель, лук, репу, капусту, чеснок и др. Влажный воздух препятствовал развитию хлебопашества, но Российско-американская компания старалась все же не

без успеха сеять ячмень. Шелехов привез сюда коров, коз, свиней, кур. Лисянский доставил английских овец и русских баранов.

74

Остров чрезвычайно богат птицами. Здесь водятся орлы, куропатки, журавли, топорки, гагары, рябчики, ары, речные и морские утки, вороны и сороки, прилетали гуси и лебеди. Близ берегов водятся во множестве киты, касатки, нерпы, сивучи и морские бобры. Весной появлялось очень много крабов.

По подсчету Лисянского, во всех селениях острова было в то время двести две хижины – бараборы; туземного населения – 3626 человек, всего со служащими Российско-американской компании – 4000 человек. Эскимосы были широколицы и широкоплечи, красновато-смуглые, глаза и жесткие длинные волосы имели черные.

Мужчины подстригали или распускали волосы по плечам, женщины подрезали их около лба, сзади связывали в пучок. Одеждою жителей Кадыака были парки и камлейки. Парки шили из шкуры морских птиц или из звериной кожи, камлейки – из кишек сивучей, нерп, медведей. Более зажиточные украшали себя мехом бобров, выдр и лисиц. Свое голое тело мужчины опоясывали повязкой с лоскутом материи спереди, женщины носили нерпичий пояс. Головы покрывали шапками из птичьих шкур или плетеными искусно выкрашенными шляпами, имевшими вид срезанного конуса. Туземцы ходили босыми, а зимой носили сапоги из кожи нерпы.

Здесь сохранились остатки матриархального строя: мужа почти всегда жили у родственников жены и только изредка навещались в свой родной дом.

Детей туземцы воспитывали сурово. С малых лет приучали их к стуже и купанью в холодной воде. Нередко случалось, что мать, желая унять раскричавшегося ребенка, окунала его зимою в море или в реку. Приучали детей к голоду, так как нередко случалось, что из-за недостатка в продуктах детям приходилось оставаться без пищи по несколько дней.

Мальчики с двенадцати лет приучались делать и бросать стрелы, строить шлюпки-байдары, управлять ими, сооружать жилища и пр., девочки с девяти лет начинали шить, вязать, стирать, сшивать шкурки, приготавливать пищу.

Шили здесь нитками из жил морских животных; они выделялись так тонко и чисто, что не уступали хорошему сученому шелку. Из выделанных шкурок шили с удивительным искусством различные одежды.

У туземцев было много суеверий. Каждый промышленник-туземец обязательно имел при себе какой-либо талисман, который, по его мнению, приносил счастье и удачу. Самым верным талисманом считался морской орех, который встречался здесь очень редко.

Ежегодно с наступлением весны все промышленники собирали орлиные перья, медвежью шерсть, коренья, орехи и т. д. Промыслами занимались летом и осенью; празднества происходили с декабря до тех пор, пока были съестные припасы. Когда они истощались, наступал голод и до появления новой рыбы питались ракушками. Во время празднеств туземцы плясали и кувыркались, надевая причудливые звериные маски.

75

Все увеселения начинали женщины. Под пение присутствовавших зрителей и под звуки медных инструментов и бубна они сначала медленно раскачивались из стороны в сторону. Вслед за женщинами выходили мужчины в звериных масках, плясали и кривлялись. По окончании танцев начиналось общее угощение туземными лакомствами. Туземцы очень любили азартные игры и проигрывали иногда все свое имущество.

Кадыаковцы прекрасно строили шлюпки-байдары из тонких жердей, которые прикреплялись к шпангоутам или обручам китовыми усами и обтягивались кожами нерпы, так искусно сшитыми, что через шов не проникала ни одна капля воды. Гребцы садились в отверстия обтяжки так, что снаружи видна была только верхняя часть туловища. В отверстие вдевали мешок, в котором и помещался гребец. Байдары отличались легкостью, отлично держались на волне при сильном

ветре и волнении.

Лисянский прошел в байдаре (на три человека) более 400 км. и был в восторге от этого путешествия, уверяя, что никогда не имел лучшего гребного судна.

Туземцы совершали на своих байдарках плавания на тысячи километров, проходя по 70 км в день. Нередко случалось, что из Павловской гавани на острове Кадьяк байдары отправлялись в Ситхинский залив за 1300 км.

Туземные хижины-бараборы строились продолговатыми четырех-угольниками с квадратным отверстием в 1 м для выхода и с одним окном в крыше для света и выхода дыма. Посередине хижины вырывали яму, где разводили огонь для варки пищи, а по бокам отгораживали досками небольшие места для домашних вещей. Это жилое помещение было одновременно и кухней, и двором, и спальней, и местом увеселений. В нем развешивали сушеную рыбу, делали шляпки-байдары, чистили рыбу и мясо, готовили пищу. Его никогда не прибирали, только изредка на пол настилали свежую траву. К главному строению прибавляли боковые пристройки, каждая из них имела свой отдельный вход или, вернее, лазейку. В нее можно было пролезть только лежа на животе. На верху, в самой крыше, было небольшое окно для света. Его обтягивали сшитыми вместе тонкими кишками и пузырями. Вдоль стен были тонкие брусья, отделявшие места для спанья и сиденья; они же служили изголовьем.

Отгороженные отделения содержались довольно чисто и устилались соломой или звериными шкурами. Там было очень тепло от многолюдья; в холодное время для обогрева накаляли камни. Для постройки барабор выкапывали четырехугольную яму до 1,5 м глубиной, по углам врывали столбы такой же вышины, на которые помещали перекладыны и довольно высокую крышу. Стены обшивали досками. Снаружи крышу покрывали толстым слоем травы, а бока обмазывали землей.

Все туземцы были на службе Российско-американской компании. Они очень добросовестно, и усердно исполняли свои обязанности, но подвергались жестокой эксплуатации и довольствовались тем, что им давали за работу. Кроме бисера, табака и других европей-

76

ских товаров, компания расплачивалась с туземцами птичьими, евражечными и тарабаганьими платьями. Материал для них добывался самими же туземцами по наряду. Из него туземцы шили платья, сдавали в компанейские кладовые, а оттуда получали их обратно за высокую плату. Шведы в оплату за свой труд получали только иголки, которые у них оставались от работы. Иногда за особенно трудную работу давали еще, кроме того, пачку табака. Летом мужчины отправлялись на промыслы за 500-1000 км, женщины оставались одни и часто голодали.

Все сказанное об острове Кадьяк в значительной степени относится и к острову Ситха и к соседним островам. В некоторых отношениях Ситха имел большие преимущества перед Кадьяком: он находился в центре всех наиболее важных промыслов. В районе острова чрезвычайно много морских бобров. Шкуры их легко можно было бы вывозить оттуда многими тысячами, если бы этому не мешали американцы и канадцы.

Все острова Ситхинского архипелага покрыты прекрасным мачтовым лесом, что давало возможность строить корабли в самом Ситхинском заливе. В лесах росли огромные ели и лиственничные деревья.

К западу от полуострова Аляска почти на 53° северной широты, по направлению к Камчатке на 1800 км тянется, как бы длинным барьером, отделяя Берингово море от Великого океана, цепь островов с действующими вулканами и скалистыми берегами. Эта цепь островов, вулканов и скал называется Алеутскою.

В низменных долинах Алеутских островов растут великолепные травы, а на северных склонах только мхи да лишай устилают негостеприимные берега дикого архипелага. Отдельные вершины этих островов достигают 1830 т высоты. С апреля до половины июля здесь господствуют туманы, затем до конца сентября небо проясняется. Летняя погода делает острова более или менее привлекательными, а с сентября они заволакиваются туманами. В начале октября начинаются снежные вьюги, зима длится до начала мая.

Русские застали у алеутов много пережитков древнего первобытно-общинного

быта. Отсутствовали кражи и убийства. Имущество никогда не запиралось, чужое оберегалось, как свое. Отличались алеуты исключительной честностью, правдивостью, необыкновенной выносливостью и терпением. Самые ужасные страдания не вырывали у алеута стона или вопля. Попав в капкан для зверя и не имея возможности освободиться, алеут неподвижно ждал, пока из его ноги не извлекут глубоко вонзившихся зубцов. Путешественники рассказывают, как алеут, раздавленный громадным камнем, мучаясь в предсмертной агонии более двух часов, ни разу не застонал и ни одним словом не выразил своих тяжелых страданий. Алеута ничем нельзя было обрадовать, испугать, вызвать в нем сильное впечатление. Оно и понятно: на этих вулканических пиках, за работой среди бурного океана он должен был претерпеться, привыкнуть ко всему, переносить все молча, без жалоб и стонов. Ложь не была известна алеутам. Известно много случаев,

77

когда ложь могла спасти алеута от тяжелого наказания, даже от смерти, но он оставался непреклонным, перенося все в угрюмом молчании и не желая никого обмануть.

Алеуты принадлежат к самым рослым племенам эскимосского корня, не отличавшегося вообще особенно крупным складом. Все они были широкоплечи, сильны и, несмотря на грубую работу и лишения, обладали маленькими и изящными руками. Вследствие постоянной привычки сидеть на байдаре, ноги мужчин были искривлены.

Зимнее жилье свое алеуты, как и все эскимосы, устраивали в земле, обкладывая его снаружи снегом, а летом они жили в чумах из оленьих шкур, обыкновенно по несколько семейств вместе. Мужчины, женщины и дети спали вместе. Не особенно развитый в умственном отношении, алеут отличался необыкновенной переимчивостью. Он удивительно легко усваивал ремесло, виденное им вскользь. Таким образом, между ними появились после знакомства с русскими столляры, плотники, кузнецы, сапожники. Алеуты были превосходными моряками и охотниками. Лодка-байдара была вторым жильем алеута. Замечательно легкая, она состояла из узкого деревянного остова, обтянутого со всех сторон и сверху тюленьими шкурами. С легким веслом, с оружием перед собою, поддерживая равновесие, быстро летал алеут по морским волнам. Кроме легких байдар, существовали большие байдары для трех человек. На них отправлялись на дальние промыслы и экспедиции. Для женщин существовали такие же байдары. В них помещалось всегда несколько женщин; взрослые мужчины считали дозорным сесть в женскую байдару.

До появления русских алеуты управлялись тойонами – родовыми старейшинами. Тойоны и другие знатные и зажиточные алеуты составляли верхушку населения, затем следовали просто свободные люди – большинство населения – и, наконец, рабы. Попав под власть Российско-американской компании, алеуты очутились в положении крепостных людей. Только тойоны сохранили свое привилегированное положение и стали в большинстве случаев приказчиками компании.

В морских промыслах это племя развивало свои силы и способности и обнаруживало исключительное мужество. В апреле выходило с острова в море более трехсот байдар. Все они разделялись на партии по пятнадцать, двадцать, тридцать лодок в каждой. Несмотря на бури и волнения, они уходили далеко в море. Каждая партия раскидывалась прямою линией, оставляя от одной лодки до другой значительное расстояние. На промежутки эти и было обращено внимание охотников. Как только где-нибудь между лодками показывалась голова морского бобра (выдры), в нее летела стрела. Лодка, с которой заметили ее, следовала за нею, остальные байдары образовывали боевой круг, центром которого служила первая». Как только бобер вторично показывался, в него опять летели стрелы, и скоро убитого зверя вытаскивали из моря. Если же появлялось несколько бобров, партия распадалась на несколько кругов, и каждый производил отдельный промысел.

78

Зимний промысел выдры показывал смелость и находчивость алеутов. В бури, когда

по океану ходили громадные волны, морские, бобры забирались на необитаемые острова и скалы, где и засыпали в какой-нибудь выбоине или трещине утеса. В эту страшную погоду алеуты отправлялись на своих байдарках на промыслы. В каждой лодке находилось два ловца. Байдара подходила к скале или острову с подветренной стороны, и один из ловцов ловко выскакивал на берег, держа в руке оружие. Нужна была необычайная ловкость для того, чтобы только скользнуть вместе с волной и не уйти в ее пучину, не разбиться о выступы скал на крутых берегах. Этим маневром алеут подбирался к спящему бобру и убивал его. Затем он возвращался с добычей назад и тут совершал новый подвиг: не выпуская убитого зверя, он должен был скользнуть с ним и с оружием по волне отлива к байдаре.

Не было случая, чтобы это не удавалось алеуту. Случалось, что бобров ловили сетями, но алеуты, находившие наслаждение в преодолении опасности, презирали этот вид охоты и пользовались им только при крайней необходимости.

Интересен промысел на морских котках (котиков). Как только показывались в апреле около берегов северных островов Берингова моря морские котки, партии охотников шли на них длинной шеренгой: впереди – самые ловкие, позади – начальник промысловой «артели», управляющий ее движениями. Немедленно после выхода табуна котиков из воды на лежбище алеуты бросались вперед, стремясь отрезать котиков от берега. Самок и взрослых самцов отпускали в море, били только подростков. Ежегодно на всех Алеутских, Командорских и других островах Берингова моря добывали до 3,5 миллиона котиков.

На кита алеуты охотились обычно в одиночку. На своей байдаре охотник обшаривал море в разных направлениях и, заметив кита, старался поравняться с его головой. Как только это удавалось, алеут вонзал в него копьё и тотчас же изо всех сил греб назад, стремясь скорее отойти от животного, которое билось на волнах и ударами своего хвоста могло потопить байдару. На стреле была метка с именем владельца. Куда бы ни выбросило море мертвого кита, он все равно принадлежал ранившему его охотнику! Во время такой отчаянной охоты случалось, что не совсем удачливого промышленника кит подбрасывал кверху метров на семь-восемь или швырял далеко в сторону его байдару. Бывало, промышленник идет рядом с чудовищным животным, чтобы скорее добраться до головы морского исполина, а кит поворотом своего огромного тела или ударом хвоста топил и лодку и алеута.

Много сил нужно было и для охоты на моржей. Промышляли моржей обычно в то время, когда они выходили на берег. Охотники бросались тогда на зверей с громкими криками, не допуская их к морю. У убитых моржей тут же разбивали челюсти, вынимали клыки, снимали с них шкуру и вырезали жир, сами туши оставляли на берегу.

По следам Беринга и Чирикова, открывших Алеутские острова и Аляску, избобилующие морскими котиками, бобрами, выдрами,

79

лисицами, горностаями, росомахами, моржами, тюленями и другими животными, потянулись русские промышленники и купцы. Стремясь к богатым промыслам, эти предприимчивые люди открывали новые острова и земли, за что правительство поощряло их разными льготами и наградами. Аляска и Алеутские острова стали русскими землями в 1766 г. Первые русские поселки и туземные селения на Аляске и прилегающих островах Берингова пролива моря управлялись главной конторой Российско-американской компании. Объединения русских промышленников назывались «артелями». Каждая артель имела свое маленькое управление, подчиненное Кадыкской конторе. Поселки промышленников часто подвергались нападениям туземцев, сопротивлявшихся насилию и эксплуатации со стороны пришельцев. Опираясь на Кадык, как на хорошо вооруженную и защищенную сильную базу, главный правитель русских колоний Баранов постепенно расширял пределы русских владений как внутрь самой Аляски, так и на восток и юго-восток от Кадыка вдоль побережья Америки.

Устроив много поселений промышленников во вновь присоединенных местах и защитив их укреплениями или редутами, он начал строить на острове Ситха порт с доком и мастерскими, предварительно соорудив там в 1799 г. сильный редут,

названный Архангельской крепостью.

Индейцы племени колошей (колюжей), у которых русские отняли землю под постройку редута, ждали удобного случая, чтобы избавиться от неприятных соседей, которые воровали у них женщин, обижали и притесняли их.

Весной 1804 г., пользуясь беспечностью коменданта Архангельской крепости, они напали врасплох на ее укрепления и уничтожили их. Почти все находившиеся в крепости люди от мала до велика были перерезаны или преданы жестоким мучениям, постройки сожжены. Только 36 человекам удалось спастись бегством в лес. Из взятых пленников (в большинстве женщин) колоши оставили в живых и обратили в рабов только сорок пять человек, всех же остальных перебили, предварительно оскальпировав. Скальпы служили знаком победы и трофеем. Затем трупы жгли на малом огне или постепенно отрезали у них руки, ноги и другие части тела.

Вскоре сюда пришло три американских судна. Некоторым из спасшихся защитников Архангельской крепости удалось добраться до них. Они рассказали американцам об уничтожении колошами крепости, о мучениях пленных и о бегстве нескольких счастливых из плена в лес. Когда колоши приехали на американские суда для торговли, тойон их, по просьбе русских, был задержан для обмена на него пленных русских.

Колоши доставили для выкупа тойона только женщин. Ввиду невыполнения требования, американцы пригрозили колошам убийством тойона, если они не возвратят мужчин, взятых в крепости. Колоши не испугались угрозы и решили отнять тойона силой. В количестве нескольких сот человек они подошли на байдарках к американским судам и хотели взять их на abordаж. Они были отражены картечью с большими потерями и принуждены были

80

возвратить не только всех русских мужчин, но и дать за освобождение тойона большое количество морских бобров и лисиц.

Через некоторое время известие о падении Архангельской крепости дошло до Баранова, который находился на Кадьяке. Он поспешил прибыть в Ситху и увидел, что на месте, где им были построены крепость и портовые строения, белел лишь пепел и валялись обезображенные дикарями тела русских. Баранов похоронил убитых и на могиле их поставил памятник, на котором написал имена погибших. Место это он назвал «Старая артель».

Вернувшись на остров Кадьяк, Баранов принял за организацию большой экспедиции военных сил для борьбы с колошами и возвращения острова Ситха. Мобилизовав более девятисот человек русских промышленников и туземцев с острова Кадьяк и Аляски, он отправился весной 1805 г. в Ситхинские воды. Здесь, в ожидании прибытия «Невы», экспедиция занималась морскими промыслами.

Между тем, «Нева» вышла 15 августа из Павловской гавани острова Кадьяк и через четыре с половиной дня благополучно прибыла в Ситхинский залив. 20 августа в 9 часов утра «Нева» – подошла к входу в Крестовую гавань острова Ситха. К ней подошла байдара с четырьмя индейцами. Лисянский подарил им четыре медных пуговицы и пригласил на корабль.

Вскоре к «Неве» подошли две байдары Российско-американской компании и сообщили, что парусные суда компании «Александр» и «Екатерина» стоят здесь, за островами, в самой гавани. Они ждут главного правителя Баранова с его партией промышленников, занимающейся промыслами на морских зверей под прикрытием судов «Ермак» и «Ростислав».

От штурмана Петрова, находившегося на одной из байдар, Лисянский узнал, что ситхинские индейцы-колоши собрались в большом количестве в трех километрах от «Старой артели», соорудили там сильную крепость и решили воспрепятствовать русским возобновить свои поселения. Сообщив эти сведения, лодки компании отошли от «Невы», скрылись за островами и вошли в самую гавань.

Перед заходом солнца к «Неве» вторично подошла туземная байдара, но с другими людьми. Гости были вооружены огнестрельным оружием и просили Лисянского променять им несколько ружей. За каждое ружье они предлагали по две прекрасных шкуры морского бобра. Они нарочно показывали их, желая соблазнить красотой меха.

Лисянский отказал им в этой мене, и они удалились. Желая быть в полной боевой готовности для отражения нападения индейцев, Лисянский приказал зарядить половину корабельных пушек ядрами и половину картечью.¹

---

¹ Ядро – сплошной чугунный снаряд, служащий для пробития препятствий, например, стен, крепостей, бортов кораблей и т. п. Картечь – пустотелый снаряд, внутренняя пустота которого наполнена круглыми пулями или чугунными кусками. Служил для стрельбы по войскам противника на близком расстоянии.

81

22 августа «Нева» вошла в Крестовую гавань. Лисянский посетил суда «Александр» и «Екатерина» и увидел, что они слабо вооружены артиллерией, имеют только по две небольших пушки и незначительное количество пороха и снарядов. Приняв на себя командование над этими судами, он приказал им принять с «Невы» еще по две легких пушки с достаточным количеством снарядов и пороха.

Почти месяц «Нева» стояла в гавани в ожидании прибытия главного правителя колоний Баранова. На берег сходить можно было только возле места стоянки судов, не заходя в окружающий лес. Несколько раз моряки и промышленники пытались погулять по лесу, набрать там ягод и грибов и поохотиться за тетерками и куропатками, но всегда подвергались обстрелу колош и принуждены были возвращаться на свои корабли.

Лисянский и офицеры «Невы» занимались астрономическими наблюдениями, определением широты и долготы близлежащих пунктов, наблюдениями за приливами и отливами, достигавшими здесь значительных размеров. 19 сентября на судне «Ермак» прибыл Баранов. Несмотря на неблагоприятные условия погоды и неоднократные нападения индейцев, ему удалось со своей партией набить тысячу шестьсот морских бобров.

После одной из схваток с индейцами, в которой промышленники оказались победителями, индейцы принуждены были бежать из своего селения. Баранов захватил трофеи, оставленные индейцами в бараборах. Между многими вещами, составлявшими предметы обихода индейцев, были весьма оригинальные маски, которые надевались ими во время празднества. Интересным трофеем оказалась медная доска, вроде щита, цельнотянутая из самородной меди, добытой на реке Медная. Доска эта весила 1,5 кг, и на наружной поверхности ее были разные изображения.

Такие доски ценились от двадцати до тридцати бобров, и их имели самые богатые индейские старшины. Во время празднества доски носили перед хозяином и иногда били в них кулаком, что должно было заменять музыку. Ценность доски заключалась в том, что она была сделана из самородной меди; за такую же доску, сделанную из нашей меди, давали не более одного бобра.

К вечеру того же дня прибыл отставший вследствие плохой погоды авангард барановской партии – 60 байдар с алеутами и русскими промышленниками. Затем подошли и парусные суда партии Баранова.

25 сентября почти вся партия, состоящая из 900 человек, была в сборе и высадилась на берег в Крестовой гавани. Лисянский приказал свободно пропускать всех желающих осмотреть корабль, чем промышленники были чрезвычайно довольны. Все, что они видели на корабле, приводило их в восхищение, особенно пушки и ядра.

После обеда туземцы забавлялись на берегу пляской. Нарядившись в лучшие свои уборы, украсив головы перьями и пухом, чугачи пели и плясали, держа весла в руке. Тойон их, надев на себя красный суконный плащ и круглую шляпу, выступал важно

82

несколько в стороне от своего войска. Вся партия чугачей, став в кружок, запела. Протяжная песня становилась все веселее. Пение сопровождалось пляской и кувырканьем. Каждый плясал, как хотел и что ему вздумается. Танцоры были одновременно и музыкантами. Музыка состояла из пения и звуков старого жестяного

котла.

По окончании увеселений чугачей Лисянский роздал им по несколько листов табаку.

Немедленно по прибытии на Ситху Баранов решил потребовать от колошей согласия на восстановление русских поселений и крепости и на производство промысла. В противном случае он угрожал добиться этого силою. На другой день с раннего утра все парусные суда и байдары были выведены из Крестовой гавани в залив, а вечером поставлены на якоря Недалеко от селения колошей. В ночной тишине из селения и крепости раздавались уханье и крики, означавшие, что там происходят шаманские действия по случаю прибытия врага.

Баранов послал в крепость парламентаря объявить свои требования. После полудня на ближайший к русской флотилии мыс явился тойон колошей и объявил, что жители желают мира и возникшие несогласия надеются прекратить без враждебных действий. Так как русские не желали ничего, кроме миролюбивого окончания распри, они пригласили тойона прибыть на «Неву» для дальнейших переговоров, но он на это не согласился. Отказ убедил русских в том, что колоши в действительности не желают мира, а хотят только выиграть время.

Баранов с вооруженными людьми высадился на берег и на высокой горе, посреди оставленного колошами селения, поднял русский флаг. Тотчас же после этого все байдары его партии подошли к берегу, и люди высадились. Они вытащили свои суда, покрыли ими весь скат горы, а затем разошлись, по покинутым бараборам.

На горе, около флага, быстро соорудили укрепление, вооружили его четырьмя медными и двумя чугунными пушками. Когда укрепление было закончено, прибыл Лисянский с несколькими моряками с «Невы». В их присутствии Баранов построил в колонну свои войска и объявил, что воздвигнутая крепость будет называться Новоархангельской.¹

К вечеру в крепость явился новый посланец колош, сообщивший, что они желают заключить мирный договор с россиянами и ожидают их согласия. Через переводчика ему сказали, что русские охотно соглашаются и просят немедленно прислать в крепость уполномоченных тойонов для заключения мирного договора.

На другой день, 30 сентября, около полудня показалось тридцать вооруженных колош. Они приблизились к крепости на ружей-

---

¹ Новоархангельск на острове Ситха (Баранова) называется в настоящее время Ситха. До 1906 г. он был административным центром и главным портом Аляски.

ный выстрел и повели переговоры, крича во все горло. Переговоры продолжались более часа, но не дали желаемого результата, несмотря на предупреждение Баранова, что, в случае отказа исполнить его мирные требования, русское войско не замедлит явиться к укреплению колош.

1 октября «Нева» и флотилия парусных судов с байдарами приблизились к туземному укреплению, высадили десант и свезли на берег четыре легких пушки, сто пятьдесят алеутов и кадьяковцев, вооруженных ружьями. Кроме того, десантный отряд был пополнен пятнадцатью матросами и двумя офицерами с «Невы».

Во время высадки десанта колоши из крепости открыли ружейный огонь. Несмотря на это, десантные части подошли к речке, протекавшей под самыми крепостными стенами. С наступлением темноты Баранов решил взять крепость приступом и принял на себя командование над всеми вооруженными силами.

Лейтенанту Арбузову было поручено с двумя пушками и частью десантного отряда действовать против одних крепостных ворот, а лейтенанту Повалишину с такими же силами – против других. Сам Баранов с небольшим отрядом из матросов, кенайцев и чугачей взял на себя атаку части палисада крепости между двух ворот. Как только стемнело, артиллерия была перевезена через речку, и атакующие немедленно с криками «ура» бросились на штурм укреплений. Неприятель, приготовившийся уже давно к стойкой обороне, отчаянно защищался непрерывным артиллерийским и ружейным огнем.

Десантные пушки действовали сначала успешно, но под влиянием больших потерь

кадьяковцы и некоторые русские промышленники разбежались. Пользуясь этим, туземцы усилили стрельбу по матросам «Невы» и в короткое время всех переранили и одного убили. Одновременно они отбросили и штурмовавшие колонны, причинив им большие потери.

Арбузов и Повалишин, видя, что атака крепости неудачна, решили отступить, чтобы спасти артиллерию. Как только стали увозить пушки, был убит второй матрос, которого колоши подняли на копьё.

Заметив, что неприятель сделал вылазку и преследует отступающих, Лисянский приказал судам открыть артиллерийский огонь по крепости и по преследователям, чтобы прикрыть отступающие части. Арбузов посадил всех своих людей на гребные суда, погрузили артиллерию и возвратились на «Неву». Баранов, Повалишин и все матросы, участники штурма, были ранены. Отбив приступ, неприятель, ободренный успехом, открыл с утра следующего дня пушечную стрельбу по русским судам, ядра давали недолет.

Раненый Баранов прислал к Лисянскому своего ординарца и передал, что по болезни он не может прибыть на корабль и просит его принять нужные меры для окончания начатого дела. Лисянский решил бомбардировать артиллерией колошскую крепость. Приказав горнисту и барабанщику пробить «боевую тревогу», он скомандовал прислуге пушек:

84

- Орудия зарядить ядрами! Прицел пять кабельтовых.¹ Наводить в крепостные стены! Открыть беглый артиллерийский огонь!

Стрельба «Невы» была очень метка и успешна. Крепость вскоре была сильно повреждена, и неприятель, видя, что его ответный артиллерийский огонь не наносит никакого вреда «Неве», вынужден был просить мира. Лисянский принял предложение и, по совету Баранова, потребовал сдачи крепости. После бесконечных проволок и переговоров, длившихся шесть дней, ситхинские колоши бежали в лес, предав огню крепость и свои жилища. Они захватили с собой все оружие и часть имущества.

Лисянский велел собрать выпущенные по крепости пушечные ядра и отправить обратно на корабль.

В качестве трофеев, доставшихся в крепости, были! две небольшие пушки и сто ядер; в бараборах нашли много вяленой рыбы и соленой икры, а также пустых сундуков и посуды. Закончив эту операцию, «Нева» возвратилась в Новоархангельск и простояла там еще месяц.

За время стоянки Лисянский определил географическое положение многих пунктов на островах Ситхинского архипелага и в соседних заливах, дал им названия и составил карты. Команда «Невы» занималась рыбной ловлей и охотой на морских животных. 10 ноября «Нева» вышла из Новоархангельска и 15 ноября прибыла на остров Кадьяк. В Павловской гавани корабль рас снастили и приготовили для зимовки. Лисянский, офицеры и вся команда перешли на берег.

С наступлением тепла 9 марта 1805 г. Лисянский приказал готовить «Неву» к новому плаванью, а сам вместе с штурманом Калининым занялся астрономическими наблюдениями, морской съемкой и описью восточной части острова Кадьяк. Во время работ он заходил в жилища русских промышленников и туземцев и знакомился с их бытом.

Русские промышленники жили довольно зажиточно, сохраняя обычаи и уклад тех мест, откуда они приехали. В туземных селениях Лисянский всюду видел одну бедность. В селении на берегу Кенайского залива он нашел много ребят и старух, полумертвых от голода, потому что все мужчины ушли с Барановым почти год тому назад. Оставшиеся женщины и старики не могли заниматься промыслами и питались старыми запасами продуктов, которые были уже на исходе. Лисянский отдал им имевшуюся у него рыбу. Бедные жители были так растроганы его поступком, что выбежали из своих хижин, кланялись до земли, благодарили. Такой бедности и голода Лисянский нигде еще не встречал.

В Пьяновской губе Лисянский накупил множество редкостей туземного быта и, между прочим, очень изящно сделанных кукол, вырезанных из моржовой кости. В гавани «Три святителя» в зажиточном селении жена тойона в благодарность, за

бусы и бисер,

---

¹ Пять кабельтовых – половина морской мили (926 метров).

85

подаренные ей Лисянским, принесла большую чашу ягод, смешанных с китовым жиром. Это считалось там большим лакомством.

Научно-исследовательским работам Лисянского много помогал Баранов. Он предоставил в распоряжение его несколько байдар с искусными гребцами и всячески старался быть ему полезным.

Сам Баранов был занят организационной и административной работой, он много раз выдерживал нападения индейцев, которые никак не хотели примириться с потерей крепости и вместе с нею своей независимости. В конце концов они должны были покориться и признать власть русских. Постепенно расширяя область своих владений, русские заняли всю территорию Аляски и, кроме того, береговую полосу тихоокеанского побережья Америки до 55° северной широты с прилегающими к ней островами.

Закончив производство съемки и описание острова Кадьяк, Лисянский принял на «Неву» грузы Российско-американской компании для доставки в Новоархангельск и в Кантон.

14 июня 1805 г. «Нева» покинула остров и через неделю благополучного плавания пришла в Ситху и стала на якорь у Новоархангельской крепости.

14. НА ПУТИ В КИТАЙ. СТОЯНКА В ВАМПУ

27 августа, закончив все дела и приняв грузы, «Нева» вышла из Новоархангельска в Кантон.

До середины октября плавание было вполне спокойно. 15 октября «Нева» попала в полосу океана, где была окружена бонитами, касатками и разными тропическими птицами. Предполагая, что поблизости должна находиться земля, Лисянский приказал как можно внимательнее наблюдать за горизонтом, и люди были рассажены для этого по верхним частям мачт. Целый день искали землю, но ничего похожего на берег не увидели. В десять часов вечера корабль вдруг вздрогнул, руль тотчас же был положен под ветер на борт, чтобы поворотить оверштаг,¹ но это не помогло, и судно село на мель. Команда уже спала, исключая вахтенных. Оставив койки, моряки бросились на верхнюю палубу убрать и крепить паруса; штурман, между тем, обмерил глубину вокруг судна, которое, как выяснилось, остановилось посреди коралловой мели. Лисянский скомандовал: «Сбросить за борт все тяжести, лежащие посередине корабля!» Команда исполнила приказание и немедленно выбросила в воду запасные реи, стеньги² и доски. Этого оказалось мало: корабль не трогался и продолжал попрежнему стоять на мели. Лисянский приказал выбросить за борт пушки.

Пушки были сняты со станков и с привязанными к ним поплавками, чтобы при удобном случае вытащить их из воды, выбро-

---

¹ Поворотить оверштаг значит сделать поворот кораблем против ветра на другую сторону.

² Стеньга-дерево, служащее продолжением мачты.

86

шены за борт. Корабль облегчился настолько, что с помощью завола якоря¹ был стянут на глубокое место. Работать пришлось не покладая рук до самого рассвета. Когда наступило утро, то в расстоянии одной мили к западу от направления курса показался небольшой островок, а по самому курсу, которым шли, – гряда камней, покрытая страшными бурунами.

Как ни плохо было положение моряков, но это открытие всех очень обрадовало. Как только корабль был снят с мели, налетел жестокий вихрь и нанес его снова на

ту же мель. Пришлось сбросить в воду все оставшиеся тяжелые вещи и возможно скорее стягиваться с мели, так как вихрь продолжал свежать и бил корабль о кораллы.

– Якорные канаты, запасные якоря и балласт выбросить за борт! – скомандовал Лисянский.

Все тяжести были сброшены в воду. При неустанной работе с величайшим трудом «Неву» удалось к вечеру стащить с мели и перевести на более глубокое место на километр от рифа. К ночи ветер стих.

На другой день рано утром выловили сброшенные пушки и другие тяжести и водворили их на места. Ни одна из них не была потеряна и не пострадала при подъеме.

Днем палила нестерпимая жара; несмотря на это, приходилось работать изо всех сил.

18 октября Лисянский с несколькими офицерами и матросами поехали на берег открытого острова. Они высадились в небольшом заливчике, на берегу которого было множество птиц и тюленей. Птицы, больше походившие на домашних, чем на диких, окружили невиданных гостей. Тюлени лежали на спине и не обращали ни на кого внимания. Некоторые из них были длиною до 2 метров. Они только едва открывали глаза, когда кто-нибудь к ним приближался, но не двигались с места. Как ни были интересны птицы и тюлени, моряки тотчас же занялись астрономическими определениями места, морской съемкою и описанием острова.

Жара всех истомила, но исследователи внимательно выполнили работы. К вечеру все научные работы были окончены. Посреди острова Лисянский воткнул в землю шест с русским флагом, а рядом с ним зарыл в землю бутылку. В нее было положено письмо об открытии этого места. Как выяснилось, остров был невелик по размерам, находился посреди опасной мели, едва возвышался над поверхностью воды; образовался он из кораллового песка и только сверху был покрыт лежачею травой, где чайки, утки, кулики и другие птицы выводили в норах своих детенышей. На острове не было ни пресной воды, ни леса. Попутно моряки собрали много красивых кораллов и окаменелой губки. Юго-восточ-

---

¹ Чтобы протянуть судно вперед, назад или в сторону, на шлюпку подают якорь, к которому прикрепляется толстый трос или канат. Шлюпка, отойдя в желаемом направлении, бросает якорь. Говорится, что она сделала завоз.

ную мель, на которую приткнулась «Нева», Лисянский назвал Невскою, а остров рядом с нею, по настоянию и просьбе всех моряков, – островом Лисянского.

Остров покинули 20 октября и направились к Кантону. 23 октября по направлению курса увидели мель, шириною в три с лишним километра и с большим камнем посередине, ни на каких картах не обозначенную. Лисянский определил ее местоположение и назвал именем Крузенштерна.

31 октября из опасения, что нехватит до Кантона сухарей, имевшихся на корабле (итти оставалось не менее месяца), Лисянский приказал убавить суточную порцию на сто граммов в день.

2 ноября в полдень прибыли в широту $16\frac{1}{2}^{\circ}$ северную и долготу $180\frac{1}{2}^{\circ}$ западную. Таким образом, «Нева» обошла благополучно полсвета от гриничского¹ меридиана.

23 ноября с утра задул шторм. На «Неве» убрали все паруса и пошли только под штормовыми косыми парусами – стакселями. Ветер все более и более усиливался. Буря превратилась в ураган. Ветер рвал снасти и клал корабль на бок. Около полудня разбило ял, висевший за кормою, а несколько времени спустя унесло в море много вещей с верхней палубы. Всего опаснее было то, что появилась сильная течь в корабле и вода быстро прибывала в трюм. Пришлось работать всеми помпами до самого вечера. К счастью, к ночи погода несколько утихла. Это спасло корабль от гибели.

Утром начали приводить корабль в порядок. Лисянский решил раньше всего осушить корабль: принялись выносить подмоченные вещи из внутренних помещений на верхнюю палубу, отскабливать грязь и прокуривать все помещения купоросной

кислотой. Чистка и окуривание продолжались до вечера.

Эту трудную работу продолжали в течение пяти дней, причем много подмоченных и гниющих ценных шкурок пришлось выбросить за борт. Всего выбросили 30 тысяч шкурок морских котиков и 2 тысячи шкурок чернобурых лисиц и морских бобров. После того как трюм был окурен, вымыт, высушен и приведен в порядок, уцелевшие меха были погружены обратно.

Тяжелый запах, выходящий из трюма, разносясь по кораблю, чувствовался, хотя и не так сильно, в каюте командира. В носовой части корабля, где жили матросы, он был настолько силен и противен, что Лисянский перевел всех матросов в кают-компанию, где жили офицеры, чтобы удалить команду от «малейшей причины, могущей повредить ее здоровью».

1 декабря к «Неве» подошла китайская джонка, шедшая из Кантона. Купцы, сидевшие в ней, сообщили, что «Надежда» пришла больше недели назад в Типу, в 2 км от Макао, и стоит там. 3 декабря «Нева» вошла на рейд Макао и стала на якорь около самой крепости. Португальская крепость и город Макао построены

---

¹ Моряки обыкновенно пользуются картами, на которых счисление ведется от Гринича, небольшого города близ Лондона. Он известен своими астрономической и метеорологической обсерваториями.

на буграх и оврагах побережья Кантонского залива. Город очень чистенький, небольшой, застроенный красивыми домиками. Лисянский посетил коменданта крепости, который предупредил его о китайских пиратах, сказав, что бывали случаи, когда на суда, стоявшие на рейде даже под стенами самой крепости, нападали эти разбойники. Поблагодарив коменданта, Лисянский вернулся на корабль и приказал зарядить пушки и ружья, чтобы быть в постоянной готовности на случай атаки пиратов на «Неву».

Затем он поехал к Крузенштерну доложить о своем пребывании в Русской Америке и о грузе мехов, который он привез в Китай для продажи. После полугодовой разлуки состоялось сердечное и трогательное свидание моряков.

Для продажи мехов Крузенштерн и Лисянский решили перейти к острову Вампу, находящемуся перед устьем Си-Кианга, или Жемчужной реки, куда оба корабля и отправились 5 декабря.

В Си-Кианге корабли стали на якорь. Жемчужная река делилась на несколько рукавов, и трудно было определить ее главное ложе. Правый отлогий берег составлял довольно большой остров; широкое водное пространство отделяло его от идущих вдоль лугов лесистых холмов и озер. У подножия отдаленной возвышенности расположился Кантон.

Отлогий берег начинался длинными рядами серых домиков, построенных на сваях, под которые Си-Кианг заплескивал свои волны во время прилива. Домики стояли друг подле друга. В тени навесов между сваями были сотни лодок, привязанных к бамбуковым шестам. Внутри лодок, как в доме, жили целые семьи со своим хозяйством.

По берегам реки Жемчужной виднелись рисовые плантации. Земледелие у китайцев пользовалось с незапамятных времен особым уважением. Ежегодно император посвящал три дня принесению жертв и молитвам, потом шел на поле, проводил первую борозду и собственной рукою бросал несколько семян рису, чтобы показать значение для государства труда землепашца.

Улица в Вампу, как и в других китайских городах, не похожа на европейскую. Вся она была шириною самое большое 2 л и тянулась длинным коридором под тенью навесов, шедших с обеих сторон домов. Часто из окна одного дома протягивали жердь до противоположного окна, на которой висели рубашки и прочее бельё. Улицы мостили каменными плитами. В каждом доме внизу была лавочка или мастерская. Из окон второго этажа изредка выглядывала голова черноглазой китайки с колесообразной прическою... Несколько китайцев важно распивали чай в чайных лавках и, увидя русских моряков, дружески кивали головою, приговаривая «чин-чин». В стороне стояла кумирня с божками, а дальше – лавка, где можно было

купить лаковую мебель, идола и другие принадлежности культа.

Улица прерывалась площадью. Ее всю застроили павильонами с грибообразными крышами, под тенью которых ютились уличная торговля, бедность и праздность. Всевозможные кушанья, заранее приготовленные, но не слишком аппетитные, лежали на лотках и

89

фарфоровых чашках. Около вареного риса, насущного хлеба китайцев, лежали рыба, жареная курица, свинина, бобы, водоросли, студень, пироги с зеленью, которые тут же бросали на сковороду и подпекали на жаровне. Здесь же продавались раки, трепанги, морская капуста, ласточкины гнезда, тухлые яйца, всевозможная зелень, плоды, живность, готовое платье, дождевые костюмы и другие вещи. Сюда же, на рынок, выходил фронтон буддийского храма пестрым и разноцветным портиком с исполинскими фонарями. В таинственном полумраке храма почтенные толстенькие божки комфортабельно сидели в своих нишах, на алтарях красовались всевозможные приношения – вода в чашечках, тоненькие свечи и блеск сусального золота.

Дома, выходящие на улицу каменными фасадами, упирались в канал деревянными клетушками и надстройками на высоких сваях. За каналом блестела изумрудная зелень рисового поля, за полем стояли группами деревья. Дальше виднелись разливы и изгибы широкой реки, блестящей, как сталь, на солнце; еще дальше высились громады гор с их легкими контурами, с переливами и игрой красок и теней.

Съехав на берег, русские моряки зашли в трактирчик посидеть на балконе. Отсюда были видны суда, стоявшие на реке, противоположный берег с доками и холмами, леса и горы. Несколько китайских джонок шли по течению одна за другой, нагруженные доотказа.

* *
*

Поставив суда на якоря на рейде в Вампу, Крузенштерн и Лисянский поехали в Кантон найти покупателя на привезенный товар. Сначала они обратились к богатому английскому купцу Биллю. Крузенштерн знал его по своему прежнему пребыванию в Кантоне. Билль вел крупные торговые дела и прекрасно знал всех гонгов-купцов, имевших монопольное право вести торговлю с иностранцами. Он представил русским морякам одного из гонгов, богатейшего китайского купца Луку. Последний, со своей стороны, обещал оказать содействие в продаже русского товара.

Для более удобного хранения товаров он предложил свои амбары.

По китайским законам, ни один товар с иностранного судна не мог быть свезен на берег для продажи до тех пор, пока кто-либо из гонгов не поручался перед китайскими властями за исправный

платеж таможенных пошлин и за добропорядочное поведение продавца. Лука взял ответственность за Крузенштерна и Лисянского на себя... Гонгам приходилось иногда отвечать за неисправных

иностранцев продавцов и платить китайской таможене чрезвычайно большую пеню.

Русские корабли пришли в Кантон впервые, и китайское правительство потребовало от командиров судов объяснения, без которого не хотело давать разрешения торговать. Китайцы спрашивали, какой нации корабли, что побудило русских привезти товары морем и предпринять столь дальний путь, когда лучше было бы торговать через сухопутные границы, не военные ли корабли

90

«Надежда» и «Нева»? На все вопросы требовались письменные ответы, китайцы уверяли, что ответы должны быть представлены богдыхану в Пекин.

23 декабря прибыл чиновник от наместника и передал разрешение на выгрузку товаров в амбары. До него на корабли приезжал директор таможни Гогу для измерения величины корабля и определения размера пошлины, которую нужно с них

взыскать. На корабли привезли из таможни лестницы из красного дерева, чтобы. Гопу мог удобнее войти на верхнюю палубу. Гопу приехал на большой разукрашенной флагами лодке, которую сопровождали три других таких же лодки. На кораблях его торжественно встретили и оказали большие почести.

Самый обмер корабля продолжался всего только несколько минут. Как Крузенштерн, так и Лисянский после обмера кораблей принимали у себя в каюте Гопу, угощали вареньями и сладким вином. Вернувшись к себе в таможню, Гопу прислал на корабли чиновника, который поблагодарил от его имени командиров за прием и угощение. В подарок команде он прислал по восемь четвертей пшеничной муки, по восемь кувшинов местного вина - шамшу - и по два быка на каждый корабль.

Кантон, расположенный на левом берегу реки Жемчужной, с внешней стороны походил на огромную деревню, а внутри на большой гостиный двор: каждый дом служил одновременно и лавкою. Улицы, в сущности, представляли торговые ряды, довольно строго распределенные по характеру торговли, они были узки и многолюдны. На набережной дома принадлежали европейцам. Даже самые лучшие китайские строения производили не очень благоприятное впечатление, а дома небогатых китайцев - прямо жалкое. Многие из домов, кроме двери, которая завешивалась рогожею и тонкими бамбуковыми ширмами, не имели никакого сообщения с внешним миром.

Некоторые наши моряки бывали в гостях у богатых китайцев, осматривали их дома, внутреннее устройство, сады. Каждый богатый дом состоял из нескольких больших вымощенных кирпичом четырехугольных дворов, где вдоль стен стояли беседки со стульями, столами и горшками цветов, а в саду росли плодовые деревья. В некоторых домах посередине сада был пруд или большая глиняная чаша для золотых рыбок. Дома были большею частью двухэтажные, по две комнаты в каждом. В верхнем этаже жили женщины; посторонних туда не пускали. В Кантоне имелось множество буддийских храмов и капищ, весьма оригинальных по своей архитектуре, построенных столетия назад. Наиболее красивы и величественны были дворец наместника богдыхана, резиденция монгольского генерала, коллегия Конфуция, императорский храм, пятиэтажная пагода, магометанская пагода и четыре буддийских монастыря.

Русские моряки поражались большой городской каменной стеной, которой окружен был город. Стена была более 10 км в окружности, 12 м высоты и 7 м ширины. На ней было много пушек. Перед стеною вырыт глубокий ров.

91

Город состоял из двух частей: внутренней и внешней. Во внутреннюю часть города европейцам вход был воспрещен. Город принадлежал к числу первых торговых городов мира. Кроме европейских и американских кораблей, вывозивших отсюда ежегодно более чем 300 000 т разных товаров, вся Индия и морской берег Азии к югу, до самого Малакского пролива, вели с ним обширную торговлю.

В Китае никто не был избавлен от телесного наказания; мало того: каждый мог наказывать низшего по рангу, как ему вздумается. Всякий государственный чиновник имел право наказывать чиновников низших классов, а сам император предоставлял себе право наказывать министров и высших чиновников. Так, например, император Киеньлонг приказал однажды высечь двух своих совершеннолетних сыновей, из которых один царствовал во время пребывания наших судов в Кантоне. Неудивительно, что в Китае все подчиненные слепо повиновались своим начальникам.

Вся торговля с иностранцами находилась здесь в руках одиннадцати гонгов, которые имели исключительное право покупать непосредственно от иностранцев их товары и продавать им китайские произведения.

Китай производил все необходимое для человека: «Здесь животные, птицы, рыбы, плоды и зелень - отличного качества, - говорит Крузенштерн. - Обыкновенная пища китайцев состояла из риса и хлеба, выпекаемого из сарачинского пшена. Любимыми напитками являлись чай и нечто вроде вина, шамшу, которое также

делалось из сарачинского пшена. Чай пили без сахара, наливая его в чашки с крышками, в которых он настаивался. Несмотря на огромные богатства Китая, такой бедноты, как здесь, мы нигде не видели. Улицы городов изобиловали нищими, по сравнению с которыми бедняки, жившие всю жизнь и из рода в род в лодках, казались богачами».

Богатые китайцы – большие гастрономы. Они платили много за ласты морских рыб – прожор, птичьи гнезда, тухлые яйца и т. д.

На званых обедах ставилось несколько больших столов, за каждый из них садилось по четыре – шесть человек. Кушанья подавали одно за другим в фарфоровых чашках. Каждому гостю давали по две костяные палочки длиной около 30 см, заменявшие вилку и нож, глиняную или фарфоровую ложку и очень маленькую чашку, из которой после каждого блюда пили шамшу. Скатертей китайцы не знали, вместо салфеток были куски тонкой бумаги, служившие одновременно и носовым платком. Костяными палочками пользовались очень проворно и искусно. Большую чашку сарачинского пшена китаец съедал при посредстве палочек вдвое скорее, чем европеец с помощью ложки.

Жен китайцы обыкновенно покупали. Мужчина уславливался о цене с родителями невесты, причем никогда раньше ее не видел. Невеста отправлялась к жениху в дом в запертом паланкине, ключ от которого посылался жениху. Если жених был доволен своею покупкою, он оставлял ее у себя, в противном случае отсылал ее обратно. При этом жених терял не только заплаченные вперед

92

деньги, но должен был уплатить еще столько же в виде пени за обиду. Переезд невесты к жениху происходил с большой торжественностью, церемониями и музыкой.

Одежда мужчин состояла из длинных брюк, балахона из тонкой шерсти вместо рубахи, полукафтана и верхнего платья с широкими рукавами. Верхнее платье носили только богатые; рабочие носили широкие фуфайки, в зависимости от погоды надевали их от одной до пяти. Зимой верхнее платье подбивали мехом. Головные уборы состояли из черной атласной шапочки – скуфьи – с черной, синей или красной шишечкой наверху и из шляпы с полями. Верх ее покрывался голубым шелком, а низ – плюшем или бархатом. Мандарины и чиновники носили на петле, имеющейся у шляпы, стеклянные шарики, золотые, белые, голубые и красные. По этим шарикам отличались государственные чины. Красного цвета шарик считался самым высоким знаком, затем шли голубой, белый, золотой. Кроме того, мандарины имели нашивки на спине и на груди.

Сапоги и башмаки шили одинаково: подошвы делали толщиной в 2,5 см, носки обрубленные, голенища и переды бывали из атласа и подбивались шелком, под подошву клали шерсть или бамбук. Сапоги носили черного цвета, башмаки – разных цветов. Сапоги были только у богатых, башмаки – у всех без исключения. С башмаками носили чулки, сшитые из какой-либо легкой материи.

Знатнейшие мандарины и чиновники действовали тиранически, проявляя полный произвол в отношении зависящих от них людей. Нередко бывало, что начальник, увидев у своего подчиненного какую-либо вещь, понравившуюся ему, брал ее без всякого стеснения. Один из купцов Кантона Пакина уверял Лисянского, что не носил с собою часов, опасаясь, как бы наместник или начальник таможни Гогу их не отняли, как это однажды уже с ним случилось: наместнику понравились его часы, и он положил их себе в карман. Китайская вежливость требовала, чтоб Пакина, став на колени, благодарил наместника за такое милостивое к нему снисхождение, хотя внутренне и проклинал его.

Китайское правительство чрезвычайно жестоко обращалось с виновными и с подозреваемыми в каком-либо преступлении. Здесь считалось в порядке вещей поломать за какой-либо пустяк руки, ноги или пальцы. Трудно передать, как жестоки были пытки и мучительны наказания.

Нищета в Китае достигала такой степени, что многие семьи принуждены были бежать и заниматься грабежом на море. Флоты морских разбойников разъезжали у самых берегов и нападали на небольшие суда и приморские города. Перед самым

приходом «Надежды» в Макао триста китайских пиратских судов подошли к местечку близ Кантона и совершенно разграбили его.

Привезенный «Надеждой» и «Невой» груз пушных товаров был продан за 200 тыс. руб. золотом. Лучшие шкурки бобров и черно-бурых лисиц оставили, чтобы выгоднее продать их в Петербурге и в Москве. На 150 тыс. руб. купили в Кантоне чая, шелка, фарфора и других китайских товаров.

93

Когда все было кончено и нагруженные суда приготовились к отходу, последовала неожиданная задержка со стороны китайского правительства, наложившего арест на русские корабли.¹ После бесконечной переписки, личных переговоров, угроз и просьб удалось получить свободу, и 9 февраля «Надежда» и «Нева» снялись с якоря. Совершив благополучное плавание Южнокитайским морем, суда экспедиции вошли в воды Зондского архипелага и 25 февраля в третий раз пересекли экватор.

15. НА ЗОНДСКИХ ОСТРОВАХ

В водах Зондского архипелага моряки почувствовали насквозь проникающую сырость. Иллюминаторы закрыли, но сырость проникала повсюду. Белье, платье, бумаги и книги – все было пропитано ею. Приходилось надевать на себя все мокрое. Еще на рассвете 26 февраля пошел мелкий дождь, который с девяти часов утра превратился в тропический ливень и продолжался до полудня.

В Зондском архипелаге «Надежда» и «Нева» пробыли девять дней. За это время моряки в периоды продолжительного безветрия останавливались у разных островов! и проводили по несколько дней на якоре.

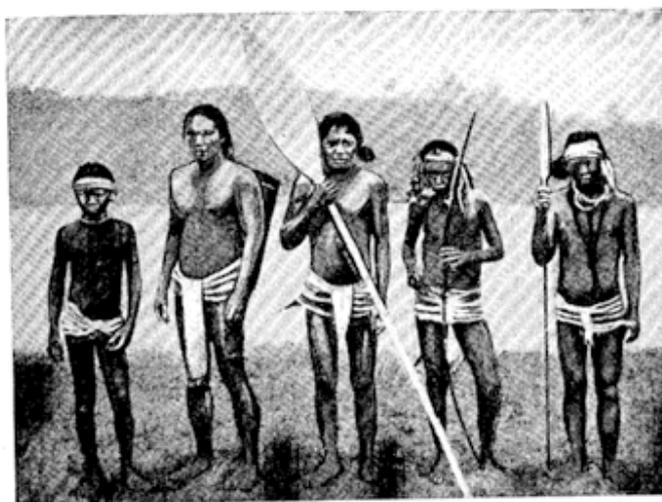
Пребывание «Надежды» и «Невы» у Суматры, Северного и других Зондских островов оказалось очень приятным. К столу офицеров и команды все время подавались ананасы и бананы. В лесах моряки сами собирали к чаю лимоны, которые здесь имеют особый вкус и цвет: зеленоватые, с довольно сильным запахом, они очень отличались от лимонов, которые привозились в Россию. Кроме того, собирали и мангустан.

Мангустан – царь фруктов, по выражению малайцев. Его дарит гарциния – дерево с листьями, похожими на листья лавра. Плод, величиной с яблоко средних размеров, окрашен снаружи в бурогранатовый цвет. Кожура осторожно разрезается по поперечнику, верхняя половина его легко снимается, и тогда открывается шестидольный снежнобелый студенистый плод, напоминающий по виду порцию лимонного мороженого. Он очень сочен, слегка ароматен, приятно кисловат и сладок, отлично утоляет жажду и прохлаждает, потому что имеет свойство всегда сохранять в себе, под экваториальным солнцем, холодную внутреннюю температуру. Во рту мангустан тает, как мороженое, и лакомиться им в знойный день – одно из величайших наслаждений. Полной зрелости он достигает только под экватором и в ближайших к нему широтах северного и южного полушарий. Его можно найти на Яве, Суматре, Борнео, в южной части Малакского полуострова, на мелких островах Зондского архипелага. Из диковинок природы

---

¹ Предлогом к задержанию послужила смена наместника богдыхана в Кантонской провинции.

94

Остров Суматра. Типы туземцев племени дайяков.

Остров Суматра. Туземные женщины кормят грудью молодых кабанов.

95

морьякам довелось видеть рыб, которые издавали некоторое подобие звука.

«Надежда и «Нева» вошли в Зондский пролив между Суматрой и Явю. Плавание этим проливом показалось сказкой. На каждом шагу приставали к судам малайские лодки с ананасами, кокосами и обезьянами. Корабли шли вдоль берега Явы и по ночам становились на якорь. Все вставали до восхода солнца.

Почти на каждом километре открывался новый островок, один поднимался вдали туманной пирамидой до облаков; другой, как старый запущенный сад, темнел группами столетних деревьев; третий красовался, как корзина цветов, среди неподвижных вод. Столетние деревья, за которые в Европе платили большие деньги, были: черное дерево, баобаб, красильное. Иногда у берега можно было увидеть черную обезьянку. И вдруг почти мгновенно вся природа омрачалась: налетала гроза, окрестности темнели, сверкала тропическая молния, и гремел гром.

Большинство жителей здешних островов ходило голыми; их тела казались отлитыми из бронзы; на некоторых были натянуты красиво драпировавшиеся красные платки, белые чалмы, тростниковые шляпы. Но население острова иногда изменяло своим мирным привычкам и превращалось и свирепых морских разбойников, вооруженных намазанными ядом кинжалами и стрелами. Лодки их нападали на небольшие суда, и часто каким-нибудь предприимчивым атаманом объединялись в целые вооруженные флотилии.

16. В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

6 марта «Надежда» и «Нева» покинули Зондские воды и вошли в Индийский океан. Все видимое пространство его было испещрено бесчисленным множеством белопенных барашков. Цвет воды был темносиний.

Небо покрывала сплошная пелена белого тумана, сквозь который слабо просвечивало солнце. Вечером океан представлял тускло светящуюся поверхность молочного цвета и напоминал озаренные светом снежные поляны. Небо казалось значительно чернее воды. Это свечение вызывалось громадной, неизмеримой массой фосфористых организмов, сильно взбудораженных бурей.

Изредка днем белел парус встречного судна. Иногда корабли обменивались приветствиями, подъемом флага, и расходились. «Надежда» и «Нева» шли под всеми парусами, легко поднимаясь с волны на волну, иногда рядом друг с другом, иногда в кильватер,¹ иногда разлучаясь на несколько километров. Порой показывалась черная спина кита, извергавшего высокие фонтаны воды. Часто на солнце сверкали летучие рыбы. Явление фосфоричности происходило не каждый день. По мере продвижения к югу оно становилось все реже. Зато почти каждую ночь при лунном осве-

---

¹ Кильватер - струя, остающаяся за судном, когда оно идет. Так же называется строй, когда суда идут друг за другом, в кильватерной струе.

96

щении водный горизонт словно весь заливало растопленным золотом, и столб лунного отражения ложился зыблущимися блестками на волны.

11 апреля «Надежда» и «Нева» шли рядом с одинаковой скоростью. Пользуясь этой близостью, Лисянский провел на «Надежде» целый день, и тут Крузенштерн рассказал ему, что во время прохода его между Явою и Принцевым островом он подвергся большой опасности: корабль его едва не был нанесен на мыс Фрояр на Яве, но в самую критическую минуту вдруг задул северный ветер и вывел его из затруднительного положения. Вместе с тем он справедливо упрекнул Лисянского в том, что «Нева», которая должна была идти поблизости, была в это время в 16,5 км от него и не могла оказать помощи.

12 апреля суда вышли из полосы юго-восточного пассата; задули переменные ветры. Корабли были отнесены от африканского берега. Расстояние до него было около 290 км. По мере приближения к берегам Африки погода становилась пасмурнее и дождливее. 15 апреля днем, во время сильного тумана и дождя, «Надежда» и «Нева» потеряли из виду друг друга. К ночи, когда прояснилось, корабли, - несмотря на пушечные выстрелы, зажигание фальшфейеров, которыми давали знать о своем местонахождении, не могли найти друг друга. На другой день утром они продолжали свои поиски, но безуспешно, так как к полудню снова поднялся густой туман. После разлуки корабли «Надежда» и «Нева» пошли каждый самостоятельно к мысу Доброй Надежды.

16 апреля было достопримечательным днем для мореплавателей: они прошли через кронштадтский меридиан и завершили, таким образом, полный обход вокруг земного шара.

17. ВОЗВРАЩЕНИЕ

После того как корабли расстались в тумане, они уже не встретились до Кронштадта, куда «Нева», более быстроходное судно, избравшее к тому же более короткий путь, пришла раньше.

«Нева» приблизилась к берегам Южной Африки 21 апреля. Берега виднелись неясными голубоватыми очертаниями, терявшимися в облаках и в тумане. Ветер был почти попутный, и корабль шел со скоростью 16,5 км в час. Оконечности Южной Африки принимали все более ясную форму. Исполинские скалы, почти совсем черные, как зубцы старинной крепости, ограждали берега. Здесь вечный прибой, почти вечные бури.

Когда уже совсем близко подошли к мысу Доброй Надежды, потянул противный ветер, и сильное волнение препятствовало обойти мыс. Столовую гору и другие

возвышенности моряки увидели сквозь прозрачный голубой туман, но ветер с севера отогнал корабль далеко на юг. Наконец, 24 апреля «Нева» благополучно обогнула мыс Доброй Надежды, этот древний «Мыс бурь», и вошла в Атлантический океан. Здесь она вскоре встретила пассатный ветер и пошла на север.

97

Лисянский колебался, идти ли ему прямым путем в Европу или зайти на остров Св. Елены и встретиться с «Надеждой». Чтобы решить это, надо было прежде всего определить имевшиеся на корабле запасы съестных припасов. Он осмотрел все погреба и помещения с провизией; по подсчету, запасов провизии должно было хватить на три месяца плавания. В течение этого времени «Нева» могла достигнуть Европы. Он решил поэтому идти прямо в Англию, несмотря на то, что Крузенштерн назначил ему на всякий случай местом встречи порт Джемстоун на острове Св. Елены.

В своем описании плавания «Невы» Лисянский говорит:

«Я решился оставить прежнее свое намерение идти к острову Св. Елены, а направил путь свой прямо в Англию, быв уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь; ибо еще ни один мореплаватель, подобный нам, не отваживался на столь дальний путь, не заходя куда-либо для отдохновения... Я единственно сожалел об одном, что такое наше путешествие должно разлучить нас с кораблем «Надеждою» до самого прибытия нашего в Россию; но что делать? Имев случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, каковую отечество нам оказало, нельзя было не пожертвовать сим удовольствием».

11 мая утром при легком юго-западном ветре и чудной погоде пересекли в четвертый раз экватор. Ночью был сильнейший ливень и шквалы. Море кипело и от часто сверкавших молний казалось огненным. Благодаря ливню набрали тридцать бочек дождевой воды. Она очень кстати пополнила сильно сократившиеся запасы пресной воды.

У Азорских островов Корво и Флюри к «Неве» подошел английский вооруженный катер. Находившийся на нем флотский офицер уведомил Лисянского о начавшихся военных действиях между Россией и Францией. Хотя «Нева» и была снабжена визами французского правительства для свободного плавания на всех морях, даже и в случае войны, Лисянский все же приказал на случай встречи с французскими судами держать артиллерию наготове и ни в коем случае не сдаваться.

24 июня к вечеру «Нева» подошла к Английскому каналу. За Азорскими островами встречалось очень мало судов. Только однажды подошел довольно близко английский корабль и вступил в переговоры. Командир его, капитан Вилькинсон, прислал на «Неву» много газет и 500 кг картофеля, что было принято с благодарностью нашими моряками. В ответ на эту любезность они послали англичанину большую банку аляскинского варенья из малины.

26 июня «Нева» вошла в Английский канал и прошла в Портсмут. Так как «Нева» после небывалого в истории большого перехода нуждалась в починке, а команда - в отдыхе, Лисянский простоял в Портсмуте две недели.

Многие моряки побывали в Лондоне. Они познакомились с городом и портом, увидели лучшие в мире доки, портовые мастерские, магазины, морские учреждения и многие военные корабли.

98

«Неву» посетило много англичан, интересовавшихся русскими моряками и кораблем, который совершил беспримерно длинное путешествие без захода в какую-либо гавань. 13 июля «Нева» покинула Портсмут. Ветер был попутный и очень свежий. На другой день ветер переменялся и настолько окреп, что «Нева» принуждена была около Даунса стать на якорь. На следующее утро она пошла в Немецкое море.

Хотя лето было в самом разгаре, моряки после тропиков порядочно мерзли. В Немецком море шел непрерывный дождь. Нередко «Нева» попадала в серо-молочного цвета туман, порой грозила опасность столкновения со встречными судами, то и дело попадавшимися на пути.

Приветливо встретило моряков Балтийское море. Стояла чудная погода. Снова потянулись живописные берега Норвегии, Дании и Швеции, но едва миновали остров Борнгольм, как опять сильнейший туман заволок весь горизонт. «Нева» отважно шла вперед, продвигаясь к Финскому заливу. Сердце радостно сжалось у каждого моряка, когда после долгого отсутствия они увидели хорошо знакомые берега и услышали свою родную речь. Жалкая, после всего виденного, природа Финского залива показалась им раем. Родные места встретили «Неву» столь крепким попутным ветром, что корабль с малыми парусами шел по 20 км в час и в девять часов утра 5 августа достиг Кронштадтского рейда.

Загрохотал пушечный салют «Невы», грянул ответный Кронштадтской крепости. Первое время от волнений, смотров начальства и встречи с родными и знакомыми моряки были буквально как в чаду.

Расставшись с «Невою», корабль «Надежда» подошел на одиннадцатый день плавания к мысу Доброй Надежды. Обогнув его, Крузенштерн взял курс на остров Св. Елены. Он подошел к нему утром 3 мая, совершив плавание от Зондского пролива в 50 дней, а от Макао – в 79 дней.

Став на рейде Джемстоуна на якорь, Крузенштерн поехал с визитом к губернатору острова, полковнику Паттону. Губернатор сообщил Крузенштерну о начавшейся войне между Россией и Францией и заявил, что постарается доставить все, что только потребуется русским морякам. Он сделал распоряжение об отпуске из портовых складов необходимых для «Надежды» материалов и свежей провизии для офицеров и команды по ценам порта.

Крузенштерн очень пожалел о разлуке с «Невой». Одиночество в сложившейся обстановке было для каждого судна далеко не безопасным.

Предпочитая избежать встречи с французскими кораблями, Крузенштерн решил идти не Английским каналом, около которого, по сведениям губернатора Паттона, крейсеровали французские каперы,¹ а направиться в обход Азорских островов к краней север-

---

¹ Капер – корабль, снаряженный частным лицом с разрешения правительства и укомплектованный вольнонаемной командой для военных действий вообще, а на практике главным образом для захвата неприятельских и ней-

ной оконечности Шотландии, чтобы, проплыв между нею и Оркнейскими или Шетландскими островами, войти в Немецкое море.

Этот путь был гораздо длиннее, но безопаснее. Остров Св. Елены расположен на пути, которым обыкновенно следовали парусные суда, шедшие из Индийского океана в северные моря, пользуясь правильно дующими юго-восточными пассатами. От ближайшего материка остров этот отстоит на 1300 км. Остров невелик, площадь его около 12 тыс. га. Днем он всегда залит яркими лучами солнца, а ночью будто врезается своими крутыми скалистыми берегами в голубое, темное небо, сверкающее бесчисленными яркими звездами. Остров – вулканического происхождения. Базальтовые его скалы очень красивы, особенно в долине Св. Георгия.

С моря остров представляется в виде груды черных и красноватых скал; крутые берега и откосы его очень неприветливы. Самая высокая гора Пик Дианы (925 м) возвышается над треугольными вершинами и ущельями.

Климат чрезвычайно мягкий и приятный. Северо-восточные ветры и прохладные воды южного полярного течения понижают нормальную температуру, а облака, скопляющиеся вокруг возвышенностей, защищают низменные долины от солнечных лучей. Дожди здесь довольно часты, но никогда не бывает гроз.

В лесах растут дуб, сосна, кипарис, в садах – кофейное дерево, чайный куст, сахарный тростник, ананасовые растения, хлопчатник, бананы, мирно уживаясь с яблоками, грушами и виноградом. Растет здесь также картофель и много европейских овощей.

На вершине горы Халлей, возвышающейся в центре острова на 714 м, была устроена в 1676 г, обсерватория. Задача ее состояла в составлении каталога звезд южного неба и наблюдении над прохождением Меркурия.

На самом острове почти ничего не производилось. Все привозилось, но жизнь здесь кипела: залив в северо-западной части пестрел большими кораблями и грациозными клиперами, забиравшими провиант и воду. Строилось много домов, даже дворцов. С материка привозились рабы – малайцы, негры, китайцы и индусы. Хозяева их жили в роскоши, а рабы покорно служили им, возделывали их поля, табачные плантации и сады. Коренные островитяне привыкли жить за счет посещающих их иностранцев и получать помощь от британского правительства. Благодаря здоровому климату сюда приезжало много туберкулезных больных.

Единственный город на острове, Джемстоун, расположен на западном берегу. На горе, к западу от города, возвышались крепость

тральных торговых судов, везущих военную контрабанду во враждебное государство. На немецком языке такое судно называется капер, на французском – корсар, на английском – приватир. Капер обязан соблюдать законы и обычаи войны и все захваченные суда доставлять в порты государства выдавшего патент или разрешение на участие в войне. В этих портах особый призовой суд должен рассматривать условия захвата судна капером. Правительство воюющего государства может выдавать каперские патенты не только своим но и нейтральным подданным.

100

и казармы. Остров принадлежал Ост-Индской компании. Население его управлялось губернатором английского правительства.

8 мая «Надежда» ушла с острова Св. Елены и 21 мая в четвертый раз пересекла экватор. Через день после этого при свежем южном ветре наблюдалось такое сильное свечение моря, которого мореплаватели еще никогда не видели. Даже паруса были ярко освещены, а море казалось золотисто-пламенным.

По выходе из тропической полосы «Надежда» шла, пользуясь умеренными переменными ветрами. 1 июля, когда рассеялся туман, перед самым носом «Надежды» оказался трехмачтовый французский капер, очень сильно вооруженный. Он в течение трех часов держался близ «Надежды», переходя то по правую, то по левую сторону ее, и, видимо, не знал, за кого ее принять. Между тем, «Надежда» все время шла под всеми парусами, не меняя курса. Затем капер, не признав, вероятно, «Надежду» за неприятельский русский корабль, повернул на восток.

23 июля мореплаватели встретились с английским кораблем «Квебек». Командир Фолкланд прислал на «Надежду» офицера с просьбой сообщить, не может ли он быть чем-нибудь полезным, и заявил, что был бы рад оказать русскому кораблю услугу. От него же Крузенштерн узнал, что «Нева» около недели назад отправилась из Портсмута в Кронштадт.

Между Оркнейскими и Шетландскими островами «Надежда» увидела вечером того же дня берега Норвегии.

Противные ветры и безветрие задержали ее в Скагерраке и Каттегате целых десять дней. Эта проволочка крайне огорчала моряков, желавших поскорее ступить на родную почву. Наконец, 2 августа они пришли в Копенгаген. Плавание от Китая до Копенгагена продолжалось пять месяцев и двадцать четыре дня, если не считать кратковременных стоянок у островов Зондского архипелага и Св. Елены. После столь длинного плавания моряки, очень нуждавшиеся в отдыхе, простояли в Копенгагене четыре дня.

6 августа «Надежда» покинула гостеприимную Данию и через тринадцать дней, 19 августа, прибыла на Кронштадтский рейд, пробыв в кругосветном плавании три года и двенадцать дней.

За все время плавания «Надежда» не потеряла ни одного человека из своей команды. Все вернулись домой еще более здоровыми, чем при отправлении в путешествие.

Путешествие Крузенштерна обогатило науку сведениями о малоизвестных странах и положило начало науке океанографии. Крузенштерн вместе с другими членами научной экспедиции производил во все время плавания точные наблюдения над морскими течениями, температурой и плотностью воды (удельным весом) на разных глубинах (иногда до 400 м), над приливами и отливами, колебаниями барометра в тропических

странах. До этого времени этим никто не занимался. Честь почина этого дела принадлежит всецело русским морякам.

Морская съемка берегов Японии, Иессо, восточной части Сахалина, северных Курильских островов, открытие неизвестных островов, определение географического положения многих пунктов,

101

о которых имелись лишь туманные указания, описание обычаев жителей Японии, Нукагивы, Сандвичевых островов, Камчатки и Русской Америки, работы по астрономии и этнографии ученых Горнера, Тилезиуса и Лангсдорфа – представляют труд, которым может гордиться история русского мореплавания.

Это первое кругосветное плавание послужило на пользу всему человечеству. Ученый мир в лице нашей Академии наук, Дерптского университета, Лондонского, Геттингенского, Парижского и других научных институтов и обществ почтил начальника и руководителя экспедиции И. Ф. Крузенштерна избранием его в почетные члены.

Со времени путешествия Крузенштерна начинается непрерывный ряд русских кругосветных плаваний. Снабжение отдельных колоний стало производиться морским путем, и колониальная торговля получила значительное развитие. Крузенштерн, Лисянский и все моряки и ученые, принимавшие участие в кругосветном путешествии, были щедро награждены. В память столь важного события была выбита особая медаль.

Быстро проходя разные должности во флоте, Крузенштерн был назначен в 1827 г. директором Морского корпуса. Сам хорошо знакомый с недостатками этого заведения, он произвел в нем коренные преобразования. Улучшил общее положение воспитанников, поднял их нравственный и образовательный уровень, устроил обширный музей, библиотеку, физический кабинет и астрономическую обсерваторию.

Наказание розгами было сохранено только для чрезвычайных случаев, и то с разрешения самого директора. Грубое обращение с воспитанниками, дранье за уши и за волосы и т. п. было строго запрещено.

В учителя Морского корпуса были приглашены лучшие преподаватели столицы. Все воспитанники отправлялись в летние учебные плавания и знакомились на практике с разными сторонами морского дела.

При большой строгости и требовательности к учащимся Крузенштерн отличался справедливостью, полным беспристрастием, добродушием и приветливостью. Роль Крузенштерна в создании кадров русского военного флота исключительно велика. За время его шестнадцатилетнего директорства из корпуса было выпущено до тысячи образованных офицеров, немало содействовавших прогрессу военно-морского искусства. По его же проекту были основаны офицерские морские классы, реорганизованные затем в Морскую академию, где лучшие из офицеров в продолжение трех лет пополняли свое образование и получали высшие знания по военно-морским наукам.

И. Ф. Крузенштерн умер семидесяти шести лет отроду, достигнув высших степеней по службе во флоте и оставив целый ряд ученых трудов по морским вопросам, многие из которых были переведены на иностранные языки. Он был один из образованнейших людей своей эпохи, не только крупнейший мореплаватель, но и наблюдательный географ и этнограф.

102

В числе многочисленных научных работ Крузенштерна – одна из замечательных, изданная в 1810 г., «Описание кругосветного путешествия на кораблях «Надежда» и «Нева» в 1803–1806 гг. с атласом на 104 листах». Книга эта была переведена на восемь иностранных языков.

На деньги, собранные по подписке учениками и почитателями заслуг И. Ф. Крузенштерна, в 1874 г. был сооружен ему памятник в Петербурге на набережной Невы, против здания Морского училища.

Именем Крузенштерна названы в Великом океане пролив, подводная скала, залив, мыс и гора.

Ю. Ф. Лисянский после кругосветного путешествия командовал еще несколькими кораблями, затем начальствовал отдельным отрядом судов, а в 1809 г. покинул морскую службу. Выйдя в отставку, он в последующие годы жизни до самой смерти, 26 февраля 1837 г., занимался литературой и живописью. Из его трудов особый интерес представляют «Описание кругосветного путешествия корабля «Нева» в 1803–1806 годах»¹ и переведенная им с английского языка морская тактика Джона Клерка, под заглавием «Движение флотов».

Привезенные Лисянским из кругосветного плавания значительные этнографические коллекции одежд, оружия и утвари туземцев островов Великого океана, Северной Америки, Бразилии и Канарских островов, раковины, кораллы, куски лавы многих вулканов и пр. были переданы им в Московский румянцевский музей и Кронштадтское морское собрание. Именем Лисянского назван остров в Великом океане.

---

¹ Автор сам перевел свой труд на английский язык.

В. М. Головнин

1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МОРЕПЛАВАТЕЛЯ

Василий Михайлович Головнин родился 8 апреля 1776 г. в имении своих родителей Гулынки Пронского уезда Рязанской губернии. Родители предназначали сына для службы в армии, но жизнь его сложилась иначе. Десяти лет он остался круглым сиротой и на 13 году был определен родными в морской корпус. Это учебное заведение было тогда в скверном состоянии. Администрация плохо заботилась о воспитанниках, дисциплина поддерживалась розгой. На первых порах Васе Головнину показалось жутко в такой обстановке, но он очень усердно взялся за учебу. На праздники и каникулы товарищи его разъезжались по родным, у Васи же ни родственников, ни знакомых не было, и его единственным, любимым развлечением было чтение книг. Такая жизнь с детских лет выработала из умного от природы Головнина человека с твердым, самостоятельным характером, но способствовала одновременно развитию в нем замкнутости и малообщительности. Уже в юности он отличался точной исполнительностью, изумительной энергией, быстротой соображения, присутствием духа и отвагой. Беспристрастное, великодушное и сердечное отношение к соприкасавшимся с ним людям внушали общее расположение к нему. Людям, мало его знающим, он казался холодным и строгим.

Четырнадцать лет Головнин был уже гардемаринном и плавал на корабле «Не тронь меня». На нем он участвовал в боях русского флота, под начальством Чичагова, с шведским флотом. За выдающуюся храбрость в трех сражениях он получил медаль. Шестнадцати лет Головнин окончил корпус вторым по старшинству выпуска и должен был быть выпущенным вместе со своими товарищами в мичманы, но вследствие его молодости это было отложено на год. Головнин был очень огорчен. Имея свободное время, он усердно принялся за чтение книг. Изучив английский и французский языки, он читал о морских походах и сражениях, о великих географических открытиях. Стремление к серьезным занятиям не остыло в нем и после выпуска его в мичманы в 1793 г.

С первых дней службы он почти постоянно находился в плаваниях. Влечение к дальним путешествиям соединилось у него с желанием принести пользу развитию морских наук. В 1802 г. он был отправлен в числе двенадцати лучших молодых

моряков в английский флот для усовершенствования в морском деле. Прибыв в Англию, Головнин усердно занимался высшими морскими науками, отказывая себе во многом для того, чтобы иметь возможность брать уроки у знаменитых профессоров, посещал верфи, адмирал-

104

тейства, доки. Получив обширные теоретические знания военно-морского дела, Головнин поступил в британский военный флот и прослужил там три года, плавая на различных кораблях, в разных частях света, под начальством таких известных капитанов и адми-

В. М. Головнин.

ралов, как Корнвалис, Нельсон, Коллингвуд. Несколько раз он участвовал в морских сражениях англичан с французами и неизменно отличался смелостью и находчивостью.

Разумным, усердным и точным исполнением различных поручений Головнин заслужил уважение начальников, а хорошим отношением к людям - любовь сослуживцев.

В 1804 г. он участвовал в блокаде Тулона, в 1805 г. - в блокаде Кадикса, а в заливе Сервера (в Испании) был в весьма жар-

105

ком сражении, но более всего отличился при взятии греческого пиратского корабля на abordаж. Головнин был в этом деле в числе охотников, бросившихся на палубу, свалка была отчаянная. Англичане потеряли в ней четверть всего экипажа.

Головнин, как аттестовал его командир корабля «Фисгард» лорд Меркерри, «был в голове сражавшихся, дрался с необыкновенною отвагой и был так счастлив, что остался невредимым».

По истечении трех лет службы в английском флоте Головнин должен был вернуться в Россию, но он просил у морского министра разрешения остаться еще на один год,

чтобы побывать в Вест-Индии. Разрешение он получил, но должен был содержать себя на собственный счет.

Вернувшись в Россию весной 1806 г., Головнин представил морскому министру Чичагову обстоятельную докладную записку о сравнительном состоянии русского и английского флотов и составил, по английскому образцу, военно-морские сигналы, которыми русский флот пользовался 25 лет. Труды эти доставили Головнину известность ученого и опытного моряка. Высшее морское Начальство избрало его в начальники морской экспедиции, которую предполагалось послать вокруг света на военном корабле для открытия неизвестных земель в северной части Великого океана и различных научных исследований. Летом 1806 г. Головнин был назначен командиром только что построенного на реке Свирь военного шлюпа «Диана» водоизмещением 300 т, длиной 25,8 м. Первоначально шлюп предназначался для внутренней транспортной службы в Балтийском море. Для дальнего и многолетнего плавания необходимо было увеличить его внутренние крепления и приспособить трюмы для размещения грузов и запасных частей, которые трудно, а иногда невозможно, доставить за границей, особенно в таких местах как северо-западные берега Америки и Камчатки, куда «Диане» поручено было доставить необходимые судовые запасы для Сибирской военной флотилии и разные грузы для колоний.

Вооружая шлюп в Петербурге, на Охте, Головнин вложил в это дело все свои знания и энергию.

Экипаж «Дианы» состоял из 55 матросов, 7 офицеров, 3 гардемарин и 1 штурманского ученика, отборных людей из числа многочисленных охотников, просившихся в дальнее плавание. Помощником Головнина был превосходный моряк П. И. Рикорд.

Артиллерийское вооружение шлюпа состояло из четырнадцати 6-фунтовых пушек в батарейной палубе, четырех карронад 8-фунтовых, четырех фальконетов на верхней палубе. Осень и зима 1806 г. и первая половина 1807 г. ушли на переустройство шлюпа.

7 июля Головнин вывел «Диану» на Кроштадтский рейд. Здесь он произвел приемку пороха, снарядов и отправляемых грузов.

2. ОТПРАВЛЕНИЕ В ДАЛЬНИЙ ВОЯЖ. В ПЛЕНУ У АНГЛИЧАН

Приготовившись к походу на Дальний Восток и приняв вместо балласта 6000 пудов различных материалов (такелажа, железа и

106

пр.) для Камчатки, Охотского края и Русской Америки, шлюп «Диана» снялся 25 июля 1807 г. с якоря и отправился в кругосветное путешествие. После 12-дневного перехода «Диана» подошла к столице Дании Копенгагену. Моряки шлюпа увидели много стоявших перед городом английских военных кораблей. Тут были бомбарды, фрегаты, линейные корабли и транспорты с войсками. Самое размещение судов имело явно угрожающий вид и не предвещало миролюбивых намерений со стороны англичан. Желая выяснить положение, Головнин бросил якорь вне выстрелов и поднял лоцманский флаг. Лоцман скоро приехал и объяснил, что англичане требуют у датчан выдачи им военного флота, угрожая в противном случае сжечь и разорить город. Сомневаясь в справедливости сообщения лоцмана, Головнин решил лично выяснить обстановку и отправился в город. Едва пристал он к берегу, как был окружен толпой вооруженных граждан. С трудом добрался он до командующего войсками и объяснил ему о цели прибытия корабля на рейд.

- Вы, конечно, изумлены тем, что видите? - спросил генерал после приветствия.

- Изумлен и положительно теряюсь в догадках. В это время генералу доложили, что англичане на шлюпках начали делать промер от кораблей к берегу. Разговор был прерван. Генерал простился с Головниным. Было 11 час. вечера, когда Головнин возвратился на шлюп.

Вскоре англичане начали бомбардировать город и крепость Кронборг. Датчане

отвечали оживленной пальбой. Ядра их, рикошетируя, поднимали воду громадными столбами. Бесперывные выстрелы освещали рейд, город и окрестности. В середине ночи в английском флоте загорелся корабль, и течением его пронесло в 90 м от «Дианы». Головнин ожидал попутного ветра, чтобы итти далее. Но ветер подул только после полудня 8 августа. «Диана» тотчас же выбрала якорь и, обойдя английский флот с правой стороны, к северу пришла в Гельсингер. Там она остановилась, чтобы запастись провизией. Город был почти пуст. Жители в тревоге частью попрятались, частью перебрались на шведский берег. Простояв в Гельсингере 2 дня, 10 августа Головнин вошел в Каттегат. Выдержав к Скагерраке и Немецком море несколько штормов, он прибыл в Портсмут через 43 дня по выходе из Кронштадта.

Доставка мореходных инструментов, приборов и вещей, заказанных для шлюпа в Лондоне, задержала Головнина в Портсмуте около 2 месяцев. Получив все необходимое, 1 ноября Головнин вступил в Атлантический океан. Попутный шторм сопровождал «Диану» до 48° северной широты. Скорость хода шлюпа была около 8 миль в час. Полосу экваториальных штилей и самый экватор шлюп перешел с большим трудом, имея частые шквалы с дождями.

20 декабря Головнин перешел экватор, 1 января 1800 г. направился к острову Св. Екатерины, куда прибыл через 9 дней. Простояв у острова до 19 января, Головнин продолжал свой путь

107

к мысу Горн. 26 января миновал устье реки Ла-Платы, а 12 февраля обогнул мыс Горн. Но здесь окончилось успешное плавание «Дианы». В продолжение 14 следующих дней шлюп выдерживал жестокие штормы. Головнин, зная из путешествий других мореплавателей, что в это бурное время года нельзя надеяться на перемену погоды к лучшему, не желая утомлять команду и напрасно терять время в борьбе с ветрами, решил итти на Камчатку дальнейшим, но более верным путем – вокруг мыса Доброй Надежды и Австралии. Вследствие этого 29 февраля 1808 г. Головнин спустился от 56½° южной широты и 70° западной долготы к мысу Доброй Надежды, куда полагал зайти для отдыха команды. 21 апреля Головнин пришел в Саймонс-бэй, бухту по соседству с Капштадтом на мысе Доброй Надежды. Здесь английские власти задержали шлюп. Оказалось, что за это время была уже объявлена война между Англией и Россией. Начальник английской эскадры заявил Головнину, что ввиду того, что пропуск выдан ему до объявления войны, он не вправе отпустить «Диану» из колонии до получения указаний Лондона по этому вопросу. На протест Головнина адмирал заявил, что, если бы «Диана» не имела пропуска британского адмиралтейства, она была бы взята как военный приз.

После 8 месяцев стоянки «Дианы» в Саймонс-бэе из английского адмиралтейства и министерства колоний пришли какие-то бумаги. Головнину сказали, что о «Диане» они не говорят. Через месяц после этого главнокомандующий морской станцией на мысе Доброй Надежды вынудил у Головнина письменное обещание не уходить из залива без разрешения, предупреждая, что в противном случае он прикажет свезти экипаж шлюпа на берег как военнопленных и держать «Диану» под караулом. Прошло еще несколько месяцев. Главнокомандующий станцией, адмирал Барти, всячески притеснял Головнина, отказал в отпуске продовольствия, предлагал присылать команду шлюпа на ремонтные работы британских военных кораблей, стоявших в порту. Головнин решительно отказал в посылке своего экипажа на эти работы, заявив, что считает такое предложение оскорбительным.

Тогда же он решил в ближайшие дни, при благоприятном ветре, уйти тайком из Саймонс-бэя. «Когда я уверился, – пишет Головнин, – что по этому делу между англичанами и мною справедливость на моей стороне, то я решился, не теряя первого удобного случая, извлечь порученную мне команду из угрожавшей нам крайности: уйти из залива и плыть прямо в Камчатку». Эта затея была исключительно смелая. Нужно заметить, что «Диана» была поставлена англичанами в глубине залива, в 1½ кабельтовых от флагманского корабля «Прозерпина» и окружена многими кораблями и фрегатами, мимо которых нужно было проходить; все паруса

шлюпа были связаны, на судне не было свежей провизии и было очень мало морских сухарей. Долго не представлялось подходящего случая для выполнения намеченного Головнинным плана. Когда был благоприятный ветер, на рейде стояли английские военные корабли, совершенно готовые к отплытию, когда корабли отсутствовали – не было попутного ветра. Иногда такой ветер за-

108

дувал днем. Головнин настораживался, но к ночи он стихал или делался противным.

«Наконец, 16 мая 1809 г., – рассказывает Головнин, – задул крепкий ветер. На вице-адмиральском корабле паруса не были привязаны, а другие военные суда, превосходящие «Диану», не были готовы идти в море. Хотя по сигналам с гор мы знали, что видны два большие судна, лавирующие в заливе, но рассчитав, что суда не могут подойти раньше ночи, и приняв во внимание наше отчаянное положение, я приготовился к походу, и в половине седьмого часа вечера, при нашедшем шквале с дождем и пасмурностью, я велел обрубить канаты и пошел в путь. Едва успели мы переменить место, как со стоявшего недалеко от нас судна тотчас дали знать на вице-адмиральский корабль. Какие меры были приняты, чтобы остановить нас, мне неизвестно. На шлюпе все время была сохраняема глубокая тишина. Миновав все суда, мы, спускаясь в проход, в ту же минуту начали поднимать и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтер-офицеры и рядовые работали как один человек. В 10 час. вечера мы были в открытом океане. Арест наш на мысе Доброй Надежды продолжался год и 25 дней».

Капская колония, находящаяся и по настоящее время во власти англичан, отнявших ее у голландцев в 1806 г., была основана португальцами, впервые обожавшими мыс Доброй Надежды в 1497 г. под начальством знаменитого мореплавателя Васко-де-Гама. Главный город ее Капштадт, основанный в 1652 г. голландцами, расположен на берегу Столового залива в долине; он довольно обширен, выстроен правильно, имеет множество красивых, исключительно каменных, правительственных и частных построек, изобилует прекрасными садами и составляет средоточие всей колониальной торговли.

Население колонии составляют готтентоты, европейцы, метисы, происходящие от смеси белого племени с туземцами, негры-невольники, с которыми голландцы-рабовладельцы обращались с крайней жестокостью. Собственно европейцы суть: голландцы как основатели колонии; французы, удалившиеся сюда с уничтожением Нантокого эдикта и почти утратившие свою национальность; немцы и англичане, захватившие всю торговлю на правах настоящих хозяев

В Капштадте, как в главном торговом рынке, имеем теперь более 15 000 жителей, по преимуществу англичан, пришлого человека поражает необыкновенная Торговая деятельность; до 700 судов посещают ежегодно Столовый залив, кстати сказать, открытый для северо-западных ветров и опасный для стоянки. Праздный человек здесь редкость, все заняты делом с утра и до вечера, и на улицах и торговых площадях движение и пестрота костюмов поразительные. Тут красуются малайские красные тюрбаны, там стоит толпа кафров, отличающихся своим могучим сложением и темнобронзовыми лицами, тут трется хилый готтентот, около них гнездится черный, как уголь, негр, там встречается индус в грациозно накинутом белом плаще, между ними вертится матрос

109

англичанин либо капитан торгового корабля. Через пеструю толпу пробирается в красном мундире солдат. По рейду взад и вперед снуют шлюпки, на пристани идет возня с товарными тюками. Рынок завален съестными припасами, необходимыми для торговых судов, и переполнен гуртами крупного и мелкого рогатого скота, фруктами, зеленью, птицей, рыбой, табаком, посудой и вообще всякой мелочью, требуемой моряками-матросами. Все это имеет верный сбыт и служит обеспечением колонистов-земледельцев, рыбаков и ремесленников, а здоровый и умеренный климат привлекает сюда множество переселенцев, все более вытесняющих коренных

обитателей: бушменов, готтентотов, кафров, живущих по северной границе.

Выше упоминалось о невыгодах Столового залива и, действительно, дующие там зимой NW, а летом SO ветры доходят иногда до силы штормов и нередко бывают причиной гибели судов.

Головнин, упоминая об одной из бурь, бывших в его время, описывает ее так: «У меня нет сил изобразить словами, что я почувствовал, смотря на столь величественную и ужасную картину природы; едва предвестник ее, густое облако, одело непроницаемой пеленой Столовую гору и начало спускаться по крутому ее склону, заслонило затем собою соседние горы Львиную и Чортову и налегло на город, как налетел страшный порыв и заблестала яркая молния; освещая наступивший мрак, она давала возможность уstraшенному зрителю видеть кипящее море и поднимающиеся горы волн. На судах, стоявших в Столовом заливе, ломались стеньги и некоторые дрейфовали с якорями. Густая серая пыль, смешанная с мелким камнем, неслась по улицам, била стекла, пробивалась через окна в дома, устилала собою полы, проникая даже в шкафы и сундуки. Несколько деревьев, вырванных с корнями, тащило по земле, с домов срывало крыши, заборы валило, как снопы, и опрокидывало людей. Улицы, площади, кишевшие народом, опустели, и вой ветра заглушался громовыми раскатами, от которых дрожали стены зданий. Общее впечатление от этого ужасного и в то же время потрясающего явления навсегда запечатлелось в моей памяти».

3. ОТ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ДО КАМЧАТКИ

Необходимо было спешить, чтобы достигнуть Камчатки до зимы. Путь предстоял долгий, провианта было мало. Головнин вынужден был выдавать ежедневно команде и офицерам две трети обыкновенной порции пресной воды и сухарей и перевести весь экипаж на общий котел питания. Никто из экипажа на это не жаловался. «Диана» под всеми парусами шла на восток.

51 день плыли моряки «Дианы» океаном, не видя ничего, кроме неба и воды, не встретив ни одного судна; шли под снегом, градом и дождем, гонимые свежими, часто попутными ветрами, встречая лишь морских птиц, китов и стада морских свиней, усердно гнавшихся за «Дианой». 7 июля начали обходить Вандименову

110

землю, а 18 числа показались летучие рыбы. С 18 июля начались переменные ветры, много замедлявшие плавание. 25 июля¹ утром на «Диане» увидели остров Анатом, один из Новогебридских островов, открытых в 1606 г. испанцем Квирсом и подробно описанных капитаном Куком, к вечеру судно бросило якорь у другого острова той же группы, Танны, в заливе Резолюшен.

Место было необычайно красиво; пологие берега залива окаймлялись горами, поросшими тропическим лесом и упирались в высокую остроконечную гору, из вершины которой выходил черный густой дым, свидетельствующий о вулканическом происхождении Новогебридов. По временам слышался глухой гул, похожий на отдаленные пушечные выстрелы, ночью из жерла вулкана поднимался сноп пламени, освещавший залив с его зеркальными водами и дремлющий остров. Путешественники радовались этому очаровательному пристанищу. Роскошная тропическая природа манила их на берег. Острова никем после Кука не посещались, и «Диана» была первым судном, случайно зашедшим сюда.

Множество жителей толпилось на берегу залива, черные и нагие, они были вооружены копьями, дубинами, стрелами и луками. Некоторые махали зелеными ветками в знак дружественной встречи, иные бегали и суетились. Население с удивлением следило за приближением к ним неожиданного гостя. Вообще в толпе заметны были сильное движение и любопытство, сопровождаемые непрерывным громким говором.

Едва «Диана» бросила якорь, как от берега отделилось несколько небольших лодок, на которых помещалось не более 4-6 человек. Они окружили шлюп и махали зелеными ветками, но взойти на шлюп без приглашения не отваживались.

Когда убрались с парусами и снастями, Головнин приказал спустить на воду гребные суда для обследования берега. Как только он отвалил от шлюпа, вся флотилия островитян последовала за ним. К нему приблизилась лодка со старшиной дикарей. Головнин пригласил старшину к себе. Перескочив в шлюпку, он уселся рядом с Головниным, объяснил, что его зовут Гунама, и предложил свои услуги. Головнин пользуясь собранным Куком небольшим словарем, объявил Гунаме, что ему нужны вода, дрова, кокосы, бананы, хлебные плоды, свиньи и пр., и чтобы побудить его к скорейшему, исполнению требований, подарил ему ножик, ножницы и бисер и обещал дать еще больше вещей, если он все исполнит.

Гунама кивал головой утвердительно, показывая, что хорошо понял Головнина и, в свою очередь, принялся просить, чтобы Головнин уступил ему шлюпку, на которой они шли, за что он даст десять буга, т. е. десять свиней, – так дорого ценил он этих животных, а шлюпка, стоившая не менее тысячи рублей, казалась ему безделицей! Головнин покачал отрицательно головой. Гунама понял, что торг не состоится, и, прикладывая пальцы к голове в виде рогов, начал объяснять, что желает иметь буга с рогами и дал бы за него буга без рогов, т. е. хотел бы променять свинью на

---

¹ В южном полушарии июль соответствует нашему январю.

козу или барана. К сожалению, на «Диане» не было этих животных, которых Гунама видел, вероятно, на кораблях Кука.

Дорогою Головнин старался объяснить Гунаме, что русское государство обширно и могущественно, что шлюп зовут «Диана», но дикарь это не понял, ему показалось, что «Диана» это сам Головнин. Он с радостью подхватил это имя, вскочил на ноги и, показывая окружающим шлюпку дикарям на Головнина, кричал что есть мочи: «Диана! Диана! Диана!» Дикари подхватили это имя и принялись также кричать: «Диана! Диана!» Берег был уже близок, и стоявшая на нем толпа радостно повторяла: «Диана! Диана!», махая в то же время пальмовыми ветвями.

При таких воодушевленных криках подошел Головнин к берегу и, видя, что жители вооружены копьями, палицами и самострелами, объяснил Гунаме, что не выйдет на землю, пока жители не положат оружия. Гунама нимало не смутился этим требованием, и большинство дикарей, по одному слову своего старшины, снесли оружие в ближайший лесок и возвратились к берегу; не желавшие с ним расстаться остались в лесу и смотрели на происходившее издали вместе с прятавшимися там женщинами и детьми.

Головнин, в сопровождении Гунамы, осмотрел место, удобное для наливки водою бочек. Это было огромное болотистое озеро с мутноватой водой, то самое, которым пользовался Кук, отозвавшийся о нем, что вода хотя и мутна, но безвредна для здоровья, поэтому Головнин, возвратясь на шлюп, послал на другой день все гребные суда за водою, часть команды он отрядил рубить дрова, а часть назначил с ружьями на охрану работавших. Одного офицера и несколько матросов Головнин отрядил для покупки у жителей плодов и съехал сам на берег для наблюдения за выполнением всех поручений!

Жители толпами стекались к берегу. Одни несли плоды и променивали их на гвозди, ножи, топоры и другие предметы, другие помогали матросам таскать дрова и бочки с водою к берегу и, получая за это по две бисеринки, работали с необыкновенным усердием. Головнин, довольный их миролюбием, пошел с визитом к Гунаме. Шалаш его отличался от остальных лишь величиной. По всему было видно, что жители острова Танны, считая европейцев голодными бродягами, рыскающими по острову Океании для добычи дневного пропитания, угнали, из боязни быть ограбленными непрошенными гостями, свиней – единственное водящееся на острове животное, унесли имущество и увели в глубину острова женщин и детей. Так дурно зарекомендовали себя разными бесчинствами и насилиями, доходившими нередко до жестокостей, испанцы, португальцы, голландцы и англичане. Даже сам знаменитый капитан Джеймс Кук был не очень-то любезен с жителями, стрелял по ним без основательных причин и оставил у них невыгодное впечатление о белых людях.

Гунама встретил Головнина очень любезно и угостил кокосовым молоком только что сорванных орехов, которые мальчик лет 14 при нем же разгрызал зубами. Головнин подарил Гунаме за угощение разные безделушки. Предводитель дикарей, рассчитывая на даль-

112

нейшую его щедрость, отрекомендовал Головнину двух своих сыновей, черномазых мальчуганов 10 и 14 лет, и не ошибся в расчете: Головнин дал каждому по ножу, дети запрыгали от радости. Дикарь-отец был очень разговорчив, говорил безумолку и до того разохотился, что просил Головнина уступить ему китель со светлыми пуговицами. Головнин дорожил им, тем более что достать на Камчатке подобной одежды было невозможно, и отказал Гунаме; но, желая угодить своему дикому приятелю, приказал портному, возвратясь на шлюп, выдать больничный халат, обшить его разноцветными лентами, чтобы было побольше пестроты, нашить несколько рядов медных пуговиц; вместо шапки Головнин сделал картонную коробку, обмотал ее кусками разноцветной материи вроде чалмы, надел ее и халат на себя, опоясался куском красной флажной материи и в таком экзотическом наряде поехал к Гунаме. Народ, толпившийся на берегу, был поражен костюмом Головнина и встретил его криками: «Эвау ароману! эвау! эвау!» Сам Гунама, завидя своего приятеля в такой великолепной одежде, не утерпел и кричал восторженно: «Эвау! эвау!», забыв и о шлюпке и о кителе, и не сводя глаз с богатого, по его понятиям, наряда, принялся неотвязчиво просить Головнина об уступке ему сокровища. Долго Головнин не соглашался на его просьбы, объясняя, что очень ценит его, наконец, делая вид, что очень жалеет с ним расстаться, отдал халат. Обрадованный Гунама поднес Головнину живого поросенка и, надев тотчас же халат и чалму, зашеголял перед толпой земляков, исступленно кричавших: «Эвау! эвау!» Головнин этим не отделался. Бывшие в то время у Гунамы в гостях трое старшин соседних племен, завидя Гунаме, пристали к Головнину, чтобы он их наделил такими же драгоценностями. Рассчитывая на приобретение возможно более плодов, Головнин дал и им такие же, но с более простыми украшениями халаты. Меновая торговля шла весьма бойко. За четыре дня пребывания у острова удалось выменять 1088 штук орехов, 232 фунта корня яма, 136 фунтов сахарного тростника, фиг, платанов и хлебного плода, но свиней достать не удалось.

На третий день запасы дров и воды были пополнены. Команда вымыла белье и высушила его на солнце. Дикари продолжали подъезжать к шлюпу и выменивали у матросов разные безделушки на свое оружие. Поведение их было безукоризненно скромное, не было не только ни одного случая воровства, но даже и покушения на него.

На четвертый и последний день пребывания «Дианы» у острова Танны в ясную и теплую погоду Головнин распорядился просушить сигнальные флаги. Едва «Диана» подняла красивыми гирляндами разноцветные флаги между мачт и реев, как среди толпившихся на берегу и вокруг шлюпа дикарей начались нескончаемые крики: «Эвау! эвау!» Сам Гунама не утерпел и приехал к Головнину со старшим сыном, за ним и недоверчивые до того времени к русским дикари полезли на шлюп и загромоздили верхнюю палубу. Это было первое их посещение. Восторженное «эвау!» не сходило с уст. Гунама с особенным любопытством осматривал медные пушки и

113

голосом подражал выстрелам, что убедило наших моряков в знакомстве островитян со времен Кука со смертоносным их действием, хотя Головнин и не видел ни одной вещи, оставленной на острове этим мореплавателем. Видимо, дикари припрятали их со всеми своими сокровищами из боязни, чтобы их не отняли. Более всего тешили дикарей зеркала. Видя себя в первый раз в натуральном виде, они не верили очевидности и заглядывали за зеркало удостовериться, не сидит ли позади подобный им человек. Головнин роздал в этот день много небольших зеркалец, и одаренные ими туземцы прыгали от восторга. Другой вызвавший особенное удивление предмет был судовой колокол, в который бьют склянки. Они звонили в него безумолку,

перебивая друг друга, и тешились под его звуки. Никто не препятствовал этой невинной забаве. Желая еще более разнообразить пребывание своих гостей на шлюпе, заметив, что многие из них украшали свое темнокоричневое тело охрой и белилами, Головнин попробовал разрисовать одного из дикарей более яркими цветами; развел водяные краски и испестрил его красными, синими, желтыми и зелеными узорами. Едва дикарь вышел из каюты на палубу, громкое «эвау!» раздалось среди изумленных товарищей. Эффект был поразителен, на лицах простодушных детей природы выражались и восторг и зависть. Вся толпа осадилась Головнина, изъявляя желание иметь подобное же украшение. Головнин призвал судовых маляров, приказал им вынести на палубу масляные краски, и все гости были размалеваны доморощенными корабельными живописцами, которые подконец утомились и поручали работу любому матросу, желавшему попытать свои силы в этом искусстве.

Более ведра масляных красок было израсходовано на разрисовку гостей, зато восторг дикарей был поразителен. Они смотрелись в зеркальца, тыкали друг в друга пальцами, плясали, обнимались с матросами, терлись с ними носами в знак приятности и щедро сыпали кокосы импровизированным художникам. Одним словом, праздник островитян был в то же время весельем и развлечением для команды и послужил на долгое время приятным предметом разговоров за продолжительный переход до Камчатки. Пока шла размалевка, Головнин пригласил Гунаму с сыном и некоторых почетных островитян обедать. Гунаму едва уговорили сесть на стул по-европейски; ему и свите его хотелось непременно угощаться на полу. Водка, вино и наши кушанья им не понравились, они ели только жареную рыбу, и то немного, показывали на животы и, потирая их, повторяли: «Табурассиси!», т. е. что они очень полны.

Приближался вечер, а с ним и время расставания. Размалеванные гости удалились во-свояси, а Гунаму Головнин сам проводил на берег, объявив, что завтра рано утром он должен с ним расстаться. Гунама, видимо, опечалился, понурил голову, у него показались слезы...

24 июля с 6 часов утра «Диану» уже окружили лодки с туземцами; сам Гунама приехал на проводы и привез тяжеловесный корень яма. На шлюпе в это время ставили паруса и поднимали якорь. Едва отделился он от дна залива, как «Диана», повинувшись

114

легкому береговому ветру, двинулась в путь, сопровождаемая плачем и завыванием добродушных островитян, между которыми беспрестанно повторялось имя «Дианы», сопровождаемое протяжными звуками «а!-а!-а!»...

Описывая жителей острова Танны, Головнин замечает, что они при среднем росте статны, больше худощавы, ловки, проворны и отлично владеют своим оружием, из которого более всего дорожат дубинкою. Цвет кожи у них темнокоричневый, нос приплюснут, губы толстые, большой рот украшен крепкими белыми зубами, способными разгрызть кокосовый орех. Волосы, преимущественно черные жесткие, закручены в мелкие пряди, торчком расходящиеся на голове. Черные глаза выразительны и в большинстве добродушны. Женщины менее статны и красивы и, повидимому, в угнетении у мужчин, исполняют все тяжелые работы; даже дети относятся к ним грубо и презрительно.

Тропический климат не требует одежды, и оба пола носят лишь нечто вроде фартуков и юбок из кокосовых листьев, от пояса до колен. Головные украшения из перьев носят только начальники; к общим украшениям принадлежат известковые палочки толщиной в палец, серьги в ушах и ноздрях, кольца из черепахи на руках и ногах; верхом щегольства считается размалевка лица и тела охрой и мелом, разведенными на кокосовом масле.

Головнин не утверждает, что жители острова Танны принадлежат к людоедам, но упоминает об одном случае: когда он хотел пройти далее селения, подведомственного Гунаме, он остановил его и показал знаком, что там могут Головнина убить и съесть.

Путь до Камчатки был продолжителен, но вполне благополучен. Запасы кокосов и других плодов послужили на долгое время прекрасным подспорьем питания команды и

офицеров. С этого времени провизия расходовалась уже в полном количестве, только испортившаяся вода напоминала о неудобствах продолжительного плавания и усиливала желание кончить его скорее.

С 11 сентября, по мере приближения к Камчатке, начали встречаться киты, дельфины, дикие утки. Утром 25 сентября 1809 г. «Диана» стала на якорь в Петропавловске.

4. ИССЛЕДОВАНИЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ. В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ

Две зимы 1809–1811 гг. Головнин провел на Камчатке. Он объехал весь полуостров, сделал много интересных наблюдений и собрал богатый материал по общему состоянию страны.

Зимовка для экипажа прошла незаметно. Ежедневно, кроме праздников, производились строевые ученья, такелажные работы и обучение грамоте и арифметике. В свободное от службы время офицеры и матросы бегали на лыжах и охотились.

В мае 1810 г. Головнин отправился к берегам Русской Америки для описания их и доставки хлеба и разных грузов. По просьбе главного правителя колоний Баранова, Головнин остался со шлюпом в Новоархангельске до сентября 1810 г. для охраны колоний от ожидавшегося нападения корсаров.

115

За время стоянки в Новоархангельске и посещения других гаваней колоний Головнин внимательно знакомился с бытом туземцев и порядками управления. Все виденное он записывал в тетрадь, тщательно отмечал «недостатки, проистекающие от предоставления в руки частной монополии громадной территории», и «вражду диких, вызванную беззаконием компанейских управителей и подогретую американскими охотниками-хищниками». Далее он обратил внимание на безобразную «деятельность» иностранных судов в водах колоний и составил статистику «дел» американских кораблей. Из нее видно, например, что корабль «Ментор» набил за сезон в русских водах 3500 моржей, бобров и снабдил индейцев для борьбы с русскими сотнею ружей. Другие иностранцы, промышлявшие в русских водах, действовали так же, как и «Ментор».

1 мая 1811 г. «Диана» снялась с якоря и отправилась на Курильские острова. 13-го числа она была уже у 13-го острова (Мацува). Головнин начал отсюда свои работы, подвигаясь постепенно на юг.

Обходя подробности описания отдельных островов, мы скажем лишь в общих чертах, что все они происхождения вулканического, состоят преимущественно из голых скал с ничтожным местами слоем наносной земли, покрытой слабой растительностью. Некоторые из островов населены, иные необитаемы и служат лишь временным пристанищем для охотников за лисицами и морскими птицами. Тут живут: орлы, топорки, савки, чайки, урилы, белые и черные альбатросы и дикие утки. Однажды спугнутые чем-то птицы поднялись такой густой, черной тучей, что на «Диане» приняли ее за дым и только в зрительную трубу удостоверились в своей ошибке. Около берегов водятся морские бобры, тюлени, сивучи. Из шкур животных и птиц охотники шили одежду, а избыток променивали японцам. За морским зверем охотились на байдарках, подобных алеутским. На островах, принадлежавших России, многие жители говорили по-русски, а некоторые даже знали грамоту. Нрава айны вообще кроткого, честного и приветливого, смуглы, некрасивы. Женщины мазали губы синей краской, покрывали синей татуировкой нижнюю часть лица и руки. Айны были все низкого или среднего роста и отличались сильной волосатостью, за что получили у мореплавателей прозвище «мохнатых». Летом жили в свайных постройках, а зимой – в деревянных избах. Курильцы одевались, как камчадалы, в парки.

Окончив описание русских островов, Головнин перешел к островам, на которых жили японцы.

Первый по порядку был остров Кунашири. По мере приближения к нему «Дианы» морякам открывался довольно обширный залив, на берегу которого лежало слева маленькое селение, а справа небольшая крепость. Внутри ее виднелось несколько

построек, на доме коменданта развевались флаги. В заливе стояло несколько японских судов. Заметив входившую в залив «Диану», японские суда торопливо перешли под стены крепости, а с батареи дали по шлюпу два выстрела ядрами, далеко не долетевшими до цели. Шлюп стал на якорь в 3 милях от крепости.

116

Желая выяснить недоразумение, Головнин поехал было на берег, но и его начали обстреливать; ядра пролетали над головами, и он возвратился на шлюп. Наступила ночь, подул сильный ветер, указавший Головнину на невыгодность избранного места, и с рассветом он перешел ближе к крепости. Стремясь объяснить японцам причину захода в залив, Головнин выставил перед крепостью разделенную пополам кадку, в одну часть ее положил стакан с водой, несколько полен дров и горсть сарачинского пшена, в другую несколько пиастров, кусок алого сукна, бисер и кое-какие хрустальные вещи. Японцы тотчас же подобрали кадку. Прошли сутки, ответа не было. Тогда Головнин перешел к селению и послал за провизией и водой вооруженную шлюпку с офицером. Селение оказалось пустым, все жители ушли в глубь острова. Воды не нашлось, офицер взял дрова, немного пшена, сухой рыбы и оставил за все несколько европейских вещей, далеко превышавших цену взятого.

8 июля утром японцы выставили ответную кадку с письмом на японском языке, которого не мог разобрать курилец Алексей, бывший на «Диане» в качестве переводчика, и две картинки, по которым можно было догадаться, что японцы не желают иметь с нашими моряками никаких сношений.

Несмотря на это, когда наша шлюпка подошла к речке за водою, из крепости был выслан в качестве парламентаря курилец Кузьма, житель одного из русских островов. По-русски он не говорил, а Алексея на шлюпке не было; из объяснений знаками можно было догадаться, что начальник крепости желает лично переговорить с командиром судна, что японцы боятся наших моряков, да и сам курилец дрожал от страха, как в лихорадке.

Опясавшись саблей и разложив по карманам шесть заряженных пистолетов, Головнин поехал на приглашение. На берегу его встретили чиновники, одетые в богатые шелковые халаты с саблями и кинжалами за поясами. Через четверть часа вышел сам начальник крепости в полном вооружении; он шел медленно, подбоченясь, потупя глаза в землю и расставляя Широко ноги. Его сопровождали два оруженосца, один нес длиннейшее копьё, похожее на жердь, другой шапку – вроде русского венца. После приветствий, каждого по своему обычаю, между ним и Головниным начался разговор о цели прихода корабля, «го названии, именах его командира и правителя России, о том, знает ли Головнин посла Резанова и пр. и пр. Сановник записывал ответы Головнина, что пришел он мимоходом запастись провизией и водой, что намерения его самые миролюбивые, что Резанова он знал и что он умер, возвращаясь из Японии, и проч. Сановник казался удовлетворенным ответами и предложил Головнину чай, саки (рисовая водка), табак и икру; все это подали вооруженные люди, которые оставались при сановнике и явно увеличивали его вооруженную свиту. Сановник был не из храбрых и, видимо, хитрил. Разговор, однако, продолжался и принял веселый, даже шуточный характер. Головнин потчевал его французской водкой, и тот не отказывался. Сановник записывал, однако, все слышанное. Когда Головнин попросил снабдить шлюп

117

провизией, то получил ответ, что сам он, к сожалению, не может решить этого вопроса, и посоветовал ему переговорить лично с главным начальником, находящимся в крепости. Головнин отказался итти туда и обещал приехать на другой день. Сановник дружески простился, подарил кувшин саки, просил Головнина перекреститься в подтверждение того, что все сообщенное было правдой, и предложил вечером прислать шлюпку за рыбой. От Головнина он получил несколько бутылок водки и «зажигательное» стекло.

Вечером шлюпка, посланная с «Дианы», привезла в подарок более сотни больших рыб; японцы обошлись с нашими людьми дружески; офицеры пришли передать

Головнину, что начальник крепости ждет его приезда.

Не подозревая никакого злого умысла, Головнин 11 июля утром поехал на берег на четырехвесельной шлюпке и взял с собою мичмана Мура, штурмана Хлебникова и курильца Алексея. Встреченный на берегу вчерашними чиновниками, Головнин пошел в крепость со всеми съехавшими с ним людьми и, к немалому, удивлению, увидел на площади около 400 солдат, вооруженных фитильными ружьями, кольями и стрелами. Посредине площади стояла полосатая палатка, где сидел главный начальник в богатом шелковом халате и в полном воинском облачении, держа в руке жезл как знак власти. Позади него сидели оруженосцы, державшие копье, ружье и шлем с изображением солнца.

Войдя в палатку, после обычных приветствий Головнин и офицеры сели на стулья, четыре матроса были посажены позади на скамью. Началось потчеванье чаем, трубками, лакомствами; затем начались расспросы о Резанове, о русских судах, приходивших к японским берегам и разоривших селения. Спросили название этих судов, имена командовавших ими офицеров. Тут необходимо сделать отступление и пояснить инцидент, о котором шла речь в расспросах японцев. Отправив с Камчатки в Петербург донесение о своих неудачных переговорах с Японией, Резанов направился в 1805 г. на судне «Мария», принадлежавшем Российско-американской компании, в русские владения на Аляске. Надменный и властный Резанов, раздраженный своею неудачей в Японии и частыми ссорами с И. Ф. Крузенштерном, решил отомстить японцам и принудить их силою к установлению торговли с Россией. Резанов дал секретное предписание командирам судов Российско-американской компании – фрегата «Юнона» лейтенанту Н. А. Хвостову и тендера «Авось» мичману Давыдову – уничтожить японские поселения «а Сахалине и на южных Курильских островах, чтобы напугать японское правительство и сделать его уступчивым.

21 июня 1806 г. «Юнона» и «Авось» вышли в море с Резановым. 8 августа «Авось» отправился для осмотра 16-го и 18-го Курильских островов с приказанием ожидать прихода «Юноны» к губе Анива, а если та не прибудет до 27 сентября, то произвести действия, «сколько позволят малые силы и способы», и через 2 дня, 29 сентября, отправиться в Новоархангельск.

118

Хвостов на «Юноне» должен был, доставив Резанова в Охотск, следовать к берегам Японских островов на соединение с Давыдовым. На случай, если бы его там не было, Хвостов должен был ждать его до 15 октября.

Расставшись с «Юноною», тендер «Авось» получил во время шторма значительные повреждения и прошел в Петропавловск, «Юнона» прибыла 15 сентября в Охотск. Резанов поселился на берегу в доме командира порта. 24 сентября, когда Хвостов уже принял груз для колоний и был готов к отплытию, он получил от Резанова «дополнение к инструкции». Дополнение это предписывало: «Все прежде предписанное оставя, следовать в Америку для подкрепления людьми порта Новоархангельского. Но ежели ветры без потери времени позволят зайти в губу Аниву, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками и медалями. Взгляните, в каком состоянии водворение на нем японцев находится. Довольно исполнение и сего сделает вам чести, а более всего возвращение ваше в Америку, существенную пользу приносящее, должно быть главным и первым предметом вашего усердия. Подобным наставлением снабдите тендер, буде с ним встретитесь. 1806 г. Сентября 24 дня № 609 Н. Резанов». Это новое распоряжение было недостаточно ясно и находилось к тому же в противоречии с прежде данной инструкцией.

Хвостов поспешил на берег увидиться с Резановым и получить окончательные указания, но тот уже выехал из Охотска в Петербург. Тогда Хвостов, склонный, видимо, сам к первоначальному предписанию, отправился на другой день к заливу Анива, на Сахалине, куда он прибыл 6 октября. Тендера «Авось» не оказалось, хотя срок его прибытия давно истек. Тогда Хвостов захватил 4 японцев из небольшого селения в Аниве, взял там из магазинов 1200 пудов пшена и сжег остальные магазины с припасами. Одарив туземцев-айнов, поработанных японцами, он вышел 17 октября из Анивы и 8 ноября пришел в Петропавловск.

Здесь он встретился с Давыдовым и решил тою же осенью вторично отправиться к

берегам Японии для разорения японских селений «в отомщение японской империи за отказ, сделанный Российскому посольству». Открывшиеся на судах повреждения и наступившие холода заставили отложить это намерение до следующей весны.

4 мая 1807 г. «Юнона» и «Авось» вышли в море, Хвостов и Давыдов осмотрели и описали 16-й и 18-й Курильские острова и 19 мая стали на якорь в заливе Найба 19-го острова. Здесь они сожгли японское селение, а найденные в магазинах рыбу и соль отдали айнам. 22 мая они перешли в другой залив того же острова – Шана. Здесь было японское селение, защищенное крепостью, и японский гарнизон встретил русский десант выстрелами. Высадившись на берег, русские в перестрелке с японцами убили и ранили несколько человек и, израсходовав порох и пули, возвратились на суда. На другой день свезли новый десант, но японцы уже скрылись, оставив 2 небольших пушки, 3 мортиры и несколько ружей. В селении было до десяти магазинов с продовольствием и

119

разными товарами. Все лучшее из товаров было погружено на суда, продовольствие роздано курильцам, магазины сожжены. 27 мая «Юнона» и «Авось» вышли и 11 июня стали в заливе Анива. Здесь Хвостов узнал, что японцы в Аниве не появлялись с прошлого года. Отсюда направились к острову Матсмай. По пути увидели несколько рыболовных судов, оставленных японцами у берегов, и сожгли их. На западной стороне Матсмая, около острова Оистери, нашли несколько оставленных японцами грузовых судов, одно из них военное, вооруженное пушкой и нагруженное рыбными припасами. Их тоже сожгли. Сожгли 4 деревянных казармы и несколько сараев, бывших на безлюдном острове. Погрузив продовольствие, «Юнона» и «Авось» вышли 30 июня) и 16 июля прибыли в Охотск. Выступление этих моряков не было поддержано русским правительством. Хвостов и Давыдов были арестованы командиром Охотского порта за самовольство и отправлены в Петербург. Адмиралтейст-коллегия произвела следствие и постановила отдать их под военный суд. Но благодаря хлопотам родных и друзей оба они были отправлены в Финляндию в распоряжение штаб-главнокомандующего армией, действовавшей против шведов. Участвуя в нескольких сражениях, они показали чудеса храбрости. 4 октября 1809 г. оба закадычных друга Хвостов и Давыдов трагически погибли – утонули в Неве.¹ Возвращаясь к нашему рассказу о Головнине. Японцы, в отместку за похождения Давыдова и Хвостова на Курильских островах и Сахалине, решили захватить в плен командира «Дианы» и его спутников.

Продолжая занимать Головкина разговором, начальник крепости вновь начал задавать ему вопросы о России и ее правительстве, о численности команды на судне, под предлогом необходимости определить количество продовольствия, нужного для корабля. Все это тщательно записывалось чиновником. Тяготясь этой болтовней, Головнин попросил начальника покончить вопрос о провизии и скорее отпустить его. Тогда японцам пришлось сбросить коварную личину. Начальник вышел, а помощник его приказал окружить Головнина и его спутников. Вскоре появился опять начальник и, приняв повелительные тон и позу, начал кричать: «Резаното! Резаното (Резанов), Никола Сандрыч!», он махал руками, хватался за саблю и сказал, как передал переводчик Алексей, что он ничем не может снабдить «Диану» и что, если он выпустит хотя одного человека из находившихся перед ним русских, ему распорят брюхо. Головнин и его спутники, сознавая опасность, бросились бежать из крепости. Японцы вскочили, закричали во все горло, но боялись остановить бегущих, а бросали им под ноги весла и поленья. Когда русские выбежали за крепостные ворота, по ним начали стрелять, но никого не задели. Через толпу, у во-

---

¹ Эпизод налета Хвостова и Давыдова на Курильские острова и на Сахалин не выяснен окончательно. Имеющиеся исторические и литературные источники не позволяют установить окончательно виновников этого самовольного предприятия. Во всяком случае, несомненна двусмысленная роль, сыгранная в этом деле Резановым.

рот, не успели проскочить мичман Мур, матрос Макаров и курилец Алексей, которые и были задержаны. Остальные добежали до шлюпки, но ввиду отлива она осталась на песке и сдвинуть ее на воду не удалось. Русские были немедленно окружены гнавшимися за ними солдатами с обнаженными саблями; сопротивление было невозможно, и Головнин, штурман Хлебников и матросы Симонов, Искаев и Васильев поневоле отдались в руки японцам. Пленных привели опять в палатку, где уже были захваченные ранее Мур, Макаров и Алексей. Всех пленников связали по рукам и ногам.

Так неожиданно и так вероломно «Диана» лишилась своего капитана, которого заменил его товарищ и друг, бывший вместе с ним в Англии, лейтенант Рикорд. Следя внимательно за зрительную трубу за движением на берегу, услышав выстрелы и увидав бегущую с обнаженными саблями толпу, а затем людей, тащивших с нашей шлюпки мачты, паруса, весла, Рикорд догадался, что с его начальником и сослуживцами случилось что-то недоброе. Не тратя ни минуты, он поднял якорь и подошел к крепости так близко, как только позволяла глубина, с твердым намерением вступить в переговоры и потребовать освобождения задержанных. Едва «Диана» подошла на пушечный выстрел, японцы открыли по ней пальбу из орудий. Со шлюпа отвечали немедленно, выпустили больше 120 зарядов, сбили японскую батарею, и она замолчала.

Видя по результатам стрельбы, что малыми пушками шлюпа нельзя нанести существенного вреда крепости, а с командой в 50 человек невозможно взять ее штурмом и вместе с тем справедливо опасаясь, что при дальнейших враждебных действиях озлобленные японцы могут умертвить соотечественников, Рикорд прекратил стрельбу и решил немедленно идти в Охотск, объявить о случившемся начальству и просить правительство об освобождении пленников. Несмотря, однако, на настойчивость Рикорда и живое участие правительства, дело затянулось, и Головнин с товарищами пробыли в плену более двух лет.

Захватив русских, японцы под сильным конвоем гнали их, связанными по рукам и ногам, через города и селения до г. Хакодате, на острове Матсмай. Там посадили их в тюрьму, в одиночное заключение. Через семь недель мучительного заключения перевели в город Матсмай. Здесь положение моряков немного улучшилось. Их лучше кормили и заботились о здоровье. Пленники жили надеждою на освобождение: японские чиновники сообщили им, что губернатор просил правительство разрешить ему освободить русских, если за ними придут русские суда. Пришедший как-то к морякам переводчик сказал:

- Губернатор получил нехорошую бумагу из столицы. Как прочитал, так выронил ее из рук.

- Что такое в этой бумаге? - спросили его русские.

- Правительство не только не уважило просьбу губернатора о вашем освобождении в случае прихода русских судов, наоборот, приказало губернатору обращаться с этими судами, как раньше, - обстреливать и жечь их, а команду брать в плен. У Кунашира

ожидаются русские суда, и местному князю велено послать туда суда и артиллерию.

Это неприятное известие и сравнительная близость моря внушили пленникам мысль о бегстве. Они надеялись овладеть одним из лежавших близ берега судов и достигнуть на нем Камчатки. Все, кроме Мура, согласились на это смелое предприятие. Началась длительная подготовка. Моряки запаслись всем, чем только могли. Во время одной из прогулок матрос Макаров нашел огниво и ловко его спрятал. Кремни стащили у караульных. Нужен был еще трут. Повесили сушиться рубашку, она «нечаянно» сторела и заменила трут. Штурман Хлебников умудрился смастерить компас. Он оторвал кусачек меди, которой японцы обивают наружные пазы в домах, и выпросил у караульных две иголки, которые вскоре «потерял». Соединив иголки медью, Хлебников продолжительным трением о камень придал им достаточную магнитную силу. Футляр он смастерил из бумаги, склеенной рисовой кашей.

Скоро пленников перевели в новое, лучшее помещение и начали делать им различные послабления. Поняв это, как решение оставить их навсегда в плену, моряки решили ускорить бегство. Как-то вечером они стащили на кухне два ножа, подкопали ими ночью стену и вылезли на волю. Вылезая в подкоп, Головнин ушиб колено, но сторяча не почувствовал боли. Рельеф острова Иессо очень гористый. Близко от берега начинаются хребты, возвышающиеся все выше и выше. Населены были только берега.

Хорошо зная все это, беглецы направились к северу не берегом, а через горы, отыскивая направление по звездам. Не зная ни гор, ни тропинок, путники шли наобум, постоянно спотыкаясь и падая в темноте.

«При подъеме на гору, - рассказывает Головнин, - я стал чувствовать жестокую боль в ушибленном месте колена, которое опухло. Когда мы шли по ровному месту, я мог еще ступать больною ногою, но при подъеме боль делалась нетерпимою. При таких условиях я скоро совсем выбился из сил, и товарищи должны были беспрепятственно останавливаться, чтобы дать мне отдохнуть. Нам хотелось до рассвета достигнуть лесистых гор, чтобы укрыться от преследования. Ночь была темная, дороги мы не знали и шли ощупью. Проколесив очень много, мы добрались до горной равнины и пошли по ней. На беду нашу, она была покрыта снегом. Чтобы следы наши не выдали нас японцам, мы должны были делать зигзаги, выбирая бесснежные места. Перед самым рассветом мы выбрались на большую дорогу с множеством лошадиных и людских следов, так что без опасения могли идти по ней. Дорога вела на север и шла по гористой равнине. Мы быстро пошли вперед. Нога моя болела сильно, но все же я не ощущал таких страданий, как при подъеме. Вдруг матрос Васильев оглянулся, и шепнув: «За нами гонятся на лошадях с фонарями», бросился с дороги в лощину. Мы за ним. Благодаря темноте мы спустились благополучно и, осмотревшись, увидели в утесе пещеру, но на значительном расстоянии от земли. Мы полезли по дереву и добрались до пещеры. Она была так мала, что

122

мы должны были жаться друг к другу...» Лучи солнца не проникали в пещеру, и беглецы целый день не могли согреться. С наступлением сумерек они покинули свое убежище и возобновили путь к северу. Боли у Головнина становились все нетерпимее. При подъемах он уже не мог идти сам, и его тащил Макаров. Так целых девять дней русские таились по оврагам, лощинам и лесистым возвышенностям. Они сильно голодали и совершенно обессилели. В конце концов японцы выследили их, окружили и привели обратно в Матсмай. После неудачного бегства русские содержались так же, как и до побега, но под усиленным надзором.

В следующем, 1812 г., Рикорд пришел к японским берегам на двух судах, но в переговоры с японцами вступить не удалось. И только после того, как он захватил в плен именитого купца Такатой-Кахи, возобновилось дело об освобождении пленных. 23 сентября 1813 г. Рикорд прибыл в третий раз с документами от русского правительства к японским берегам. Навстречу шлюпу вышла японская фунэ с предложением идти в Хакодате, куда перевезены пленные и где ожидает русских матсмайский губернатор.

Не теряя времени, Рикорд пошел в Хакодате. В заливе встретило его много японских лодок. Русским запрещено было ходить на шлюпках по заливу, и караульная лодка все время следила за ними. Рикорд прислал пленникам газеты и много писем Головнину.

На этот раз японские власти вступили в переговоры с Рикордом и освободили пленных, продержав их в заключении 26 месяцев 26 дней. Пленников японцы привели на берег, в какие-то строения, куда прибыл и Рикорд. При огромном штате чиновников ему вручена была бумага от губернатора. Потом с такими же церемониями поднесли пленным бумагу от чиновников. Вот дословный ее перевод.

«Все вы долго находились здесь, но теперь, по приказу Обуньо-самы, возвращаетесь в свое отечество. Время отбытия вашего уже прошло, но по долговременному вашему здесь пребыванию мы к вам привыкли и расставаться нам о вами жалко. Вы перенесли жар, холод и другие перемены воздуха и к благополучному возвращению готовы. О собственной вашей радости при сем не упоминайте; мы сами

оную чувствуем и с нашей стороны сему счастливому событию радуемся. Берегите себя в пути. Теперь, желая с вами проститься, написали мы сие приветствие».

Головнин и товарищи возвратились на «Диану», стоящую в заливе Хакодате. Описание этого плена Головкиным представляет интересное художественное произведение, переведенное на многие европейские языки.

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. ПЛАВАНИЕ НА ШЛЮПЕ «КАМЧАТКА» ОТ КРОНШТАДТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКА. НА КОМАНДОРСКИХ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ

Освободившись из плена, Головнин на том же шлюпе «Диана» прибыл 3 ноября 1813 г. в Петропавловск. После продолжитель-

123

ной неволи едва обитаемая Камчатка с ее горами, сопками и дремучим лесом, занесенная глубокими снегами, казалась ему и его товарищам землей обетованной. Нечего и говорить о радостной встрече пленных с жителями Петропавловска.

Головнин не вступил в командование «Дианой» и, после небольшого отдыха, несмотря на стужу и вьюги, 2 декабря отправился в Петербург. Он ехал на собаках, сопровождаемый до Гижигинска Рикардом. Здесь друзья расстались, и Головнин добрался благополучно до Охотска, проехав более 3000 км.

Отсюда, то на оленях, то верхом на лошадях, доехал он до Якутска, а далее путешествовал уже в повозке и прибыл в Петербург 22 июля 1814 г., ровно через 7 лет по выходе из Кронштадта.

В 1816 г. Головнин избран в почетные члены Государственного адмиралтейского департамента, а в 1817 г. назначен снова начальником кругосветной экспедиции. Ему поручалось: отвезти в Петропавловск военные грузы, расследовать неправильные действия Российско-американской компании, притеснявшей туземцев, и описать северо-западные берега русских американских владений, если этого не исполнил предшественник его, лейтенант Коцебу.¹

Судно, на котором Головнин совершал плавание, был шлюп «Камчатка». По своему типу он походил на фрегат, имел 32 пушки и 130 человек команды.

Запасшись по пути в Портсмуте всем необходимым, Головнин направился к Рио-де-Жанейро. Переход был вполне удачен, даже пояс безветрия не потревожил моряков ни сильными жарами, ни шквалами.

Вблизи бразильских берегов «Камчатка» встретила незнакомое судно не поднимая флага.² Завидя русский шлюп, оно пошло тем же курсом и намеревалось, видимо, его догнать. В то время в этих местах крейсеровали американские пираты, грабившие безнаказанно купеческие суда. Головнин приготовился к сражению, поднял русский флаг. Таинственный незнакомец поднял свой и оказался англичанином, а когда суда подошли друг к другу, то в английском капитане Головнин узнал старого сослуживца, который тоже принял «Камчатку» за пирата. Приятели сошлись, вместе пообедали и провели несколько часов в дружеской беседе, а затем Головнин пошел к Рио-де-Жанейро, куда и прибыл благополучно 5 ноября.

На другой день Головнина посетил королевский адъютант и поздравил его от имени короля с благополучным приходом.

- Я нуждаюсь лишь в пресной воде, которою желал бы наполнить пустые бочки.

- О! это очень нетрудно; я заеду к командиру порта, и наши водоналивные суда избавят вас от этой излишней и нелегкой работы, - ответил болтливый адъютант, прощаясь с Головниным.

---

¹ Коцебу плавал вокруг света на бриге «Рюрик», на средства графа Н. П. Румянцева, с целью ученых открытий и исследований в Великом океане и Русской Америке.

² По международному обычаю, суда при встрече в море поднимают свои национальные флаги.

Но обещание так и осталось обещанием, и «Камчатке» пришлось наливать воду при помощи своих гребных судов. Головнин был этим даже доволен, избавясь от необходимости расточать излишние благодарности, только отнимавшие дорогое время.

Порт Рио-де-Жанейро по своему географическому положению был одним из главных перепутьев для судов, идущих в Великий океан через мыс Горн из Атлантики и обратно и нуждающихся в отдыхе и пополнении жизненных запасов. Порт этот вел обширную торговлю с Европой.

21 ноября «Камчатка» пошла далее к югу, двадцать пять дней употребила на обход мыса Горн, боролась с сильными, иногда противными штормами, встретила тут и новый 1818 год. В этот знаменательный день матросам роздано было, по заграничному положению, жалование, что составило около 30 рублей золотом на человека, – сумма, весьма значительная для матросов, а Головнин дал им по лишней чарке водки. Команда была в восторге, разыграла под влиянием веселого настроения комедию собственного сочинения. Праздник удался вполне, и авторы получили еще подарок от командира.

7 февраля «Камчатка» бросила якорь в Коллао, главном портовом городе бывшей испанской провинции Перу.

Головнин пришел в Коллао в самое тревожное время; Верхнее Перу и Чили объявили себя независимыми, собрали до 7000 войска и вооружили несколько корсарских судов, а Буэнос-Айрес выдал корсарские патенты владельцам судов в США. Эти искатели приключений гонялись за испанскими купеческими судами, брали их в плен и делили добычу. Морские силы испанского правительства в этих отдаленных краях были слишком слабы, и дело кончилось тем, что эти богатейшие провинции были утрачены испанцами навсегда.

8 результате этих событий прекратился почти совсем подвоз в Перу хлеба, зелени и других главных жизненных продуктов, и Головнину пришлось покупать все нужное по высоким ценам. Прекратился и подвоз из Вальпарайсо негров, и богатейшие рудники Перу не разрабатывались. Остановилась чеканка монеты, казна опустела, а между тем нужно было содержать усиленное войско. Ожидались столкновения с Испанией.

Однако испанцы, повидимому, не очень тревожились, и едва «Камчатка» встала на якорь, как жители Коллао и Лимы начали ежедневно посещать русский шлюп.

Головнин обменялся визитами с крепостным и портовым начальством и поехал, по приглашению перуанского вице-короля, в Лиму. Вице-король¹ прислал за ним свою роскошную карету, запряженную шестью мулами цугом, в шорах и дорогой сбруе. Ее сопровождали два гусара верхами и офицер, сообщивший Голов-

¹ Вице-король назначался королем Испании. Он пользовался почти неограниченной властью, имел свой придворный штат, гвардию, огромные дворцы. Жалованье его достигало 60 000 пиастров – 315 000 руб. в год.

нину, что вице-король ожидает его и офицеров шлюпа к обеду. Спустя час карета въехала через красивые ворота в город и подкатила к подъезду двухэтажного просторного дома с плоской крышей, как и все городские здания. Головнин с сослуживцами был встречен приветливо вице-королем и его семьей. Встреча была, впрочем, вполне официальная: королевская свита, одетая в нарядные мундиры, окружала своего повелителя, а гости были в нарядных платьях того времени. Вице-король приказал оказать русскому кораблю все возможное содействие и помог Головнину, при существовавшей неурядице, сравнительно выгодно и скоро запасть в провизией и всем необходимым для перехода в Петропавловск.

Город Лима раскинут по обоим берегам реки Римак и подвержен частым землетрясениям. Легкие колебания бывают раза два в неделю, и жители так свыклись с ними, что не обращают никакого внимания. Однако изредка бывают грандиозные колебания почвы. Так, землетрясение 1746 г. разрушило большую часть города,

причем лучшие каменные здания были совершенно уничтожены, каменный мост через реку развалился, конная статуя короля Филиппа V была разбита, прекрасный фонтан, вылитый из бронзы, разметало по кускам, и многие жители погибли. После этой катастрофы все дома, большие каменные здания и даже городской собор возобновлены частью из необожженного кирпича, частью из перувианского очень крепкого дуба и покрыты штукатуркой. Из каменных построек остались лишь городская стена и городские ворота, сложенные из кирпича-сырца, из которого строят свои небольшие домики поселяне. Такие постройки прочны, не требуют частых поправок и дешевы. Испанцы и мирные индейцы, потомки древних инков, занимаются хлебопашеством и рыболовством.

Единственным торговым портом в Перу был Каллао. Рейд его с севера был совершенно открыт, и проходившие суда становились за песчаную косу и низменный остров; одно из неудобств этой местности – частые туманы, препятствующие свободному входу и выходу судов. Городские постройки в Каллао не представляли ничего замечательного. Были довольно сильные (для того времени) укрепления, которые, однако, при растянутости берега не могли служить достаточной защитой городу.

18 февраля «Камчатка» оставила Каллао, пошла на запад и в половине марта миновала Вашингтоновы острова. Головнин постоянно держался пассатного ветра, и плавание, хотя крайне однообразное, совершалось скоро и спокойно.

28 апреля открылся камчатский берег, и 2 мая вошли благополучно в Авачинскую губу. В Петропавловской гавани был еще лед, его пришлось прорубать, но это препятствие было скоро устранено командой «Камчатки», и шлюп на третий день вошел в гавань.

Главным командиром Петропавловского порта и начальником Камчатской области был в то время капитан 2 ранга Рикорд, освободитель Головнина из японского плена. Встреча друзей была самая радостная. Рикорд всеми средствами старался снабдить шлюп

126

свежими припасами, а для команды выписал даже рогатый скот из Большерецка.

Пробыв в плавании из Кронштадта более восьми месяцев, шлюп требовал некоторых исправлений, а команда отдыха. Рикорд и в этом оказал посильную помощь: все работы произведены были с помощью портовых мастеров. Команда в свободное от работ время гуляла на берегу и ловила рыбу. Офицеры предпринимали более отдаленные поездки в глубь полуострова, охотились за дичью, которой изобиловали леса.

Головнин, знакомый уже с Петропавловским портом по первому путешествию, отзывался с большой похвалой о значительной перемене к лучшему за время управления Камчаткой Рикордом. Его заботами была устроена больница, снабженная всем необходимым. Соседние камчадалы получили врачебную помощь от заразных болезней, они привозили больных за 200 и более километров. По распоряжению Рикорда, население снабжалось хлебом, порохом и свинцом по казенной цене, беднякам их отпускали безвозмездно. Головнин нашел ремесленное и частное училища, которых прежде не было. Наконец, Рикорд завел огородничество. По его почину начались посевы озимых и яровых хлебов. Одним словом, Петропавловск стал неузнаваем.

15 июня Головнин простился с Рикордом и направился к Командорским островам. Эти острова до Беринга не были известны, да и впоследствии их положение долго не было определено на морских картах. Головнин успешно восполнил этот пробел и сделал их подробную опись.

Одной из главных задач, порученных Головнину, было: обследовать владения Российско-американской компании и удостовериться в степени справедливости дошедших до правительства жалоб на ее дурное управление. С этой целью он обошел всю гряду Алеутских островов и посетил остров Кадьяк, где было одно из главных поселений компании. Оттуда он отправился в Новоархангельск – главную резиденцию правления компании – и селение Росс, находящееся на берегу Нового Альбиона.¹ Отсюда он пошел в Монтерей, принадлежавший в то время Испании,² запастись водой и

провизией.

Обследования Головнина полностью подтвердили сведения о дурном управлении компании и о больших притеснениях с ее стороны как коренных жителей, так и русских промышленников.

6. НА САНДВИЧЕВЫХ И ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ

23 октября «Камчатка» прибыла в залив Круа. На Сандвичевых островах Головнин с некоторыми офицерами поехал на берег. Сандвичане уже давно восприняли европейские обычаи. Способ-

---

¹ Часть материка северо-западной Америки между 38° и 48° северной широты.

² Теперь Монтерей принадлежит Северо-Американским штатам.

127

ные от природы, они охотно учились. Завели земледелие, разводили крупный и мелкий рогатый окот, лошадей и домашнюю птицу; прибрежные жители занимались рыболовством. Было между ними много ремесленников, а многие служили на европейских судах матросами и слыли вообще хорошими моряками.

Одного из сандвичан Головнин принял к себе на шлюп и привез в Петербург. Лаури, так звали 25-летнего островитянина, был высокого роста и прекрасно сложен. Коричневый цвет кожи не портил его наружности. Смешливый и веселый от природы, он скоро свыкся с русскими обычаями и сделался общим любимцем офицеров и матросов. Особенно сдружился он с артиллерийским унтер-офицером, который, по возвращении шлюпа в Россию, был представлен к нему вроде дядьки.

Запасшись, по совету короля Тамеамеа, провизией и водой на острове Воагу, Головнин 29 октября поднял якорь, и «Камчатка», простясь с гостеприимными сандвичанами, направилась на Филиппинские острова. Там предполагалось дать команде отдых и исправить некоторые повреждения перед обратным переходом в Россию.

Зайдя по пути к одному из Марианских островов – Гаухану, «Камчатка» бросила 19 ноября якорь в заливе Умата на острове Гаухан (самый большой и населенный остров из всей этой группы, состоявшей под властью Испании). Он служит главной резиденцией управления. На Марианских островах сильно развито было тогда скотоводство; одного рогатого скота считалось до 30 000 голов. Изобиловали острова и рыбами и дикими птицами, но так как острова эти лежат в стороне от главного судоходного пути, то торговля их незначительна. Как на одну из оригинальных отраслей торговли следует указать на продажу петухов огромной породы. Головнин говорит, что ему нигде не случалось видеть таких великанов куриного племени и таких задорных в драке, как, петухи марианские. Жители, страстные любители петушиных боев, чрезвычайно дорожили ими и продавали их очень дорого на Манилу, где тагалы еще более пристрастны к этой забаве. Марианские петухи, после китайских, считаются первыми бойцами. За одного приглянувшегося Головнину просили десять пиастров – пятьдесят рублей.

Пополнив истощившиеся запасы, Головнин на четвертый день снялся с якоря и пошел к острову Люсон. 12 декабря вечером шлюп подходил к Маниле, и на другой день утром «Камчатка» бросила якорь перед городом. На шлюпе не успели убрать паруса, как от манильского генерал-губернатора приехал адъютант с поздравлением по случаю благополучного прихода и предложением услуг порта.

Манильский рейд не представлял никаких удобств для предполагавшихся на шлюпе исправлений, и генерал-губернатор посоветовал Головнину перейти в соседний порт Кавитту, где по его распоряжению были даны все материальные средства для скорейшего исправления шлюпа. Пользуясь этим, Головнин на другой день перешел на Кавитту, выгрузил все хранившееся в трюме в отведенное на берегу помещение, проветрил трюм, пере-

128

сушил все лежавшие там с самого выхода из Кронштадта предметы, проконопатил пазу, перетянул такелаж, перечинил паруса, покрасил шлюп и отпраздновал новый 1819 год.

Через 25 дней непрерывной работы шлюп был готов к дальнейшему плаванию. 17 января Головнин простился с гостеприимной Манилой и отправился в дальнейший путь. Покинув Филиппины, Головнин прошел Зондским проливом, обогнул мыс Доброй Надежды и 20 марта сделал первую остановку после Манилы на острове Св. Елены.

Во время путешествия Головнина этот остров был местом заключения Наполеона, строго охраняемого англичанами. Еще за несколько десятков миль до острова «Камчатку» встретил и опросил английский сторожевой военный шлюп и тотчас сигналом сообщил сторожевому посту на острове о намерении Головнина зайти в порт. На рейде шлюпу было отведено место, и всю ночь по рейду ходили дозорные шлюпки. На другой день Головнина посетили несколько почетных лиц, пообедали, и вечером того же дня Головнин пошел далее. 6 апреля, после посещения острова Вознесения, шлюп перешел экватор и на 74-й день плавания достиг острова Фаял (из Азорской группы), где и бросил якорь. Необходимо было отдохнуть и пополнить запасы продовольствия. На острове Фаял простояли 17 дней.

20 июля «Камчатка» зашла в Портсмут. Головнин дал команде отдых, пополнил запасы дров, воды и провизии и 15 августа снова отправился в плавание. 23 августа вошли в Зунд, а 4 сентября в Финский залив. У мыса Стрисудена¹ Головнин увидел купеческое судно без мачт, которое несло на береговые камни. Решив спасти судно от гибели, Головнин подошел к нему, взял на буксир и довел благополучно до Кронштадта, где, и бросил якорь 5 сентября 1819 года, пробыв, в плавании 2 года и 10 дней.

Этим путешествием закончилась деятельность Головнина на море. Произведенный за успешное плавание в капитаны 1 ранга, а в 1821 г. в капитан-командоры, Головнин был назначен помощником директора Морского корпуса. Работая в корпусе, Головнин для руководства молодым офицерам перевел любопытную историю кораблекрушений капитана Дункена и добавил ее своими практическими замечками и описанием крушений судов русского флота. Кроме того, из работ учебного характера он издал тактику военных флотов и правила описи морских берегов.

В 1823 г. ему была поручена весьма важная должность генерал-интенданта флота. В его обязанности входило строительство военных судов и адмиралтейских зданий, за исключением черноморских. На этом посту Головнин выполнил большую работу, особенно после наводнения 7 ноября 1824 г., когда много судов было выброшено на берег.

В 1827 г. он был назначен членом комитета по образованию флота и устройству управления корабельными лесами, оставаясь

---

¹ Мыс на финляндском берегу в 40 км от Кронштадта.

при прежней должности. В 1830 г. был произведен в вице-адмиралы.

За время его управления интендантством флота было построено 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 10 пароходов и 147 легких судов от шлюпа до перевозного бота. В 1830 г. боевой русский флот состоял из 25 кораблей, 17 фрегатов, 32 бригав и шлюпов и имел 3343 пушки.

Головнин был в это время полон силы и энергии и мог бы еще долго и полезно служить русскому флоту. Но вспыхнувшая в 1831 г. эпидемия холеры внезапно сразила его. 30 июня 1831 г. он умер, всего 55 лет отроду.

Головнин оставил о себе прекрасные воспоминания у современников. Скромный в обращении, он избегал споров, никогда не говорил о своих успехах по службе и о своих подвигах. Все уважали его глубоко и искренно. Закаленный с ранней юности, он был неустранным в опасностях и находчив в самых крайних случаях. Твердость духа, быстрота сообразительности, терпение в перенесении страданий и лишений, настойчивость и решимость были отличительными чертами его характера. Будучи строг к самому себе, он был строг и требователен к подчиненным. Выдающийся

моряк, В. М. Головнин был весьма образованным человеком, обладал большими научными знаниями в разных областях науки, огромной силой воли и административным талантом.

Кроме своих многочисленных обязанностей по службе, Головнин был еще членом разных обществ и почетным членом Харьковского университета. Его именем, как известного кругосветного мореплавателя, названы: мыс на юго-западном берегу бывшей Русской Америки, пролив между Курильскими островами Райкоку (Райкокэ) и Матау (Мацува) и гора на Новой Земле.

Важнейшие произведения В. М. Головнина, обладавшего крупным литературным дарованием, следующие: «Записки В. М. Головнина», «Путешествие русского военного шлюпа «Диана» в 1807,

1808 и 1809 гг.», «Путешествие вокруг света русского военного шлюпа «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг.» Будучи близок к кругам декабристов и находясь, несомненно, под их влиянием, Головнин пока

зал себя в своих произведениях либеральным, гуманным, передовым человеком своего времени. Характерными в этом отношении, кроме работ его о Русской Америке, являются «Записки мичмана Мореходова», напечатанные в журнале «Морской Сборник» за 1861 г.

Головнин дал в этих записках очень резкую критику управления флотом при Александре I, критику, переходящую в общую отрицательную оценку государственной организации и порядков того времени.

130

Ф. П. ЛИТКЕ

1. КРУГОСВЕТНЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Федор Петрович Литке осиротел при своем рождении 17 сентября 1797 г. Отец его вскоре женился вторично и, по настоянию мачехи, мальчик был отдан 8 лет в пансион. Воспитывали его там очень небрежно. 11 лет он остался круглым сиротой, и его приютил дядя, также мало заботившийся об его воспитании. Уже в это время начал складываться характер мальчика, всю жизнь стремившегося к науке. Целыми днями он сидел в библиотеке дяди, читая все без разбора. Кроме большого количества всякого рода знаний, правда, бессистемных и отрывочных, он приобрел в те годы и знание иностранных языков.

В 1810 г. сестра Литке вышла замуж за моряка капитан-лейтенанта Сульменева, и Литке попал в среду моряков. При помощи зятя он поступил в 1813 г. волонтером во флот и вскоре был произведен в гардемарины. Плавая в отряде Сульменева на корабле «Аглая» в эскадре адмирала Гейдена, он много раз участвовал в боях с французами под Данцигом, где укрылись некоторые французские части после отступления из России. Молодой Литке особенно отличился храбростью, находчивостью и блестящим выполнением боевых приказов в трех сражениях под Вейнсельмюнде, был награжден орденом и произведен в мичманы.

В 1817 г. Литке был назначен в кругосветное плавание на военном шлюпе (корвете) «Камчатка», под командой известного Василия Михайловича Головнина. Под его руководством Литке получил прекрасную подготовку к дальнейшей практической и ученой деятельности. Плавание на «Камчатке» выработало из него искусного и неустрашимого мореплавателя и возбудило желание посвятить свою жизнь науке.

Головнин оценил талантливую подчиненного. Вскоре по возвращении «Камчатки» из плавания (в 1819 г.) по рекомендации Головнина Литке был назначен в 1821 г. начальником экспедиции для описи берегов Новой Земли и одновременно командиром брига «Новая Земля». Необходимо заметить, что о Новой Земле были тогда очень поверхностные сведения, никаких научных описаний ее не существовало. В течение четырех лет неутомимой работы экспедиции (1821, 1822, 1823 и 1824 гг.) Литке определил географическое положение главных пунктов и произвел

подробное описание северной и средней частей Белого моря, всего западного и южного берегов Новой Земли, пролива Маточкин Шар, северной части острова Колгуева и значительной части Лапландского берега (от Белого моря

131

до Рыбачьего полуострова). Плавать и работать приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях, в суровом полярном климате, в частых штормах, в борьбе со льдом и т. д.

Ф. П. Литке.

В виде иллюстрации можно привести следующий, подобный многим случай. 18 августа 1823 г. ночью при входе в Карское море во время сильного шторма бриг «Новая Земля» ударился о камни,

132

и его тотчас начало жестоко бить о них. Все предвещало полное крушение и гибель экипажа: вышибло руль из петель, расщепило корму. Море кругом покрылось обломками. Бриг стоял неподвижно и трещал так, что, казалось, развалится на части. Потеряв всякую надежду спасти судно, Литке стал думать только о спасении экипажа. Оставалось только одно - срубить мачты. Но едва было сделано несколько ударов топорами по мачтам, сильное волнение сбросило бриг с камней на глубокую воду. Тут, как и во всех подобных случаях, Литке выказал необычайную энергию. При его личном участии корабельные плотники принялись укреплять руль. Кому известна хлопотливость и трудность этого дела даже в тихую погоду, тот легко поймет, чего это стоило при большом волнении. После дружной полуторачасовой

работы руль был укреплен. Тогда взялись за исправление других повреждений. Работать приходилось в условиях еще более усилившейся бури. С громадным трудом ремонт был сделан, и можно было сравнительно безопасно держаться в чистом без льдов море и надеяться дойти до ближайшего порта.

Ненадежное состояние брига побудило Литке отложить исследование Карского моря и вернуться в Архангельск для ремонта судна средствами порта. Направившись в Белое море, Литке сделал по пути в Архангельск астрономические определения некоторых мысов острова Колгуева и Канина носа и их гидрографическую опись.

В Архангельске, работая круглые сутки со своею командою и портовыми мастерами, Литке в несколько дней совершенно исправил все повреждения и вышел тотчас же в море продолжать прерванные работы.

Исследуя подробно Белое море и его побережье, Литке исправил старую, имевшую много неправильностей карту: некоторые места были нанесены на нее с ошибкой в $1,5^{\circ}$.

Это плавание Литке, во время которого было сделано много ценных наблюдений, пролило новый свет в географические представления о всем крайнем севере Европы. Работы Литке дали богатейший материал для (более близкого знакомства с Новой Землей, послужили фундаментом для картографии островов и до сих пор считаются одними из замечательнейших исследований северных морей.

Вернувшись по окончании работ в Архангельск осенью 1824 г., Литке немедленно приступил к обработке материалов за все четыре года плавания. Труд его издан под заглавием: «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821-1824 гг.» Книга привлекла большое внимание европейской науки и была переведена на немецкий и английский языки. Этот замечательный труд содержит в начале исторические сведения о прежних иностранных и русских плаваниях в северные воды, с подробным критическим разбором этих плаваний. В самое описание путешествия вошло, помимо гидрографических исследований, много разнообразных сведений из области других наук.

133

После окончания этого труда Литке был назначен командиром военного шлюпа «Сенявин», отправленного в кругосветное плавание для гидрографических и ученых исследований в мало известном тогда Великом океане. Для производства естественно-исторических наблюдений на «Сенявине» была послана экспедиция Академии наук, состоявшая из известных ученых Мертенса, Постельса, Китлица и др. Литке со своими помощниками, главным образом офицерами, занимался астрономией, статистикой и пр. Он же был начальником научной экспедиции.

2. ИЗ КРОНШТАДТА В КОПЕНГАГЕН И ПОРТСМУТ

Военный шлюп «Сенявин», стоявший на Кронштадтском рейде, отправлялся в кругосветное плавание.

Командир и штурманы стояли на верхнем капитанском мостике, команда заняла свои места при съёмке с якоря. Работа кипела. Подняли шлюпки, поставили паруса. Шлюп, подгоняемый легким юго-западным ветром, заскользил по слегка взволнованной поверхности залива, держа курс на запад.

Несколько катеров с провожавшими шли за «Сенявиным», но по мере того как ветер крепчал, «Сенявин» несясь быстрее и быстрее, катеры отставали и вскоре совсем скрылись из виду.

«Сенявин» был построен на Охтенской верфи, в Петербурге. После спуска на воду в мае 1826 г. шлюп был тотчас переведен в Кронштадт для окончательного снаряжения. Это было трехмачтовое судно 27,5 м длины, вооруженное 16 пушками.

Литке была предоставлена полная свобода в комплектовании экипажа. Желавших попасть в плавание оказалось столько, что многим пришлось отказать.

Экипаж «Сенявина» состоял из 62 человек. Командир шлюпа и начальник научной экспедиции капитан-лейтенант Литке, 7 офицеров, 2 штурманских кондуктора, 1 юнкер, натуралист экспедиции доктор Мертенс, 5 унтер-офицеров, 41 матрос, двое слуг, минеролог и живописец профессор Постельс и прусский подданный зоолог

Китлиц. К экипажу «Сенявина» было причислено еще 15 матросов и рабочих, отправлявшихся на службу в Охотский и Петропавловский военные порты.

Перед самым отходом «Сенявина» в плавание на шлюп прибыл пакет с инструкцией адмиралтейского департамента о программе плавания. Эта инструкция предписывала Литке, по приходе в северную часть Великого океана, заняться исследованием Чукотской земли, Камчатки, побережья и островов Охотского и Берингова морей и пролива того же названия. Начать исследования предлагалось от Восточного (или Дежнева) мыса и идти на юг, вдоль Чукотского полуострова, заходя во все заливы и исследуя устья рек. В первое лето требовалось также произвести съемку берегов Берингова моря, а на следующий год Охотского моря.

Ввиду обширности задания и трудности его выполнения в короткий срок в инструкции была оговорка: «Может быть, всего пред-

134

лагаемого вам выполнить не удастся, но все же надо стремиться сделать возможно более». Зимние месяцы предписывалось провести в тропиках, где нужно было отыскать и осмотреть острова Бонин-Сима и Каролинский архипелаг. Из России до Камчатки «Сенявин» должен был идти вместе со шлюпом «Моллер», командиром которого был капитан-лейтенант Станюкович (отец известного писателя); по приходе в Петропавловск-на-Камчатке шлюпы должны были расстаться и каждый в отдельности выполнить полученные задания.

«Моллеру» предлагалось исследовать все побережье Аляски и прилегающих к ней островов. По выполнении исследований суда должны были соединиться в Петропавловске и вместе возвратиться в Кронштадт.

«Сенявин» вышел из Кронштадта 20 августа 1826 г. Пройдя Толбухин маяк, командир приказал поставить команду и офицеров во фронт. Когда весь экипаж выстроился на шканцах и на шкафуте, Литке сошел с капитанского мостика и, приложив руку к козырьку фуражки, обошел всех. На середине шканцев он остановился и поднял руку, приглашая к вниманию.

Литке был высокого роста, сухощавый и крепкий, с густыми белокурыми волосами и длинными усами. Опираясь на саблю и внимательно смотря своими голубыми глазами в лица офицеров и команды, он обратился к ним со следующими словами:

- Я хочу не только поздравить вас с первым выходом в дальнейшее плавание, но также изъяснить вам те особые обстоятельства, в коих нам предстоит теперь находиться во время вояжа. Я хочу говорить не о вашей исполнительности к службе, которая для меня была всегда несомнительна, а о том, чтобы каждый из вас, кроме служебной исполнительности, еще в сердце своем носил любовь к службе, любовь к морю, а наипаче всего любовь к своему «Сенявину», потому что коли будете любить свой корабль, то полюбите и службу и море. Обычно говорят, что по шлюпке видят, каков корабль, по кораблю - какова эскадра, но я вам скажу больше того. Помните, что мы идем в кругосветный вояж, что за нами далекой надолго останется Россия, что с флагом нашим на «Сенявине» мы несем славу, честь, величие и гордость дорогой родины. И я уверен, что вы высоко будете держать честь нашего военного флага.

Я уверен, что всякое дело, какое бы вам ни предстояло, вы выполните самым старательнейшим образом. Еще раз поздравляю вас с походом в кругосветный вояж, благодарю за быстрое вооружение корабля и надеюсь и впредь видеть от вас такое же усердие в работе.

Затем Литке пригласил офицеров в свою каюту и там обратился к ним с речью:

- Я пригласил вас к себе, чтобы сказать несколько слов о моих взглядах на дисциплинарные взыскания... Вы знаете, что наш шлюп укомплектован отборною, лучшею во флоте командою и что каждый наш матрос постарается служить превосходнейшим образом, вы же все прекрасно образованные и воспитанные молодые люди. Я полагаю, что ввиду столь удачного подбора личного со-

135

става команды шлюпа мы можем обойтись без рукоприкладства и телесных наказаний. Я далек от мысли ограничивать ваши права, предоставляемые морским дисциплинарным уставом, на основании коего вы можете наказывать линьками провинившихся матросов, но разумею, вы сами со мною согласитесь, что по причине культурного развития и прогресса идей человечества лучше не пользоваться буквою старого закона. Как просвещенные, гуманные начальники вы всегда найдете в каждом случае для провинившегося культурные меры воздействия, кои несомненно принесут более пользы службе, нежели грубые и унижающие человека наказания. Я убежден, что, применяя словесные разъяснения, выговоры, назначения на штрафные работы, содержание на баке или в карцере и другие подобные исправительные средства, мы достигнем более хороших результатов, чем пользуясь линьками и розгами. Я надеюсь, что на «Сенявине» при культурном воздействии начальников на подчиненных служба не токмо не пострадает, но и выиграет.

Весь первый день плавания прошел в усиленной работе: было несколько авралов, производилась проверка расписаний, выравнивали дифферент, перекладывали грузы, изучали поворотливость корабля.

К вечеру горизонт покрылся дымом, похожим на густой туман. Продолжительная жара и засуха того лета вызвали многочисленные лесные и торфяные пожары в окрестностях Петербурга.

Дым целыми днями затемнял солнце; «Сенявин» был окутан дымною мглой и так шел до самого острова Гогланд, не видя ни берегов, ни маяков.

Гогланд прошли около полудня 22 августа, а из Финского залива в открытое Балтийское море шлюп вышел только 26 августа. Здесь недалеко от маяка Оденстольм видели во время штиля несколько смерчей, опускавшихся к морю из густого черного облака. Моряки очень сожалели, что не могли рассмотреть ближе это интересное и редкое здесь явление. Вскоре подул противный крепкий ветер. Пришлось лавировать до самого Зунда.

Пролив Зунд – одно из тех мест, которые навсегда остаются в памяти путешественника. Здесь сближаются берега Швеции и Дании, море похоже тут на озеро, на котором множество судов под парусами или стоят в ожидании благоприятного ветра. По берегам Дании и Швеции, на фоне изумрудных лугов и темнозеленых лесов, пестрели города и селения.

Оставив в стороне островок Вен и пролавировав среди многочисленных новых и старых укреплений, «Сенявин» подошел к Копенгагену. Направо, на большом острове Зеландия и частью на материке, широко раскинулась столица Дании. Налево – длинный узкий остров, занятый военным портом, по обе стороны пролива – несколько бассейнов и каналов, служащих доками для выгрузки и загрузки купеческих судов. «Сенявин» вошел на Большой рейд утром 8 сентября.

11 сентября пришел из Кронштадта военный шлюп «Моллер» такого же типа, как и «Сенявин».

136

Датчане очень радушно встретили наших моряков. Все офицеры и матросы по нескольку раз побывали в городе и осматривали его. Обширный военный порт говорил о былом могуществе Дании. Когда-то первоклассная морская держава, боровшаяся с соединенными флотами Англии, Швеции и Ганзейского союза, Дания того времени имела очень незначительный флот. Для сокращения расходов несколько больших кораблей были введены в порт, разоружены, над палубами их построены крыши, и корабли мирно доживали свой век.

На наших моряков Копенгаген, с его аккуратными однообразными постройками, чистенькими и довольно пустынными улицами, где почти не слышно никакого шума, сначала произвел впечатление чинности и скуки, но вскоре они переменили мнение и нашли, что датчане любезный и веселый народ.

В городе было много красивых дворцов, превращенных большею частью в музеи. Некоторые из них моряки осмотрели. Более других им понравился Розенберг, сооруженный в начале XVII в. Этот дворец в готическом стиле, богато украшенный фантазией архитектора, превращен в королевский музей, а роскошный парк вокруг него – сборное место копенгагенских нянек.

Для прогулок и народных гуляний в Копенгагене немало мест. Бульвар «Длинная аллея», между цитаделью и портом, с живописным видом на море всегда был полон публички. Летом в огромном парке Диргазе устраивалась ярмарка с балаганами, качелями и другими развлечениями. Но из всех мест народных гуляний самое излюбленное в Копенгагене – Тиволи, с его гигантскими старыми деревьями. Здесь гуляли все граждане города и моряки многочисленных судов, датских и иностранных. Вечером огромные толпы направлялись к этому месту отдыха в двух шагах от центра города. Часть парка Тиволи, в несколько квадратных километров букowego дерева, покрыта прудами, озерами, ручейками, водопадами и лужайками.

Тиволи особенно оживлен по праздникам, когда там собирался почти весь город, и – что замечательно – в нем не было ни одного полицейского. На всех этих гуляньях порядок никогда и никем не нарушался. Многие из наших моряков ездили и ходили по окрестностям Копенгагена. Проголодавшись на прогулках, они заходили в домики крестьян, там их гостеприимно принимали, угощали чем могли, отказываясь часто брать за это плату.

15 сентября «Сенявин» и «Моллер» вышли в море. Переход до Портсмута был сделан при очень сильном шторме.

Вечером 23 сентября подошли к знаменитому Галоперскому маяку как раз в то время, когда его зажигали.

«Большое волнение качало его так ужасно, – говорит Литке в своем донесении, – что голова кружилась смотреть на него, и нельзя было не пожалеть сердечно об участи на нем живущих. Одна только закоренелая привычка к морю может сделать такое положение сносным. Поэтому здесь в смотрители маяков определяются старые, выслужившиеся моряки».

137

На другой день подошли к острову Уайт, а вечером 25 сентября шлюпы стали на якорь на Спитхедском рейде поблизости друг от друга.

Стоянка здесь продолжалась около месяца. В Лондоне купили нужные экспедиции астрономические и физические инструменты, в Портсмуте – цепные канаты и якоря.

Литке производил опыты над постоянным маятником в Гриничской обсерватории. Опыты принадлежали к числу самых трудных в опытной физике. При производстве их Литке помогали заинтересовавшиеся гриничские астрономы, три капитана английского флота и секретарь адмиралтейства.

В свободное от службы и работ время наши моряки съезжали на берег. Англичане показывали свои доки, портовые мастерские, арсенал, адмиралтейство, два линейных корабля: «Виктория» и «Леандр».

«Виктория» стояла на рейде с поднятыми флагами, означавшими знаменитый сигнал адмирала Нельсона, поднятый на этом корабле перед началом Трафальгарского сражения: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг».

«Леандр» чинился в доке. Этот корабль английского флота был взят в 1798 г. французами близ египетских берегов, но в следующем году отнят у них в Корфу русским флотом и по дружбе с Англией подарен ей императором Павлом I. Много рассказов о Трафальгарском сражении выслушали наши моряки от англичан.

21 октября все работы и расчеты с берегом были закончены, и на другой день «Сенявин» и «Моллер» вышли в море и направились к Канарским островам. Свежий попутный ветер быстро подгонял корабли, и скоро Портсмут остался далеко позади. К вечеру миновали портландские маяки – последний пункт берегов Европы, и на следующее утро шлюпы были в открытом океане,

«Ветер здесь почти попутный – был сильнейший шторм, – писал Литке, и качка, какую мы испытывали, превосходила всякое описание. Выход из Английского канала поздней осенью есть подвиг, на который мореходец всегда решается с некоторым беспокойством».

Вскоре по выходе из Портсмута ночью во время бури «Сенявин» и «Моллер» потеряли друг друга из вида. На всякий случай командиры шлюпов условились перед выходом в море встретиться на острове Тенериф, а затем идти вместе в Южную Америку в Рио-де-Жанейро.

3. НА КАНАРСКИХ ОСТРОВАХ. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН. В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

2 ноября рано утром «Сенявин» подошел к Канарским островам и начал заходить на Санта-Круцкий рейд острова Тенериф. Издали виднелись залитые солнцем здания Санта-Круц, вытянувшиеся в одну линию. На дальнем мысе несколько ветряных мельниц. Две высокие колокольни, одна – четырехугольная, другая – цилиндри-

138

ческая с колоннадой.. Небольшой мол для шлюпок. Над всем этим – массивы гор, теряющие свои вершины в облаках и тумане. На рейде стояло несколько судов. «Моллера» среди них не было. Подойдя к берегу, сенявинцы увидели на отмели перед самым городом торчавшую из воды кормовую часть довольно большого судна, а на берегу недалеко от нее – несколько палаток из парусов. «Не «Моллер» ли это разбился?» – промелькнуло в голове Литке.

В это время навстречу «Сенявину» лавировал английский бриг. Литке опросил его и узнал, что обломки разбитого корабля принадлежат гаваннскому судну, выброшенному на отмель бурей, свирепствовавшей несколько дней назад.

Прибывший на шлюп портовый лоцман поставил «Сенявина» на якорь в полумиле от берега. Вскоре на шлюп приехали торговцы с фруктами и цветами, прачки, поставщики провизии, продавцы вина, привезшие для пробы целые ящики маленьких бутылочек манзаниллы, малаги, амантиляды, дон-педрохименец, хереса и других испанских вин.

После взаимного обмена артиллерийскими салютами шлюпа и крепости Литке съехал на берег в сопровождении депутации, присланной к нему губернатором островов с приветствиями и предложениями услуг.

По рассказам tenerифских властей, за несколько дней до прибытия «Сенявина», 27 октября, над Канарскими островами пронесся ужасный ураган, причинивший огромные опустошения и потопивший на Санта-Круцском рейде три судна. У соседнего острова Канарии было разбито десять судов. Ураган сопровождался небывалым ливнем, причинившим много вреда. Хлынувшая с гор вода снесла много построек за городом, смыла почти совсем одну из крепостей, несколько пушек с нее унесло в море; от десятков плантаций не осталось и следа. Число жертв превышало четыреста человек, убытки достигали пяти миллионов пиастров.¹ Во время урагана произошло повторившееся несколько раз землетрясение.

О шлюпе «Моллер» здесь не было никаких известий. Литке пришел к убеждению, что он направился прямо в Бразилию, не заходя на Канарские острова, а потому, дорожа временем, решил простоять на Tenerифском рейде только двое суток для пополнения запасов свежей провизией и пресной водой.

Это решение очень не понравилось естествоиспытателям экспедиции, которые собирались совершить восхождение на вершину tenerифского Пико-де-Тейде² и посвятить несколько дней обозрению главнейших естественных достопримечательностей острова.

Команду и офицеров шлюпа Литке разделил на две смены и разрешил им по очереди съехать на берег и познакомиться с городом и его окрестностями.

По мере приближения к берегу отчетливо вырисовывались оживленный порт, маленький город, белый мол, пестрая толпа на

¹ Пиастр – 5 рублей 25 копеек золотом по курсу того времени.

² Пико-де-Тейде – погасший вулкан. Высота его 1220 м.

139

берегу. Тут были испанцы, негры, арабы, цыгане и другие национальности. Высадившись на берег, моряки направилась в город. Почти на каждом шагу им встречались следы разрушений от урагана: взрытые мостовые, разрушенные стены и дома. Морякам очень хотелось посмотреть Пико-де-Тейде, вершина которого

скрывалась в облаках, но от этого пришлось отказаться за краткостью стоянки.

За городом шли деревушки с низенькими белыми домиками под плоскими крышами, фермы, прятаящиеся среди пальм, фруктовых деревьев и виноградников.

Вечером почти пустые в дневную жару улицы пестрели яркой и шумной толпой.

Естествоиспытатели экспедиции съездили в Лагуну и Оратаву, находящиеся на северной стороне острова. В Лагуне натуралисты осмотрели необыкновенный ботанический сад, где собраны все растения, встречающиеся в тропической полосе мира.

4 ноября «Сенявин» ушел из Тенерифа в Бразилию. Вскоре наступило безветрие, томившее моряков десять дней. Бывали дни, когда корабль за сутки продвигался вперед только на четыре мили. Жизнь на шлюпе текла однообразно, но не скучно. Помимо общих артиллерийских учений, пожарных и водяных тревог, занятий по специальностям и грамотности, службы по кораблю, все находили себе какое-нибудь дело: читали книги из судовой библиотеки, вели дневники, играли в шахматы, домино, трик-трак, занимались музыкой и пением.

Мимо островов Зеленого мыса «Сенявин» прошел при сильном шторме и проливном дожде. 23 ноября шлюп опять попал в полосу безветрия и продвинулся за две недели только на три градуса широты, и то лишь пользуясь довольно частыми шквалами, сопровождаемыми жестокими грозами и ливнями. Когда шквалы проходили, моряки страдали от безветрия и зноя. Всякое облачко на горизонте встречалось с радостью, как предвестник ветра, но чаще всего оно исчезало, не защитив истомленных моряков от палящих лучей солнца.

Наконец, «Сенявин» дождался юго-восточного пассата, который дал возможность 13 декабря после сорокадневного плавания от Канарских островов пересечь экватор. Переход через экватор, как знаменательное событие в жизни моряков, был торжественно отпразднован. Корабль вымыли, вычистили, покрасили и осветили фонарями. Офицеры надели парадную форму, матросы первый срок своего обмундирования и, в сосредоточенном молчании, стоя во фронте, ждали заветной минуты.

В момент перехода через экватор были подняты стеньговые флаги и произведен салют в одиннадцать выстрелов. Литке поздравил офицеров и матросов с прибытием в южное полушарие. Моряки прокричали девять раз «ура» и выпили приготовленный пунш, поздравляя друг друга.

Появился матрос, одетый Нептуном, с трезубцем, короной и белой бородой.

– Кто осмелился задеть килем нос моей супруги? – закричал он.

140

Старший офицер лейтенант Завалишин ответил:

– Российский военный шлюп «Сенявин».

Тогда Нептун окатил из ведра водой каждого, кто в первый раз переходил экватор. Все очень охотно приняли это крещение. Из всего экипажа только один капитан не подвергся освежающему душу: переход экватора для него не был новинкою.

Для команды устроили угощение. Сварили свежий суп с картофелем, спаржею, тыквою и зеленым горошком, на каждые пять человек были зажарены по две утки с яблоками и сделано по сладкому рисовому пудингу. Кроме того, каждый получил по бутылке английского портера. Веселье было общее и продолжалось до глубокой ночи.

Вообще Литке делал все возможное, чтобы развлекать и веселить матросов, считая, что веселое и бодрое настроение способствует здоровью и вместе с тем делает приятною службу.

По праздникам у матросов бывали вечеринки, маскарады, спектакли, для которых они сами сочиняли пьесы. Неграмотным были розданы азбуки, умеющим читать – книги. Мичманы и штурманские кондукторы учили матросов грамоте. Чтение было одним из самых любимых общих занятий, учителя были всегда окружены очень внимательными слушателями.

Пользуясь штилями и маловетрием, моряки охотились на корме шлюпа за чайками и альбатросами с помощью обыкновенных рыболовных удочек. Пойманных альбатросов всегда отпускали на волю, предварительно навесив им на шею медные дощечки с

надписью названия судна, года, месяца и числа и долготы места. Размер крыльев у некоторых из пойманных птиц достигал 4,35 м. Альбатросы не могли взлетать с палубы, они били крыльями по палубной настилке до изнеможения. Их приходилось поднимать завернутыми в флагдук на марс, и тогда только, легко взмахнув крыльями, они быстро улетали.

27 декабря вечером, во время жестокой грозы и сильного дождя, «Сенявин» вошел в бухту Рио-де-Жанейро. По берегам ее блестели тысячи огоньков улиц и набережной. Казалось, по этим огонькам можно нарисовать весь город. Бухта углубляется на 12 миль в материк, так что отдаленные берега его едва видны. Она усеяна многочисленными островами, а берега испещрены небольшими заливчиками, то видимыми, то скрытыми между холмами. Берега суживаются у входа, где конусообразный пик – Сахарная Голова – выдвинулся вперед, как бы желая сблизиться с противоположащей крепостью Санта-Круц.

Город Рио-де-Жанейро расположен амфитеатром на левом берегу. Много домов и церквей раскинулось в живописном беспорядке по холмам и долинам. Близ города несколько островов заняты укреплениями и адмиралтейством. Между ними – обширный рейд с большим количеством судов.

«Сенявин» стал на якорь в полукилометре от «Моллера», пришедшего сюда на десять дней ранее.

Отдав положенный салют нации, моряки отправились с визитами на стоящие здесь военные корабли и к береговым властям. Свобод-

141

ные от службы офицеры и матросы были отпущены в город. Бродя по улицам, они вышли на огромную площадь с дворцом, двумя церквями, с рынками и фонтаном в виде обелиска. К площади примыкали узкие улицы довольно странного вида: нижний этаж дома часто выкрашен в один цвет, а верхний – в другой; иногда пространство между двумя окнами было покрыто одной краской, а следующий простенок – другою. Такое же разнообразие было и в карнизах и в украшениях окон. У каждого здания было много балконов, расположенных без всякой симметрии.

В большом каменном здании рынка моряки заглядывали в расположенные вдоль стен лавки со всевозможной живностью: рыбой, попугаями, золотыми свинками, разной птицей, оригинальной посудой и пр. Центр рынка занимали продавцы фруктов и зелени. За лотками, заваленными апельсинами, бананами и другими фруктами, сидели бразилки, португалки и негритянки в живописных костюмах. У некоторых негритянок были на щеках метки – трехпродольные разрезы. Большинство торговки сидело под парусинными зонтами. Яркие костюмы, множество фруктов, цветов и зелени придавали рынку пестрый, восточный вид. Против рынка тянулась длинная широкая улица Воллонго. Здесь внизу каждого дома были лавки, где продавались негры.

Жестокость хозяев в обращении с невольниками была неопишима. Отчаяние рабов было подчас так велико, что они ели землю, чтобы скорее кончить свои дни. Если хозяин замечал это, то надевал на негра железную маску с двумя отверстиями для глаз и рта и не снимал ее по несколько дней. При всем этом бразильцы уверяли, что в Рио-де-Жанейро положение негров несравненно лучше, чем внутри Бразилии и в Вест-Индии. На базаре невольники сидели скорчившись в ожидании своей судьбы. Тут же находился надзиратель, обязанный показать покупателям товар в лучшем виде. По данному им знаку, невольники вставали, скакали с ноги на ногу, подпрыгивали, припевая. Надзиратель, держа в руке плеть, подщелкивал их и выкрикивал ругательства. Сделав выбор, покупатель выводил товар из рядов, осматривал его, поколачивал по разным частям тела, открывал и смотрел рот, словом, поступал так, будто покупал животное.

К вечеру попадалось много негров с кадками на головах, и улицы наполнялись зловонием. Кадки заменяли помойные ямы. Только благодаря исключительной ловкости и опытности негров кадки эти не падали с их голов и не обливали прохожих.

Встречая негритянку, моряки невольно смотрели на ее ноги: только свободные имели право носить башмаки. Свободные негритянки зачастую несли свои башмаки в руках, должно быть, для того, чтобы их не смешивали с невольницами.

В Рио-де-Жанейро «Сенявин» простоял пятнадцать дней. Ежедневно все не занятые

службою офицеры и матросы съезжали на берег. В городе были красивый театр, публичная библиотека, музей.

За городом по обеим сторонам дороги тянулись обширные дачи. На расстоянии 6-7 м от дороги стеною подымался девственный лес. Стволы деревьев едва проглядывали сквозь густую зелень

142

ползучих растений. Цветов было мало, но в некоторых местах горел, как звезда, на зеленом фоне одинокий страстоцветник. Земля по краям леса и дороги вся покрыта кустарником колючих мимоз. Естествоиспытатели Мертенс, Постельс и Китлиц почти все время пребывания в Рио-де-Жанейро проводили в окрестностях города и собрали огромные коллекции бабочек, насекомых, камней и растений, из которых многие имели целебные свойства. Литке усердно занимался астрономическими наблюдениями и физическими опытами. Для этого на все время стоянки он переселился с корабля в Прайя-Гранде, на восточную сторону губы, где нашел для своих работ удобное место. Он почти ни с кем не виделся, посвящая все время научным занятиям. Закончив свои труды, 10 января 1827 г. он возвратился на корабль и на следующий день известил командира «Моллера» о своей готовности к продолжению плавания.

4. К МЫСУ ГОРН. В ЧИЛИ: КОНСЕПЦИОН И ВАЛЬПАРАЙСО

12 января «Моллер» и «Сенявин» вышли в океан. Шлюпы держались поблизости и шли вдоль берега Южной Америки, пользуясь благоприятными ветрами. Предстояло обогнуть самую южную оконечность американского материка – мыс Горн.

Около Фальклендских островов большие стаи птиц и огромные косяки рыб окружили суда. Натуралисты обогатили свои коллекции многими интересными экземплярами. Моллеровцы и сенявинцы часто посещали друг друга и делились добычей охоты и рыбной ловли.

Мореплаватели так быстро переходили из одной широты в другую, что резко ощущали беспрестанные колебания температуры: недавняя жара сменялась довольно чувствительной свежестью. Почти до самой Огненной Земли корабли шли при ясной погоде и с попутным ветром. Но едва приблизились к ней, подул встречный порывистый ветер со шквалами, дождем и снегом.

4 февраля шлюпы подошли к Огненной Земле и стали огибать мыс Горн. Вечером поднялась буря с сильнейшим дождем. На следующее утро густая пасмурность покрыла весь горизонт. «Моллер» и «Сенявин» потеряли друг друга из вида. На звуковые сигналы и пушечные выстрелы ответов не получалось. Разлука с «Моллером» произвела тяжелое впечатление на экипаж «Сенявина». Капитан беспокоился, так как не знал, где теперь они могут встретиться. Предполагая, что согласно инструкции государственного адмиралтейского департамента «Моллер» должен зайти в бухту Консепцион, в Чили, Литке решил направиться туда.

Сильные ветры и большое волнение продолжались десять дней. В результате этого «Сенявин» мог пройти меридиан мыса Горн и войти в Великий океан только 13 февраля. Через десять дней шлюп прошел параллель Магелланова пролива (между Огненной Землей и Южной Америкой) и, таким образом, обошел Огненную Землю в 19 дней, что можно было считать удачным в это время года.

Было сыро, холодно, шел мелкий дождь со снегом и градом. Солнце выглядывало изредка. В течение трех недель дул сильный

143

пронизывающий ветер. Несмотря на это, настроение моряков было очень бодрое. В жилой командной палубе с утра до вечера топился камелек, в крошечных каютах офицеров и в кают-компани печей не было, и там было очень холодно.

Сильные попутные ветры быстро несли шлюп на север. Наконец, 27 февраля подул муссон. Стало теплее, море успокоилось. К губе Консепцион «Сенявин» подошел 3 марта перед восходом солнца.

Чили – страна землетрясений. По продолжительным наблюдениям в провинции

Концепцион их бывает в среднем 38 в год. За четыре года до прихода «Сенявина» в 1823 г. землетрясение в союзе с морем уничтожило окрестности Концепциона. Море сначала ушло из бухты, оставив корабли лежащими на боку, потом вдруг бросилось стеной в бухту и на берега. В две минуты были снесены город и все окружающие бухту селения. В продолжение часа это повторилось три раза, и на земле не осталось камня на камне.

Желая узнать о «Моллере», Литке послал в селение Талькагуан шлюпку с мичманом Ратмановым, но он не привез никаких известий. Решив, что капитан Станюкович прошел прямо в Вальпарайсо, Литке направился туда же. Утром 6 марта при тихом южном ветре «Сенявин» снялся с якоря. Дойдя до устья губы, шлюп встретил полное безветрие и принужден был стать на верп. Ночью налетел сильный шквал, которым сдернуло верп с грунта, и шлюп быстро понесло на камни, находившиеся недалеко от него. Обрубив канат от верпа и подняв паруса, «Сенявин» избавился от угрожающей ему опасности.

8 марта «Сенявин» снова вышел в океан и в туманное утро 18 марта подошел к Вальпарайсо. Здесь «Сенявин» встретил «Моллера», который пришел сюда на 12 дней ранее «Сенявина» и, запасшись всем необходимым, направлялся теперь на Камчатку. Обменявшись прощальными сигналами, «Сенявин» вошел в губу и стал на два якоря для большей надежности.

Вальпарайсо – главный порт Чили – лежит в 30 милях к западу от столицы Сант-Яго. Город расположен по берегу полукруглой открытой губы, у самого подножия крутых Кордильерских гор. В северо-восточном направлении виднеются туманные очертания Анд. С соседних холмов эти горы кажутся значительно яснее и величественнее. Особенно великолепен огромный, неправильной конической формы вулкан Аконгагуа высотой около 7000 м.

Через Вальпарайсо Чили ведет крупную торговлю. Вывозятся пшеница, кожи, вяленая говядина, фрукты, молочные продукты. Ввозятся почти все европейские товары.

Рейд Вальпарайсо всегда покрыт десятками военных и коммерческих судов всех наций. Литке с несколькими офицерами поехал в город с официальными визитами властям.

Губернатор принял русских моряков очень приветливо, выразив свою готовность помочь им во всем. Дома в городе были большею частью двухэтажные кирпичные, оштукатуренные и крытые черепицей. Вокруг каждого дома в верхнем этаже шел балкон-веранда.

144

Некоторые здания, преимущественно принадлежащие англичанам, были построены на английский образец.

Миновав центральную часть города, моряки забрели в предместье Квебрадас – ущелья в горах, облепленные маленькими хижинами, в которых ютилась большая часть населения Вальпарайсо. Эти жилища сообщались между собою и с городом узкими тропками, проложенными по утесам и скалам, без всяких перил или уступов. В виде исключения к немногим домам богатых иностранцев были проведены тропинки со ступеньками, чилийцы считали это излишней роскошью.

По берегу моря моряки пришли к местному адмиралтейству. Оно окружало небольшую бухту и защищалось редутом Сант-Антонио. Несколько полузарытых в песке якорей и пушек, столько же вытасненных на берег полустгнивших шлюпок, длинное, похожее на сарай строение, охранявшееся единственным во всем адмиралтействе часовым, несколько котлов, бочек и прочее – таков был наружный вид заброшенной колыбели чилийского военного флота.

Бегло осмотрев адмиралтейство и продолжая путь по берегу, моряки подошли к крепости Сант-Антонио. Ворота ее были отворены, и они вошли туда. В двух шагах от ворот стоял и дремал часовой, трое тут же спали. Редут Сант-Антонио был вооружен восемью медными 18-фунтовыми пушками французского литья и двумя полевыми орудиями. Вероятно, он был недавно исправлен, так как все было в порядке.

Отсюда моряки вернулись в город через предместье Альмен-драль. Тут, как и в

предместье Квебрадас, дома были все мазанные, крытые пальмовыми ветвями, с одним окошком на улицу, но были между ними и сделанные из глины, смешанной для крепости с соломой. Изредка встречались дома из древесных ветвей, с двух сторон обмазанные глиной. Кроме того, были дома-беседки, или балаганы, сплетенные из валежника. Печей в домах не было. Зимой они обогревались жаровнями с горящими углями. В домах европейцев устраивались камины, которые привозили из Англии и Франции. Дома казались уродливыми, непрочными, неправильно расположенными, но не надо забывать, что здесь всем управляют землетрясения. Поэтому жилище строят так, чтобы при разрушениях было возможно меньше вреда, а возобновление стоило бы дешево, без затраты большого труда и времени.

Литке нашел очень удобное место в конце предместья Альмен-драль для производства астрономических и магнитных наблюдений. В доме купца Альвареца он нанял верхний этаж из шести просторных комнат, прихожей, кухни и комнаты для слуг. В двух комнатах поместился сам с инструментами, три комнаты предоставил естествоиспытателям и одну комнату - штурману Нозикову. Дорожа временем, Литке вставал в пять часов утра и целый день занимался научными работами.

Съезжая на берег, сенявинцы часто прогуливались среди толпы рабочего народа. Многочисленные пульперии (места увеселений простонародья) были всегда переполнены. Моряки слушали пение, музыку и смотрели на танцы. Туземные оркестры состояли из арфы,

145

гитары и барабана, иногда к ним присоединялись погремушки, жестяной цилиндр с камешками, производящий треск.

Женщины одевались по-европейски. В будни они носили на шее платок и волосы зачесывали за уши; в праздники надевали нарядные платья, волосы завивали и украшали цветами. Местные женщины отказывали себе во всем, чтобы показаться в праздник в шелковых чулках, стоящих не менее восьми пиастров и годных только для четырех - пяти раз.

Несмотря на то что в пульпериях веселился только самый низший класс населения, путешественники ни разу не видели там ни драки, ни ссоры. Туземцы уступали морякам лучшие места, угощали пуншем и никогда не выказывали ни навязчивости, ни дерзости.

Собрав богатейшие коллекции флоры и фауны окрестностей Вальпарайсо, натуралисты решили воспользоваться оставшимся временем для посещения Кильоты, небольшого города в 20 км к северо-востоку от Вальпарайсо, где природа имела совсем другой характер. К ним присоединился Литке с большинством офицеров.

Из Вальпарайсо вели две дороги: одна вдоль морского берега до реки Конкон и потом по ее берегу; другая - внутри страны, через город Лимачу. Путешественники решили ехать туда первым путем, а возвращаться другим. В путь выступили рано утром 30 марта. За Альмендралем пришлось подниматься на крутые лесистые горы и спускаться в живописные овраги. В этих местах укрывались шайки разбойников, и дорога была не безопасна. Миновав горы, спускались в пустынную скучную равнину, на которой только изредка встречались обозы с фруктами. Недоезжая нескольких километров до Кильоты, моряки спустились в Кильотскую долину - сад Чили, лежащую у подножья высоких Кордильер. Наивысшая тут гора Компана (колокол) - 1950 м. Долина чрезвычайно живописна. Куда ни помотришь - всюду роскошная зелень: маленькие и большие квадратные садики с виноградниками, апельсиновыми, оливковыми и другими фруктовыми деревьями. На горах большие стада коров, овец и коз.

Долина снабжает Вальпарайсо овощами, фруктами и молоком. Название Вальпарайсо - райская долина - справедливее было бы присвоить Кильоте и ее долине. Изнемогая от жары и усталости, путешественники добрались до Кильоты. Долго блуждали они по безлюдным улицам, пока отыскивали гостиницу, владельцем которой был англичанин Гринвуд.

Вероятно, такие туристы, как наши моряки, бывали здесь редко: местные жители, встречаясь с ними, останавливались и с удивлением осматривали их с ног до головы. Мальчишки ходили за ними по пятам и кричали! «Руссианос! Руссианос!»

Когда живописец Китлиц расположился в одном месте рисовать, они едва не забросали его камнями. Их с большим трудом отогнали женщины, которые были очень деликатны и приветливы.

Гринвуд за недостатком свободных комнат в гостинице устроил путешественников в просторном сарае. Несмотря на усталость, мо-

146

ряки не могли заснуть ни на одну минуту, так как блохи, не давали покоя. С первыми лучами солнца они были уже на ногах и, разбившись на маленькие партии, отправились осматривать город и его окрестности. Город Кильота, лежащий в котловинной долине у подножья гор, выстроен правильным квадратом, каждая из сторон которого равна приблизительно 2 км.

В центре города – большая площадь с красивой церковью. При каждом доме – большой фруктовый сад с персиковыми деревьями и финиковыми пальмами. Наружный вид домов очень угрюм. Обыкновенно в них было одно окно с решеткой. Улицы пустынные, но магазинов много. Из домов часто доносились игра на фортепиано и пение. Посмотрев город, моряки пустились обратно через Лимачу. Измученные 45° жарой и полным отсутствием ветра, едва держась на лошадях, они прибыли в Лимачу. Только расположились на отдых – на улице раздался громовой треск и непроглядная пыль наполнила воздух. У моряков мелькнула мысль: не землетрясение ли?

– Что, что случилось? – спросили они.

– Ничего особенного. Соседний дом развалился. Это здесь часто случается, – равнодушно ответила хозяйка.

Чилийские домики легко строятся, легко и разваливаются.

Когда дневной зной спал, путешественники сели на коней и отправились в Вальпарайсо. Вскоре они сбились с дороги и заблудились. На «Сенявин» моряки добрались с большим трудом.

Припасы были доставлены на шлюп поздно вечером. В городе и на судах, стоящих на рейде, зажглись иллюминации, пускались ракеты. На другой день, 3 апреля, «Сенявин» вышел в море, прямо в столицу Аляски, в город Новоархангельск.

5. ОТ ЧИЛИ ДО НОВОАРХАНГЕЛЬСКА

Выйдя в океан, «Сенявин» встретил сильный северо-западный ветер, в это время года обыкновенно здесь не дующий. Исполинские горы волн вздымались и стремительно падали в разверзавшиеся пропасти. Над ними носились облака водяной пыли. Волны с ревом вкатывались на корабль то с носа, то через борт и заполняли внутренние помещения. Ветер свистел между снастями. Пришлось наглухо законопатить люки, и находившиеся в жилых палубах люди лишились света и воздуха.

Шлюп бросало, как щепку. В каютах было невозможно оставаться. Матросы толпились на верхней палубе, держась за протянутые леера. На штурвал вместо одного поставили четырех рулевых. Командир безотлучно находился на верхнем капитанском мостике.

Пять дней продолжался ураган, затем стал стихать. Повреждения корабля были довольно тяжелые, но после нескольких дней усиленной работы всего экипажа самое необходимое было починено.

Дальнейшее плавание до Новоархангельска прошло при самой благоприятной погоде. После бури командир шлюпа приказал по-

147

ставить, команду и офицеров во фронт и обратился к ним с приветствием:

– Благодарю вас за вашу молодецкую работу во время урагана. Вы прекрасно знаете, что плавать в море всегда приходится борясь со всякими трудностями. Надо уметь их преодолевать. Мы плывем теперь по Великому океану, совсем еще мало изученному европейцами. Среди его громадного пространства могут быть расположены никому не известные острова, большие и малые, населенные разными народами, а также неведомые мели, камни и рифы. До сего времени мы плыли по хорошо

обследованному Атлантическому океану и более или менее известному пути Великого океана вдоль берегов Южной Америки. Теперь же мы вступили в области океана, по которым не проплывал еще ни один мореплаватель. Каждую минуту мы рискуем встретить что-нибудь неожиданное. Посему особенно прошу вахтенных начальников, сигнальщиков и вперед смотрящих сверху мачты как можно внимательнее смотреть вокруг корабля. Обо всем замеченном немедленно мне докладывайте. Если кто-нибудь из вас откроет что-либо новое, неизвестное в географии и лоции, то я того награжу в размере предоставленной мне власти. Наоборот, если кто-либо проявит невнимание и прозевает остров, камни или мель, придется тому отвечать перед корабельным судом. Если же от такой небрежности произойдет авария, то ответит перед судом особой комиссией... Я надеюсь, что весь экипаж шлюпа проникнут горячим желанием послужить не за страх, а за совесть и что я должен буду только награждать отличившихся и благодарить за усердие к службе.

На случай неожиданного открытия земли или опасности на шлюпе были приняты все меры. Якоря приготовлялись к отдаче. Днем один матрос находился на самом верху мачты. К ночи паруса всегда убавлялись, внимание увеличивалось. Во всякое время дня и ночи весь экипаж был готов моментально занять свои места. Но все эти благоразумные и предусмотрительные меры оказались напрасными. На всем переходе от Вальпарайсо до Новоархангельска шлюп не сделал никаких открытий.

Литке говорил по этому поводу: «Открытие предполагаемых островов, коих существование, невзирая на малый наш успех, кажется мне несомненным, ожидает счастливейшего нас мореплавателя».

Пройдя до параллели на триста миль к западу от Вальпарайсо, «Сенявин» взял курс к Сандвичевым островам. Литке рассчитывал открыть неизвестные острова в этой совершенно не исследованной части Великого океана. Кроме того, он намеревался сделать наблюдения над магнитною стрелкою вблизи магнитного узла, то есть точки пересечения земного и магнитного экваторов. По исследованиям физиков, магнитный узел лежит в долготе 130° к западу от меридиана Гринича. Наблюдения эти могли дать важные для теории земного магнетизма материалы.

148

4 мая «Сенявин» перешел магнитный экватор в широте $2^{\circ}20'$ (южной) и долготе $132^{\circ}40'$ (западной). Двигаясь переменными курсами, вблизи этого места Литке сделал ряд очень ценных измерений величины и направления магнитной силы, которые давали возможность точнее, чем ранее, определить положение магнитного экватора относительно земного.

Эти наблюдения, произведенные над степенью магнитной силы, подтвердили известный закон, что магнитная сила в Великом океане больше, чем в Атлантическом, при тех же магнитных широтах.

8 мая «Сенявин» перешел земной, экватор в долготе 127° (западной) и направился в Новоархангельск.

В продолжение плаванья «Сенявина» в тропической полосе рыб и морских животных встречалось мало, но едва он вышел на север, стало появляться множество разных видов морских червей, которыми чрезвычайно интересовались не только натуралисты, но и весь экипаж. Необыкновенное разнообразие форм, грациозность движений, нежные переливы окраски этих животных заставляли изумляться творческой силе природы.

Более всего моряков удивляло животное, называемое лепос, прилепляющееся к другому – велелла. Питаясь и возрастая за его счет, оно разводит семейство из десяти – пятнадцати подобных себе существ, одно от другого не зависящих, но не желающих отделиться от общего центра, на котором они выросли.

Это странное существо встречалось на поверхности океана параллельными полосами, простирающимися иногда в длину за пределы зрения. Ни сильное волнение, ни движение судна не могли расстроить этих полос. Заметно было, что положение их всегда соответствовало направлению течения.

После 71 дня перехода от Вальпарайсо, 12 июня, «Сенявин» вошел в Ситхинский залив Русской Америки.

Приближение шлюпа было заметно с наблюдательного пункта Новоархангельска,

лежавшего в глубине этого залива. Портовые власти выслали навстречу ему лоцмана, проведшего шлюп в военную гавань города.

6. В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Мореплавателю, впервые увидевший северо-западный берег Америки, поражаюсь его живописною дикостью. Высокие остроконечные горы, от вершины до подошвы покрытые лесом, круто спускаются в море. На вершинах некоторых из них белеет снег.

Ко времени прихода «Сенявина» в Новоархангельске на месте дремучего леса стоял ряд прекрасных зданий. Порт и крепость были отлично оборудованы. Там были адмиралтейство, кораблестроительная верфь с несколькими элингмами и всеми нужными для постройки и починки судов мастерскими и складами, длинный на сваях мол, деревянная пристань на каменном фундаменте, флигели для служащих, общежития для холостых и отдельные дома

149

для женатых рабочих, бани, аптека, больница, морское собрание, школа и церковь.

Население города состояло из 900 человек русских, креолов и алеутов. Значительная часть их каждую весну отправлялась на небольших судах в море на промыслы.

Огромная отдаленность здешнего края от Европейской России и редкое, затруднительное сообщение с нею составляли одну из неприятнейших сторон жизни. Почта получалась один раз в год, осенью. Ее привозили суда из Охотска. На них приезжали и вновь поступившие на службу. Это важное событие приводило весь город в движение на несколько недель; так было и весной, когда суда отправлялись в Охотск, увозя отслуживших свои сроки, почту, ответные письма и прочее.

На службу компании стремились поступить наиболее активные флотские офицеры. Многие из них принимали участие в научных исследованиях Аляски и островов Берингова моря и оставили ценные научные труды, не потерявшие своего значения до настоящего времени.

Главному правителю колоний были предоставлены большие административные, военные и политические права. Диктаторская власть его распространялась на все принадлежавшие России земли по берегам Великого океана, в северо-западной Америке и северо-восточной Азии.

Во многих местах на Аляске и на островах были построены крепостцы, арсеналы, запасные магазины, лазареты и начальные школы.

Все острова Ситхинского архипелага были покрыты мачтовым лесом, что давало возможность строить корабли, не выходя из Ситхинского залива.

Построенные здесь суда служили, впрочем, недолго вследствие слабого качества леса и недостаточного его высушивания перед употреблением в дело. Гребные суда здешней стройки были самого лучшего качества. Иногда главная контора Российско-американской компании покупала суда, приходившие из США.

Командовали судами офицеры военного флота. Суда содержались чисто, даже щеголевато, дисциплина на них была военная. Компанейские суда совершали рейсы в Охотск, Вальпарайсо, Калифорнию и на Гавайские острова. На судах отправляли для продажи железо, сталь, свинец, медную, стеклянную, фаянсовую и фарфоровую посуду, сукна и шерстяные товары, веревки, сахар, пуховые шляпы, галантерею, табак, лес, свечи и воск. Привозили на них пшеницу, ячмень, бобы, масло, сало, сушеное и соленое мясо, соль, сырые кожи и мыло.

Сношения с Гавайскими островами развивались с каждым годом, но в 1814 г. временно прекратились по следующим обстоятельствам.

Посланное Барановым судно «Беринг» было выкинуто бурей на берег острова Атуая. Туземцы разграбили груз, а король острова Томари отказался выдать представителям Российско-американской компании захваченные товары.

150

Тогда Баранов послал в 1815 г. для переговоров с королем всех Гавайских островов

Камеаеа доктора Шефера. Камеаеа сначала принял доктора благосклонно, но слухи, распускаемые американцами, что русские желают завладеть Гавайскими островами, изменили это отношение.

Шефер отправился к королю Томари и, оказав ему медицинскую помощь, снискал к себе его неограниченное доверие и расположение. Томари не только согласился исполнить все требования Баранова, но, по внушению Шефера, провозгласил себя независимым от Камеаеа королем и обратился к императору Александру I с просьбой принять его и весь подвластный ему народ под покровительство России. Шефер обещал Томари доставить для овладения островами Камеаеа пятьсот солдат и несколько вооруженных судов, а король обязался уплатить за это компании сандаловым маслом. Командование всеми войсками Томари доктор Шефер принимал на себя.

Но из этой затеи Шефера ничего не вышло, так как Александр I не признал возможным осуществить соглашение, опасаясь испортить свои отношения с Англией. Он только послал королю большую золотую медаль, с надписью: «Владетелю Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его с россиянами», кортик в золотой оправе и шелковый плащ с кистями и позументами.

Русские, прибывшие на разбившемся корабле «Беринг» и вновь пришедших в распоряжение Шефера судах «Ильмень» и «Кадык», поселились на островах Атуайе и Оаху и завели там свои фактории. Но в 1816 г. американцы подговорили туземцев захватить все имущество русских, а самих их заставили погрузиться на свои корабли и возвратиться в Новоархангельск.

Попытка Шефера прочно водворить русских на Гавайских островах обошлась Российско-американской компании в двести тридцать тысяч рублей. Авантюрист Шефер приобрел впоследствии

известность на службе Бразильской империи и получил титул графа Франкентальского. В 1818 г. торговля с этими островами возобновилась.

В 1860 г. у Российско-американской компании было четырнадцать больших, прекрасно оборудованных пароходов и несколько десятков паровых и парусных судов. Внешняя торговля производилась с Канадой, Калифорнией, США, Чили, Китаем и Сандвичевыми островами.

Прибытие шлюпа в Новоархангельск было большим событием. Всех охватило праздничное настроение. Жители выражали искреннюю радость; некоторые моряки нашли в Новоархангельске своих родных и знакомых.

«Сенявин» простоял здесь пять недель. Время прошло в разных занятиях, в починках корпуса судна и его парусного вооружения. Наиболее трудным делом была выгрузка товаров Российско-американской компании, лежавших в самом низу трюма. Вместо них взяли 35 тонн каменного балласта.

Начальник колоний, капитан 2 ранга Чистяков, старался доставить морякам возможно более удобств. Литке был предоста-

151

влен дом одного из главных чиновников колониального управления; натуралистам отвели особняк. В их распоряжение были назначены байдары с гребцами для разъездов по окрестностям. Команде «Сенявина» Чистяков подарил 720 кг пшеничной муки и две бочки малинового варенья.

Ежедневно с восьми часов утра до пяти дня матросы занимались судовыми работами, по окончании их ловили рыбу и охотились на морских зверей. В свободные минуты Литке, натуралисты, офицеры и штурманы изучали природу, быт населения, систему управления Российско-американской компании и порядки, царившие там.

К середине июля шлюп был готов к продолжению плавания. К этому времени Литке закончил астрономические и физические наблюдения, которые производил на острове Ситха. Результаты их вместе с письмами и донесениями он передал Чистякову для пересылки в Россию. Натуралисты собрали редкие образцы местной флоры и фауны. 19 июля «Сенявин» оставил Новоархангельск.

7. В АЛЕУТСКОМ АРХИПЕЛАГЕ

К западу от полуострова Аляски, почти на 53° северной широты, тянется по направлению к Камчатке на 1800 км, как бы отделяя длинным барьером Берингово море от Великого океана, Алеутский архипелаг – цепь островов с огнедышащими вулканами и скалистыми берегами. За этим естественным барьером сразу лежит самая суровая область северной части Великого океана.

Летом там почти непрерывно держатся густые туманы. Зимой море загромождено громадами плавающих льдов. В лесах и низменных долинах Алеутских островов растут великолепные травы, а на северных склонах только мхи да лишай. Отдельные вершины островов достигают 1830 м высоты.

Климат острова сырой, но не холодный. Средняя температура года +3°. Летом редко бывает более +15°, зимой столь же редко опускается ниже -15°. На островах с успехом разводятся капуста, репа и картофель.

По выходе из Новоархангельска «Сенявин» направился в Алеутский архипелаг, к острову Уналашка. Главный правитель колоний отправил на шлюпе пшеницу для населения островов. На Уналашке нужно было взять байдару и двух гребцов-алеутов для исследовательских работ в Охотском и Беринговом морях. Тяжелый переход от Ситхи до Уналашки в туманах, дождях и штормах продолжался более трех недель.

9 августа шлюп подошел к Уналашке. Берега острова удивительно живописны: высокие, скалистые горы покрыты нежною зеленью, много стремительных водопадов.

«С самой Бразилии не видели мы картины столь приятной и веселой. Ни пожженные палящим солнцем горы Чили, ни угрюмые, хотя и великолепные, леса ситхинокие не представляют ничего подобного», – писал Литке.

152

Шлюп подошел к Капитанской гавани. Из селения Иллилюк вышли две 16-весельные байдары, которые отбуксировали судно в гавань. Селение приветствовало «Сенявина» семью пушечными выстрелами, явившийся на шлюп правитель острова Петровский поднес хлеб-соль и пригласил Литке посетить его.

Шлюп простоял десять дней, в течение которых была стружена привезенная пшеница, принята байдара с алеутами, произведены астрономические и магнитные наблюдения. Селение Иллилюк было административным центром Уналашкинского отдела. Там жило 12 русских промышленников с женами и 70 алеутов обоего пола. В алеутских юртах мореплаватели нашли такую удивительную чистоту, какой они не встречали в русских избах.

Остров Уналашка, самый большой из гряды Лисьих, сложен высокими скалистыми горами, одна из них – Макушинская сопка – высотой в 1570 м, огнедышащая. Вершины гор безжизненны и голы, ниже стелются мох и трава, в разлогах, по берегам ручьев, растут низкий ивняк и ольховник, по косогорам – ягоды и дикорастущие корни, которые потребляются туземцами в пищу. Один из этих корней считается целебным для глаз. Алеуты перед отправлением в путь едят его на ночь и уверяют, что на другое утро глаза бывают особенно чисты и ясны и различают на дальнем расстоянии малейшие предметы.

Уналашка очень нуждается в лесе, и жители собирают у берегов прибитые морем деревья, среди которых встречаются кипарисовые, камфарные и розовые с очень приятным запахом.

Местные алеуты хорошо говорили по-русски, заимствовали у русских образ жизни, одежду и пр. и охотно посылали детей в школу. Они добры, сметливы и ловки. Стихия их – море. Заморскую удаль и ловкость им дали прозвище – «морских казаков». Наиболее любимым спортом алеутов было броситься в воду с одного борта байдары и вынырнуть с другого или подгрести в сильный бурн к утесу, выскочить на него и оттолкнуть байдару ногою.

Алеуты – самый мирный и в то же время самый закаленный народ. Они почти никогда не дерутся между собою, об убийствах у них и не слышали. Терпение их почти невероятно. Алеут никогда не выражал сильной радости; даже ребенок, получив лакомство, казался совершенно равнодушным. Потребности алеута очень ограничены. Если у него были ружье, топор, табак и водка, он считал себя счастливейшим человеком. Он не льстив и не щедр на обещания, но на его слово и честность можно положиться. Алеут очень гостеприимен; с неимущим, особенно со

странниками, он готов поделиться последним. Алеуты не чужды общительности, иногда они устраивали игры, которым покровительствовали шаманы, уверяя, что эти игры очень приятны духам. Объяснялось это тем, что на играх бывало угощение, а шаманы – большие лакомки.

Однажды Литке с несколькими сенявинцами зашел в юрту, в которой происходили игры. К потолку были привешены на ремнях три жерди на значительном расстоянии одна под другою.

153

Каждый новоприбывший обязан был спуститься из верхнего отверстия юрты, перескакивая с жерди на жердь. Кто падал, подвергался насмешкам. Эта операция проделывалась при звуке бубнов и вскрикиваниях присутствующих. Когда гости сели по местам, началась пляска. Мальчик и взрослый алеут, опоясанные поясами, с повязками на руках и ногах, с шитыми шапочками на головах, скакали, ударяя в бубен. Потом вышли две женщины в вышитых козьей шерстью повязках. Перед ними положили надутую тюленью кожу и пузырь; эти вещи они поочередно брали в руки и с ними прыгали в такт бубна. Затем плясали женщины со стрелами в руках. После них несколько мужчин в масках изображали нечто вроде пантомимы под аккомпанемент монотонной песни.

Их сменили две растрепанные женщины с сивучьими усами в руках, которые принялись тыкать ими то в одного, то в другого из сидевших, приплясывая и припевая соответствующие, вероятно, каждому лицу куплеты.

Иногда островитяне развлекались другими играми. Сенявинцы очень удивились, увидев их играющими в карты, шашки и даже в шахматы. Этому они научились у промышленников.

Алеутская женщина в свободное от хозяйства время занималась рукоделием, вышивала, плела травяные рогожи, цыновки, мешки и корзины.

Для плетения собирали особую траву, сушили ее и разрезали ногтями на полоски нужной длины. Вместо ножниц мастерицы отращивали острый ноготь на указательном пальце. Этим ногтем они разделяли и жилы морских зверей на тончайшие волокна, из которых сучили прекрасные нитки для шитья платья и обуви. Иголки у них были костяные, без ушков, нитку привязывали в сделанной на игле зазубрине. Достав случайно европейскую иглу, работница-алеутка обламывала ушко и делала зазубрину на свой лад. На иголки шли ножные кости чайки, толстые и тонкие, смотря по надобности. Такими первобытными иглами алеутки вышивали узоры, которым позавидовали бы европейские рукодельницы. Материал выделывали из перепонки горла птиц, из козьей и оленьей шерсти и конского волоса. Вышивками оторачивали парки, пояса и нарукавники.

Одежда алеутов похожа на камчадалскую: женская мало отличается от мужской, на ней только больше бисера. Вместо бахромы пришивали иногда к подолу красные клювы топорка.

Мужчины не портили своего лица, а женщины украшали себя по туземной моде. Они натирали углем щеки от рта до ушей в виде двух полосок, а от нижней губы к подбородку делали одну широкую дорожку. В ушах носили серьги из четырех ниток бисера с кораллами, под нижней губой прокалывали два отверстия и вставляли в них длинную косточку. Голову женщины не покрывали; волосы разделяли поперек головы на две половины: нижнюю, большую, связывали пучком на затылке, переднюю зачесывали на лоб и обрезали над глазами челкою.

154

Из Уналашки «Сенявин» направился к островам Прибылова, географическое положение которых точно не было известно и которые надо было определить.

Прибыловские острова, Св. Павла и Св. Георгия открыты в 1786 г. штурманом Прибыловым, нашедшим здесь несметное количество морских животных. В короткое время он добыл здесь 2325 морских бобров, 3000 котиков, 8000 голубых песцов и другую пушнину. Кроме того, собрал 700 пудов моржевых клыков.

Жилище на острове Уналашка.

С сильным попутным ветром шлюп подошел на следующий день к острову Св. Георгия. На совершенно ровной его поверхности только в одном месте возвышался небольшой холм высотой около 90 м. На северной части острова виднелись несколько шалашей и высокая мачта с флагом Российско-американской компании. В одной миле от селения шлюп лег в дрейф и выстрелил из пушки.

Несмотря на большое волнение, из селения вскоре вышли две байдары и быстро понеслись к шлюпу. На одной из байдар был управляющий островом Резанцев. Он более двадцати лет был начальником острова и пользовался любовью и уважением и своих подчиненных и жителей всех Алеутских и Прибыловских островов. Резанцев получил от командира шлюпа привезенные на его имя бумаги от главного правителя колоний и вернулся в селение. Через час он прислал на шлюп трех живых котиков для коллекции натуралистов.

155

Главные горные породы острова – гранит и гнейс. Весь остров покрыт безлесной тундрой и только кое-где мелкими кустарниками. На острове жили 6 русских и 75 алеутов.

25 августа «Сенявин» подошел к юго-восточной оконечности острова Св. Матвея, и Литке начал его исследование. Работы продолжались целую неделю.

Остров Св. Матвея открыт лейтенантом русского флота Синдтом в 1766 г., при плавании его от Камчатки к Берингову проливу. С того времени многие мореплаватели видели этот остров, даже приставали к нему, но никто не исследовал и не описал его. Длина острова 28 миль. Южная оконечность его – мыс Отвесный – совершенно вертикальная остроконечная скала. Остров состоит из высоких холмов, разделенных низменностями, и в результате имеет вид нескольких отдельных островов. Низменности эти окружают открытые заливы, в которые только в тихую погоду могут заходить шлюпки. На острове нет ни одной гавани. Здесь в большом обилии водятся белые и голубые песцы и бродят табунами белые медведи.

Вся команда «Сенявина» съезжала по отделениям на остров, гуляла, собирала морозку, чернику, клюкву, бруснику, охотилась на песцов, урилов, ипатов, топорков, чаек и других птиц, которых было здесь множество. Около берегов сенявинцы ловили треску и палтус.

В 17 милях от мыса Отвесного лежит островок, названный Куком островом Шпицев и Башен. Литке обошел остров вокруг, чтобы подробно осмотреть его оригинальное строение.

Две почти отвесные скалы на высоте 90 м соединяются вместе длинным гребнем, столь острым, что держаться на нем могут только птицы. На гребне возвышается несколько десятков остроконечных конусов и пирамид. На северо-западной и юго-восточной оконечностях также высятся рядами тонкие остроконечные пики. Берега островка кажутся неприступными. Натуралисты экспедиции нигде не смогли к ним пристать: был очень сильный прибой.

Закончив исследование острова Св. Матвея и опись острова Шпицев и Башен, Литке направился к азиатскому берегу. 7 сентября «Сенявин» подошел к Командорским островам и лег в дрейф вблизи северо-западной части острова Беринга. Литке хотел узнать местонахождение главного селения Российско-американской компании, чтобы в следующем году посетить его. Теперь нужно было только отдать почту из Новоархангельска.

«Сенявин» сделал несколько выстрелов из пушек. Из глубины губы направилось к судну оригинальной формы парусное судно. Это были три сплоченные вместе байдары. На средней вместо мачты стоял большой кол, поддерживающий два шерстяных одеяла, заменявшие парус.

На судне приехал промышленник Сенков. Он сообщил Литке, что главное компанейское селение лежит в западной части острова в нескольких милях отсюда, а в этой губе постоянного селения промышленников нет, а только зимовье для промысла

156

песцов. Передав почту и снабдив земляка съестными припасами, Литке отпустил его.

«Сенявин» снялся с Дрейфа и продолжал путь к Камчатке, берега которой показались 11 сентября. На следующий день шлюп подошел к мысу Маячный, на котором при входе в Авачинскую бухту возвышался маяк.

8. НА КАМЧАТКЕ

К Петропавловску подошли вечером 12 сентября. Было уже темно, и «Сенявин» стал на якорь вне бухты, на следующее утро снялся, стал лавировать во внутренней части рейда и после нескольких поворотов вошел в самую гавань. Погода была великолепная. На вершинах гор блестел под солнцем снег. На ровной поверхности бухты, как в зеркале, отражались плившие по небу облака. Позади деревянного городка возвышалась красивая Авачинская сопка, а влево – сопки Козельская и Коряцкая. По другую сторону бухты громоздился Вилучинский вулкан. По красоте и величию горной природы Петропавловск не уступал наиболее живописным в мире городам: Рио-де-Жанейро, Сиднею, Неаполю.

Едва «Сенявин» стал на якорь, навстречу редким гостям вышло все население города – начальство области, портовые, уездные и городские власти, солдаты местного гарнизона, матросы, приезжие купцы, обыватели города. Все горячо приветствовали прибывших балтийских моряков.

Петропавловск по своему военному и коммерческому положению был столицей Камчатки и военным портом. В городе было 90 одноэтажных деревянных домиков. Над этими домиками возвышалась небольшая церковь; при ней были школа и садик с памятником командору Берингу.¹ Жителей в городе было около 200, а на всем полуострове Камчатки 9 тысяч.

После первого знакомства с моряками радушные обыватели наперебой приглашали их к себе в гости.

«Сенявин» простоял здесь до конца октября. Экипаж много поработал над выгрузкой и сдачей вещей, привезенных для Петропавловского и Охотского портов и для подготовки судна к зимней кампании.

Когда шлюп был готов к выходу в море, было получено известие о крушении вблизи Вольшерецка транспорта «Александр», который вез почту из России. Почта должна была быть доставлена через несколько дней сухим путем. Сенявинцы уже более

---

¹ Витус-Беринг (1680-1741) был знаменитым мореплавателем. Датчанин родом, он состоял на русской военно-морской службе в чине командора. Вторым (после казака Дежнева) Беринг прошел в 1728 г. пролив, отделяющий Азию от Америки и названный его именем. Он исследовал Камчатку, открыл несколько архипелагов (Алеутские, Командорские и другие острова. Во время второй своей экспедиции Беринг умер в 1741 г. на острове, названном его именем.

года не имели известий о родных, и, к общей радости всех подчиненных, Литке решил подождать прихода почты. Это время было использовано для строевых учений на берегу и для прохождения курса ружейной стрельбы.

27 октября прибыла почта, а 29 с попутным ветром «Сенявин» оставил покрытые уже снегом берега Камчатки и пошел в тихоокеанские тропики.

9. НА ОСТРОВЕ ЮАЛАН В КАРОЛИНСКОМ АРХИПЕЛАГЕ

Сильный северо-восточный ветер скоро вынес «Сенявина» из холодных туманов камчатских вод. Вскоре ветер переменился на южный, который с каждым часом крепчал и на следующий день превратился в жестокую бурю, продолжавшуюся несколько часов. После бури несколько дней дули тихие противные ветры.

Ввиду того, что много американских мореплавателей сообщало об открытии островов, которых никто после них не мог найти, Литке решил проверить справедливость их объявлений.

Среди этих островов значился и остров Колунас, в широте $28^{\circ} 9'$ (северной) и в долготе 128° (западной). Находясь близ этого пункта, «Сенявин» весь день 6 ноября провел в безрезультатных розысках. Продолжая свой путь к Каролинским островам, шлюп после длившегося более суток штиля получил 8 ноября северо-восточный пассат, дувший сначала очень сильно, а затем смягчившийся и доставивший сенявинцам успешное и спокойное плавание.

В этот день моряки поймали огромную рыбу луну – безобразнейшее из животных. Матросы несколько дней с удовольствием ели эту рыбу. Находившиеся же на шлюпе алеуты не хотели даже попробовать ее, говоря: «А зачем она без хвоста!»

10 ноября «Сенявин» пересек северный тропик и стал разыскивать остров Декстер, а 15 ноября – остров Св. Варфоломея, принадлежавшие к таким же мнимым открытиям, как и остров Колунас.

За все это время моряки не видели ни малейших признаков близости земли. 24 ноября утром сигнальщики «Сенявина» заметили остров Юалан, самый восточный Каролинского архипелага. К вечеру шлюп приблизился к нему на расстоянии 8 миль. На следующий день шлюп штилевал под северным берегом острова, в расстоянии 3-4 миль.

На берегу виднелось несколько домов. Около полудня к шлюпу направилась лодка с четырьмя голыми туземцами. Прибывшие на шлюп гости приглашали знаками русских на берег, где много кокосов и фруктов и где можно спать. Они уселись в кружок на палубу, говорили, смеялись, произносили часто и протяжно «уэ!» По их непринужденному обращению было видно, что «Сенявин» не первое судно, которое они посетили.

Вечером гости уехали.

За ночь шлюп отнесло миль на восемнадцать от острова. На следующий день, 25 ноября, «Сенявин» приблизился к западной

стороне острова, где, по описанию французского мореплавателя Дюперре, находилась гавань Ла-Кокиль. Литке намеревался стать там на якорь.

26 ноября с попутным ветром «Сенявин» подошел к северозападной стороне острова. Остров чрезвычайно красив*. Высокие горы вулканического происхождения покрыты пышной растительностью. Ручейки и речки, подобно серебристым нитям, сбегает с высот. Всюду разбросаны небольшие лесочки, сменяющиеся нежными лугами, зелень которых расстилается в тени хлебных деревьев и жилищ туземцев. Остров окружен коралловыми рифами и низменными островками.

Заметив между рифами пролив, Литке отправил на шлюпке лейтенанта Завалишина осмотреть его и лежащую за ним гавань. Когда убедились, что это гавань Ла-Кокиль, вошли в нее под всеми парусами. Ветер, дувший прямо из гавани, заставил

стать на якорь в самом устье. По обе стороны шлюпа в расстоянии 144 м были коралловые рифы. Желая стать посередине бухты, Литке стал продвигаться далее в глубину ее посредством завоза якорей.

Не успев до наступления ночи пройти узкого пролива, Литке решил остаться тут на якорю, считая это безопасным, так как сильного ветра ожидать можно было только с берега.

Желая показать дружелюбие, Литке позволил пускать на судно всех туземцев без исключения. От этого на палубах и в каютах трудно было пошевелиться; моряки были стеснены в работах. Самым досадным оказалось, что не все островитяне были честны: со шканцев пропали термометр в футляре и три кафель-нагеля.

Литке решил обязательно добиться возвращения пропавшего и предупредить возможность повторения подобных случаев.

Ночью разразилась буря, лил сильнейший дождь, море ревело, огромные волны грозно разбивались о близкие скалы; мелькавшие сквозь темноту буруны казались ближе, чем были на самом деле. В самую полночь с востока налетел жестокий шквал, сорвавший шлюп с якоря и верпов, поворотив его боком к ветру. В таком положении судно понесло. К счастью, оно повернулось носом в сторону моря, иначе через минуту оно было бы на камнях. Шлюп вынесло прямо в море, и он отделался только, потерю двух верпов. На рассвете 7 января, пользуясь тихими переменными ветрами, Литке благополучно ввел «Сенявина» в гавань и надежно поставил на якорь.

Множество лодок, нагруженных плодами, встретило шлюп, но вход на этот раз был разрешен только старшинам. Многие островитяне, приятно проводившие время на «Сенявине» в первые дни, с грустью посматривали на судно. Литке считал необходимым показать всем, что считает похищение вещей серьезным делом. Двум главным гостям – Сипе и Нена – он старался объяснить недопустимость воровства и что ни один из них не только ничего не получит от него, но и не будет допущен на шлюп, пока вещи

159

не будут возвращены. Они это поняли и, поговорив со своими людьми в лодках, уехали.

На следующий день, 28 ноября, шлюп переменил место стоянки в гавани и подошел вплотную к острову Матаньял, где в свое время была обсерватория капитана Дюперре и где Литке намеревался устроить и свою. Он провел весь день на острове, занимаясь наблюдениями, окруженный толпой островитян. Около палатки он обвел на песке черту, которую никто переступить не покусился.

Туземцы внимательно следили за каждым движением Литке, изредка произнося свое «уэ», очень много говорили и еще больше смеялись.

Убедившись в добродушии и смирном нраве юланцев, Литке решил произвести здесь опыты над маятником и расположился с несколькими офицерами в палатке на островке Матаньял.

Одним из постоянных его посетителей был Каки, житель соседнего участка земли. Он каждое утро приносил наблюдателям обсерватории печеные хлебные плоды, не ожидая вознаграждения. Однажды Каки привел с собою сына, мальчика лет четырех. Когда Литке приблизился к нему, мальчик закричал и задрожал всем телом. Отец объяснил испуг сына тем, что он никогда не видал белых людей.

Через несколько дней, когда туземцы вернули похищенные с корабля вещи, Литке рассадил старшин в своей палатке и велел внести приготовленные подарки: каждому по топору, полотняной рубашке с запонкой и зеркалу. Нена был в восторге, а Сипе ют радости снял с себя и надел на Литке свое ожерелье из сухой травы, которое, однако, так терло опаленную солнцем шею, что пришлось его снять.

В тот же день они еще раз приехали на островок во время обеда сенявинцев. Туземцы приняли участие в обеде. За столом Сипе вздумалось поменяться именами с Ратмановым. Надо заметить, что у всех дикарей Океании существует обычай в знак особой дружбы меняться именами. По примеру Сипе, и другие гости захотели сделать то же. Нена поменялся именем с Литке и, съехав на берег, объявил собравшейся толпе, что он теперь называется юрось Литке. Народ выразил свое одобрение длинным радостным «уэ!»

С этого времени сенявинцы находились в самых дружественных отношениях с туземцами. И так как моряки никого не отпускали с пустыми руками, то ежедневно имели удовольствие видеть у себя старшин из Леллы. Те, в свою очередь, привозили в изобилии хлебные плоды, сахарный тростник, кокосы и бананы. Воспользовавшись свободным от наблюдений временем, Литке и его помощники ездили 4 декабря на байдаре в селение Люаль. Приходилось проезжать сквозь опушку манговых деревьев и других тропических растений, окружающих в воде берег. Странным казалось пробираться на лодке сквозь густую рощу деревьев. Селение Люаль расположено на крутом берегу в густой роще банановых, пандановых и хлебных деревьев.

160

В этот же день Литке получил приглашение посетить селение Леллу, общую резиденцию главных старшин.

Закончив 13 декабря астрономические и физические наблюдения, Литке перебрался с островка на шлюп и на следующий день назначил поездку в Леллу. Поехали Литке, натуралисты Мертенс и Постельс, Ратманов, юнкер Крузенштерн, три матроса и один алеут с байдарой.

Моряков сопровождала толпа приятелей-туземцев, которые с радостью предлагали свою помощь, несли оружие и инструменты. Юрсье Каки сопровождал моряков в своей лодке, нагруженной их вещами, а старый Легиак не отставал от Литке и просил дать ему нести ружье и инструменты. Легиак благодаря своей услужливости и всегдашней веселости сделался общим любимцем.

Самая неприятная часть пути была вначале. Приходилось идти по колена в воде вдоль опушки тропического леса, простиравшегося от гавани к северу мили на полторы. Далее путь лежал песчаным и коралловым берегом до самой губы, где находится остров Лелла. По дороге туземцы ласково встречали моряков и предлагали освежиться кокосовыми орехами с прохладным молоком лимонадного вкуса.

К берегу губы Лелла путники подошли уже в сумерки. Здесь ждала их большая пирога юрсье Сипе. На ней пошли на остров. Весь берег, где они должны были пристать, был покрыт народом, пришедшим посмотреть на белых гостей. Много было детей и женщин. Женщины манили моряков и знаками требовали украшений.

Желая осмотреть южную сторону губы, Литке отправился к ней на байдарке, но не успели они отойти и 500 м, как байдарка лопнула, и пассажиры с большим трудом добрались до берега. В жарких странах, где вода и воздух постоянно имеют температуру выше 20°, кожаные байдарки весьма непрочны и не представляют тех удобств, как на севере, где они изобретены.

Пока байдарку исправляли, моряки в сопровождении Нена и толпы туземцев пошли осматривать островок. Берега его, за исключением немногих мест, где выдаются в море деревья или утесы, обнесены сложеною из камней стеною вышиной в 1,5 м для защиты домов и плантаций от волн. Такими же стенами обнесены и земли, принадлежащие разным юрсьям. Высота этих стен доходит до 6 метров. Обращали на себя внимание каналы, пересекающие в разных направлениях середину острова. Юрсьи объяснили, что каналы эти когда-то были обыкновенными речками и протоками, а жители обнесли их берега каменными стенами.

Послеполуденное время было использовано для астрономических наблюдений и точного определения разных частей губы.

Обратно путешественникам пришлось возвращаться прежним путем, но на этот раз они проехали каналом, идущим от губы Лелла почти до самой северной оконечности. Этот канал лежит между живописными берегами, покрытыми тропической зеленью. Перетащив лодку через перешеек шириной около 200 м на север-

161

ную сторону, моряки продолжали путь вдоль берега и к обеду прибыли на шлюп.

19 декабря Литке и его сотрудники, закончив астрономические и гидрографические работы, сняли свой лагерь на островке Матаньял.

Желая осмотреть для гидрографических работ восточную сторону острова Юалан,

Литке на другой день перешел туда и лег в дрейф вблизи острова Лелла. После полторачасовой стоянки: шлюп снялся с дрейфа и продолжал свой путь.

Остров Юалан лежит в широте 55° северной и долготе 197° западной от Гринича. Высокая горная цепь тянется поперек всего-острова от запада к востоку и разделяет его на две неравные части, из которых южная вдвое больше северной. На острове много пиков, стоящих и отдельно и купами наподобие ослиных ушей. Один из них, особенно приметный, с правильной конической вершиной, на берегу гавани Ла-Кокиль, сенявинцы называли памятником Мертенса. Северная половина острова окружена коралловым рифом, который, разрываясь, образует о обеих сторон острова, по гавани: с запада - Ла-Кокиль, где стоял «Сенявин», с востока - Лелла. Южная часть острова окружена грядой низменных коралловых островов, соединенных между собою рифами и образующих с берегом острова мелководную лагуну.

Берег острова, защищенный рифом от ударов океанских волн, окружен опушкой манговых и других растущих в воде деревьев, образующих сплошную стену густой свежей зелени. За исключением острых пиков горы Керзер, весь остров от моря до вершин гор покрыт тропическими деревьями. Вблизи жилищ растут рощи хлебных, кокосовых, банановых и других плодоносных деревьев. Кое-где расстилаются изумрудные луга.

Обе гавани соединены перешейком в 2,5 мили. На каждом шагу встречаются текущие с гор ручьи. Изобилие внутренних вод острова, разнообразие и богатство растительности, происходившие дожди во все время стоянки «Сенявина», считающееся сухим периодом в тропиках, - свидетельствуют о значительной сырости* климата.

На островке Матаньяла моряки насквозь промокали в своих палатках, большого труда стоило им сохранить астрономические, геодезические и физические инструменты от ржавчины и повреждений.

Температура воздуха была все время между $+20^{\circ}$ и $+27^{\circ}$. Однако для здоровья этот климат вреден не был. Во время гидрографических работ сенявинцам приходилось часто по несколько часов оставаться по пояс в воде, и ни один из них не заболел.

Большая часть селений расположена вдоль побережья, но с моря они почти незаметны: их заслоняют гряды коралловых островков и густая заросль манговых деревьев.

На острове Юалан было 44 селения, населения 398 мужчин и 303 женщины, на острове Ляваль - 6 селений с 68 мужчинами и 48 женщинами. Сюда не входят дети. Населением управляли родовые старшины - юроси. Каждому главному юросю подчинено

162

несколько второстепенных. Они оказывали главным такое же уважение, как и простолюдины. Земли все принадлежали главным юросям, и они имели право распоряжаться собственностью не только простолюдина, но и второстепенного юрося. Нередко вещи, подаренные Литке младшим юросям, через минуту оказывались в руках главного. У всей массы населения почти не было никакой собственности. Она могла пользоваться сахарным тростником и хлебными плодами, но до кокосов не могла дотрагиваться.

Народ чрезвычайно дисциплинирован и предан своим юросям. Во время прогулок моряки часто просили кокосов, растущих в изобилии на пальмах, но всегда получали в ответ: «Юрось Сипе» или: «Юрось Сеза», никто не решался сорвать ни одного ореха. Пироги, нагруженные плодами, ежедневно проходили мимо «Сенявина» из соседних поселков в Леллу; они часто приставали к шлюпу или останавливались у островка Матаньяла, но моряки никогда ничего не получали, несмотря на постоянные подарки островитянам.

Главные юроси все были равноправны, за исключением юрося Тогожи, перед которым одинаково преклонялись и простолюдины и все остальные юроси.

В селениях все повиновались юросям без всякого принуждения.

Литке замечает по этому поводу: «Во все время нашего пребывания на Юалане я не слышал ни о каком ранге, ни о каком возрасте людей, ни одного с гневом

сказанного слова, ни одной занесенной для удара руки. Когда нужно бывало удалить толпу, одного знака руки для сего достаточно. Одно «сшт!» юрся – и все его гребцы стремглав бегут в лодку... Я припомнил, как бесчеловечно поступают на других островах Южного моря старшины с народом, сравнивал такое обращение с обычаями здешними и часто готов был усомниться, между дикими ли я нахожусь. По всему этому казалось, что основание общественного их здания есть добрый и тихий нрав народа.

Замечательно, что все главные юрси живут с семьями не в своих владениях, рассеянных по острову Юалан, а все вместе на острове Лелла, в селении Иатт, принадлежащем юрсе Сипе. Лелла как бы столица Юалана.

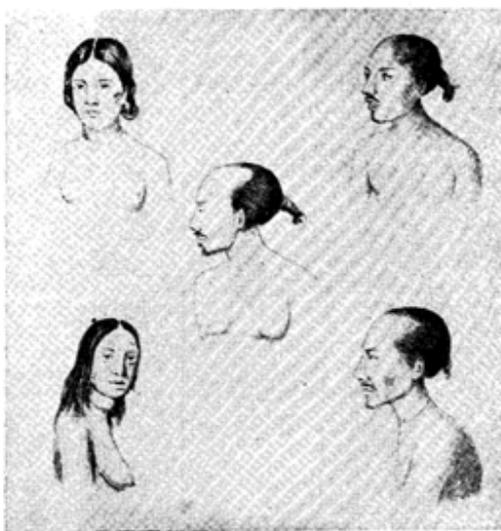
Можно предположить, что юрси живут вместе из политических соображений: для упрочнения мира на острове, так как властолюбивые замыслы не могут иметь места там, где старшины, находясь вместе, постоянно друг за другом наблюдают.

Внешние знаки уважения весьма просты. Младший при встрече со старшим по общественному положению садится. Проходя мимо дома старшего, он идет согнувшись, говорит с ним тихим голосом и не смотря в лицо. Изъявляя дружбу или любовь, они обнимают друг друга, трутся носами и нюхают руку.

Юрси по внешнему виду почти ничем не отличаются от остальных юаланцев. Аккуратнее приглаженные волосы, более новый и чистый пояс, свежий цветок в ушах или листок на затылке, непринужденность в обращении – единственные признаки, по которым можно отличить юрся.

163

Если бы они не называли себя при первой встрече «юрсь Сигира», «юрсь Нена» и т. д., ударяя себя правой рукой по груди, то моряки приняли бы их за простых туземцев. Но пироги главных старшин имеют отличие: на особой площадке сооружена четырехугольная пирамида, наподобие китайской беседки, сплетенная из кокосовых веревок и украшенная маленькими ракушками. В беседке этой скамейка, на которой восседает владелец пирога, а под ней хранятся обыкновенно плоды, которые он берет с собою.

Жители острова Юалан.

Цвет тела юаланцев каштановый, у женщин несколько светлее. Мужчины обычно высокого роста, женщины большею частью не выше среднего. Юрсь Сипе, например, был ростом в 1 м 73 см. Оба пола худощавы и стройны. Мужчины ловки и сильны. Сипе, не считавшийся силачом, легко поднял однажды в шутку офицерского вестового Молчанова, вертел его, как ребенка, над головой из стороны в сторону,

подбрасывал и ловил. Позабавившись так несколько минут, к общему удовольствию всего экипажа, он осторожно спустил его вниз, причем не казался утомленным.

Мужчины ходят совершенно нагими, только с узеньким поясом стыдливости. Пояс из ткани бананового дерева. Женщины носят по поясу кусок той же ткани шириною 26 см. Эта полубюбка обвязывается так слабо, что женщины должны ходить согнувшись, чтобы она держалась. Мужчины собирают волосы на затылок и

164

завязывают их. Некоторые носят бороду, большинство выщипывает ее. Обыкновенное украшение – цветок или листок, воткнутый в пробитую мочку уха или: зуб. Некоторые в верхнем конце уха делают отверстие и втыкают в него соломинку с вертушкой на конце, которая крутится на ветру очень быстро. Многие носят на шее ожерелье из цветов, бусы из кокосовой шелухи и ракушек, продолговатые украшения из черепахи.

Туалет яванских дам очень несложен. Волосы они оставляют иногда распущенными, иногда завязывают в пучок с правой или левой стороны головы. В уши кладут благовонные цветы и травы. Желая показать мужу или поклоннику свое расположение, женщина вынимает из уха цветок и преподносит ему. Носовой хрящ у всех женщин проколот, и в него вставлено иногда украшение. Получив от моряков кусочек бумаги, туземки свертывали его в трубочку и втыкали в ноздри. Самым примечательным украшением было ожерелье, вернее, широкий хомут. Его делали из множества наглухо связанных кокосовых веревочек и никогда не снимали. На ногах, повыше стигба, женщины носят кокосовую ленточку. Во время дождя или сильного солнцепека островитянки покрывают голову и спину рогожкою из кокосовых волокон, заменяющую им зонтик. Мужчины и женщины натираются кокосовым маслом, сильный запах которого довольно приятен.

Дома туземцев прекрасно приспособлены к климату. Четыре высоких столба связаны наверху попарно под острым углом. На них лежит стропило из трех жердей, соединенных так, что концы подняты приблизительно на 3 м над серединою. Крыша походит вследствие этого на огромное седло. К столбам и стропилам прикреплены поперечные и продольные жерди, переплетенные о крышею пандановыми листьями. Крыша не доходит до земли приблизительно на 1,2 м. Для выхода дыма особого отверстия нет, дым выходит в дверь или теряется в верхней части крыши. Площадь дома большею частью 18 м², высота 4 м, но большие, так называемые обеденные палаты имеют площадь в 156 м² и высоту от 9 до 12 м. У таких палат передняя стена совсем не забрана, с правой стороны дверь, а в левом углу полка, на которой стоит жезл» посвященный главному духу – Ситель Назюэнзяп, тритоновые рога» приносимые в жертву листья сека и т. д., в землю врыты два плоских камня с ямкой посередине для разбивания корней сека. В каждом селении была одна такая палата.

В спальнях домах бывает по две двери: одна на передней стороне высотой в 60 см, другая во всю высоту стены. У небогатых, живущих в одном Доме, пространство, служащее спальней, отгораживается рогожами. Пол обыкновенно устлан рогожами. У главных кросей несколько домов.

Дома внутри почти пусты. Посреди каждого к потолку подвешен маленький ящик, служащий для сохранения провизии от крыс. В нескольких местах прикреплены жерди с крючками, к которым прицеплялись всякие мелочи: кокосовые скорлупы, употребляемые для питья, рыболовные принадлежности, маленькие подарки, полученные от моряков, и прочее. На полу несколько корыт,

165

служащих для разных хозяйственных надобностей и для сиденья, и, кроме того, станочки для тканья из волокон бананового дерева поясков, дверных занавесок, ковриков, материи для полубюбок и пр.

В домах второстепенных кросей в почетном углу, где ставится жезл, посвященный Ситель Назюэнзяп, хранятся большие топоры. Они сделаны из огромных раковин, обточены коралловыми камнями в виде полуцилиндров, заострены и прикреплены к

деревянной рукоятке банановыми веревками. Меньше распространены каменные топоры из базальта. Кроме того, часто пользуются железными топориками, для которых островитяне стараются использовать каждый попадающийся им кусочек железа.

Вместо обыкновенного ножа у туземцев острая раковина, которую они носят в поясе.

Сенявинцы не видели на островах ни одного музыкального инструмента, даже простого барабана. Морякам казалось, что у дикарей совершенно нет музыкальных способностей. В кают-компании они слушали, как офицеры играли на фортепиано, скрипке и флейте, но ни один из этих инструментов не производил на них впечатления.

У каждой семьи одна или две лодки - пироги. Туземцы так о них заботятся, что многие держат их в своих домах. В пироге помещается от восьми до десяти гребцов. У лодок очень небольшая осадка, они легки и быстроходны. Через мелководные протоки они проходят свободно, в очень мелких местах их перетаскивают.

Юаланцы очень редко выезжают за риф и плавают только вблизи своего острова. Они - единственный во всей Полинезии народ, не знакомый с парусами.

Определенных часов для еды у них нет. Они едят довольно часто, даже ночью, когда почувствуют голод. Пьют очень мало. Главную пищу составляют кокосы, хлебные плоды, таро, корень котак, сахарный тростник, бананы и пр., которые они потребляют сырыми и печеными.

Для сохранения хлебных плодов: их квасят в земле и запасают до следующего урожая. Квашеные плоды называются «гуро».

Огонь добывают посредством трения дощечки из мягкого дерева о твердую палочку. В конце борозды от трения накапливаются стружки, и, когда дерево нагревается и появляется огонь, стружки воспламеняются. Вся операция продолжается около минуты, но требует особой сноровки. Сенявинцы несколько раз пробовали этим способом получить огонь, но это им не удавалось.

Население, собиравшееся постоянно около палатки моряков на островке Матаньял, с большим удовольствием ело то, что им давали моряки; юроси были очень разборчивы и от многого отказывались. Но морская солонина и чилийское сладкое вино всем островитянам очень нравились. Моряки пробовали угощать их водкой, но они с отвращением выплевывали ее.

Благодатная природа щедро дает юаланцам все нужное для жизни. Поэтому островитяне не отягощают себя работой. Глав-

166

ные занятия - собирание плодов, рыболовство и присмотр за плантациями юросей. Рыбной ловлей занимаются большей частью женщины. У них большие невода из волокон кокосовых орехов, с поплавками, очень похожими на наши. За рыбой никогда не выезжают в море, ловят ее недалеко от берегов в рифовых бухтах. Во многих местах на отмелях они складывают из камней заколы, или переборы, рыба входит туда во время прилива, а в малую воду остается запертою.

Публичных увеселений у островитян нет, но изредка они пляшут. Несколько человек становятся в линию, один за другим, тихо топчутся на месте и делают плавные движения руками и головою. Если смотреть сзади, то кажется, будто это автоматы, приводимые в действие одною машиною. Пляски происходят в такт песни, которую поют тихо. Женщины не имеют права участвовать в плясках. Все мужчины любят собираться в кружок и разговаривать. Споров, ругани, неудовольствия никогда в таких собраниях не наблюдалось. Говорить тихо - общий обычай островитян, громкие разговоры наших моряков им не нравились.

Ни азартных игр, ни гимнастических упражнений, ни борьбы, ни метания в цель у туземцев не бывает. Они не знали, что такое война и звериная охота.

Литке писал: «Все народы ведут к тому, чтобы в противной «стороне видеть врага, а главная черта характера юаланцев видеть во всяком другом брата. Они не имеют совершенно никакого оружия, ниже палки, противу человека назначенной, и потому не могут, кажется, иметь и отдаленного понятия о войне. Есть ли к этому другой пример на земле?»

В семейном быту юаланцы кротки и уживчивы. Родители нежны к детям, но

воспитывают их в полном послушании и уважении к старшим. Среди мальчигов моряки не заметили ни разу ни ссоры, ни драки, что, однако, не мешало им быть весьма живыми. Молоденькие девушки удивительно милы и ласковы. Многоженство развито только среди юросей. Юаланки не могут похвастаться целомудренностью. Нравы их довольно легки. Незамужние девушки в обращении с мужчинами пользуются полной свободой.

Идолы, видимых богов, юаланцы не имеют. Они чтут невидимых духов. Ни храмов, ни кумиров в их честь не воздвигают, но в каждом доме, в почетном углу, устроено место, где стоят в честь божества Ситель жезл, около 1,5 м длины, и тритоновые рога. В жертву ему приносят ветви и листья растений сека.

Туземцы веруют в загробную жизнь. Они говорят: кто хорошо поступал, не бил своей жены, не обижал других, того ожидает вечное блаженство в заоблачном жилище. Наоборот, кто жил дурно, после смерти будет превращен в рыбу тиборин, которая находится в вечной борьбе со всеми остальными крупными рыбами.

На покойников они надевают лучшие украшения, обертывают тело тканями, складывают руки к пахам и зарывают в землю около дома. Могилы украшают пальмовыми ветвями и банановыми деревьями.

167

Язык юаланцев звучен, мягок и нежен. В разговоре для большей выразительности меняют интонацию голоса, жестикулируют, делают разные телодвижения, особенно женщины.

За время пребывания в Юалане некоторые сенявинцы пытались научиться туземному языку, но безрезультатно. Один только Литке мог довольно свободно объясняться на нем.

22 декабря, пользуясь попутным ветром, шлюп вышел под всем парусами из бухты Ла-Кокиль в море.

10. ОТКРЫТИЕ ОСТРОВОВ СЕНЯВИНА. НА ОСТРОВАХ МАРТЛОКА

Покинув остров Юалан 22 декабря 1827 г., «Сенявин» направился к югу – Литке хотел произвести магнитные наблюдения и определить положение магнитного экватора на меридиане острова Юалан. На другой день шлюп пересек магнитный экватор и продолжал еще некоторое время идти на юг, производя наблюдения–

2 января шлюп находился в районе пересечения путей известных мореплавателей капитанов Томсона, Ибаргойца, Дюперре и других. Здесь, казалось, не могло бы быть места даже самому маленькому островку, не замеченному ими, не означенному на карте и не описанному в лоции. И все-таки утром 3 января сенявинцы по направлению курса шлюпа увидели нигде не обозначенный остров с высокими горами. Сначала не хотели верить своим глазам: невероятным казалось такое интересное открытие в этом месте. Предполагали даже, что это мираж, но, пройдя некоторое время, убедились, что перед ними действительно остров с коралловым рифом в полумиле от него.

Приблизившись к рифу, «Сенявин» лег в дрейф, чтобы лучше осмотреться. На берегу виднелись густые кокосовые рощи и во многих местах дым. Из-за северной оконечности острова вскоре стали появляться одна за другой лодки под парусами, их набралось до сорока.

В больших лодках находилось по четырнадцать человек – по два. Туземцы издали начали петь, плясать, махать руками. К берегу шлюпа приставали охотно, но на судно, несмотря на приглашение, подняться не хотели, за исключением одного, которого удалось заманить жестяной банкой из-под краски. Когда он вошел на палубу, ему сделали несколько мелких подарков в том числе и так понравившуюся жестянку.

Наружность островитян производила весьма неприятное впечатление: дикие, с выражением недоверчивости лица, глаза, налитые кровью, неугомонная возня – представляли резкую противоположность скромному виду юаланцев.

Проведя около трех часов среди шумной флотилии, шлюп снялся с дрейфа и пошел вдоль южного берега на запад. Постепенно все лодки отстали. Один только

островитянин, гость сенявинцев, упорно не желал покинуть шлюпа, несмотря на старания моряков объяснить ему, что он удаляется вместе с судном от своей лодки. Причина этой настойчивости скоро выяснилась: заметив, как Литке

168

стал недалеко от него с секстаном и начал астрономические наблюдения, он сделал прыжок, – схватил секстан и с остервенением силился его вырвать из рук наблюдателя. «Дерзость его была так. неожиданна, – говорил Литке, – что стоявшие, возле меня матросы не вдруг спохватились мне помочь, и я, изрезав только руки о края инструмента, мог его спасти от дикаря, который, видя неудачу, нырнул в воду и поплыл к своим лодкам».

Проходя вдоль рифа, около трех часов пополудни заметили пролив и бухту, для осмотра и промера которых послали шлюпку под командой лейтенанта Завалишина.

Здесь «Сенявина» опять окружили туземные пироги с дикарями, которые шумели, кричали и плясали. Во многих пирогах лежали связки стрел и мешки с камнями. Заметив, что моряки обратил, внимание на стрелы и камни, дикари стали тщательно закрывать их рогожами. Несколько пирог подходило к шлюпу; туземцы меняли: на гвозди кораллы, раковины, плоды, рыбу, зонтики. Команда за кухонный нож выменяла себе щенка.

Завалишин возвратился через полтора часа, выполнив лишь часть заданной работы: он был тесно окружен лодками островитян, которые мешали ему работать, шумели, бросали в его шлюпку кокосовые орехи, палки и ветки деревьев. Перед заходом солнца все; островитяне возвратились домой.

Утром шлюп приблизился почти вплотную к рифу и пошел вдоль него в самом близком расстоянии. Несколько дикарей стояли наг рифе и лаяли по-собачьи, когда шлюп проходил мимо них в одном месте были замечены проливчики и небольшая лагуна. Литке послал шлюпку, под командой Нозикова, осмотреть пролив и произвести промер.

Шлюпка, производившая промер, возвратилась на «Сенявин». В осмотренных проливе и лагуне оказались очень малые глубины и не нашлось хорошего якорного места. Обойдя вокруг острова, шлюп снова подошел к проливу и лагуне, которые были частично осмотрены Завалишиным. Здесь «Сенявин» снова лег в дрейф, и тот же офицер был отправлен для довершения своего исследования. Ему было приказано поднять на шлюпке флаг, если туземцы, проявят враждебность.

Через некоторое время со шлюпа увидели условленный знак, «Сенявин» немедленно подошел возможно ближе к берегу и сделал выстрел из пушки. Вскоре Завалишин возвратился на судно и сообщил следующее: «Для осмотра прохода между рифами и отыскания якорного места в лагуне я отправился на гичке. Я нашел две бухты, соединенные проходом в 100 м шириной, во внешней глубина от 40 до 50 м, а во внутренней – от 30 до 45 м. Когда я отвалил от борта «Сенявина», около меня не было ни одной туземной лодки. Во внешней бухте меня нагнали все пироги, державшиеся около шлюпа, а во внутренней – к ним присоединилось такое же число с берега, так что я насчитал около себя до сорока лодок, в которых было не менее двухсот островитян. Сначала они только плясали, шумели, предлагали моим гребцам свежие плоды и прочее и, хотя стесняли и мешали работать, но не

169

«обнаруживали враждебных намерений. Но дерзость и докучливость их постепенно возрастали. Наконец, они нарочно стали заезжать под нос гички и, хватаясь за нее руками, покушались снять уключины и румпель. Один дикарь вынул было связку со стрелами а собирался в нас стрелять, но на него так громко закричали с других лодок, что он их опять поспешно спрятал.

Когда мы, не имея возможности работать, пошли вон из бухты, то дикари стали теснить нас еще более, так что гичка с большим усилием могла двигаться вперед. Тот же самый дикарь, который хотел в нас стрелять, находясь теперь за кормой гички, выхватил дротик и замахнулся на меня. К счастью, я в это время оглянулся и успел, увидя опасность, выстрелить поперх его головы из пистолета. Выстрел

ошеломил дикарей: они все примолкли, присели в лодках и оставались в таком положении несколько минут. Мы же, пользуясь их замешательством, вышли на свободу, подняли флаг для извещения шлюпа о нашем затруднении. Опомнясь от страха, дикари погнались за нами, трубя в раковины, но уже было поздно, так как мы их настолько опередили, что через четверть часа благополучно прибыли на корабль».

Дикари пытались было гнаться за уходившим от них «Сенявиньм», но поднявший паруса шлюп быстро оставил их далеко позади, хотя звуки рогов – знаки войны на островах этой части Великого океана – слышались еще долго. Некоторое время «Сенявин» шел, производя наблюдения параллельно берегу острова, затем повернул на север. Недалеко от острова были открыты еще небольшие группы низменных островов. Некоторые из них на рифе, тянуемся от большого острова миль на шесть к северу, были почти вровень с водой, и растущие на них деревья казались выходящими из воды.

Ночью с 3 на 4 января 1828 г. шлюп лавировал против весьма сильного порывистого ветра. Утром он вернулся к большому острову, подошел к его северной оконечности, и здесь на наружных камнях рифа моряки увидели много дикарей, вооруженных длинными копьями. Лодок около них было мало.

Против северо-западной оконечности острова, с высоким совершенно отвесным базальтовым утесом, моряки заметили большой проход в рифе и за ним удобную якорную стоянку. Здесь Литке решил еще раз попытаться найти подходящую гавань.

Для большей безопасности и ускорения производства промера дослали две шлюпки с лучшими гребцами, лотовыми и штурманами.

Сенявинцы спокойно подошли к проходу в рифе и измерили его ширину. Но едва они миновали узкий проход и собрались работать в открывшейся обширной и безопасной бухте, как островитяне, молча наблюдавшие до того, с криком спустили на воду свои пироги, спрятанные за камнями, и в один миг окружили и стеснили сенявинские шлюпки. Дикари хватались за борта, закидывали веревки на руль, уключины и весла. Холостые выстрелы из пистолета не производили теперь на них никакого действия. За каждым выстрелом следовал крик, и дерзость островитян возрастала. С невероятным трудом шлюпкам все же удалось вырваться на

170

свободу, и они возвратились на судно, не отыскав якорного места.

По этому поводу Литке пишет: «Конечно, мы могли бы держать дикарей в почтительном от нас расстоянии. Для сего оставалось одно средство – дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия. Но средство сие почитал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это удовольствие ценой крови не только жителей ее, но по всей вероятности и своих людей. И потому бухту сию, в ознаменование неудачи нашей и негостеприимного нрава хозяев, мы назвали портом Дурного приема и продолжали опись западного берега острова ...»

Большой остров имел около 50 миль в окружности; наиболее высокий его пункт – гора, названная Литке Монте-Санто, – возвышается над водой на 900 м. Весь остров покрыт роскошной зеленью. Жилища, похожие на шалаши, большей частью скрыты лесом.

Закончив исследование побережья большого острова, «Сенявин» пошел к западу для осмотра замеченных в том направлении островов.

Затем «Сенявин» продолжал свой путь и к вечеру осмотрел южную часть группы. Она состоит из двенадцати разной величины коралловых островов, покрытых густой тропической растительностью. Все острова эти были необитаемы.

На другой день, 6 января, Литке перешел к северной части группы островов. На четырех из них людей не оказалось, а на пятом, самом северном, моряки увидели шесть дикарей, спускавших через буруны свою лодку. В ней они пустились вслед за «Сенявиньм». Шлюп лег в дрейф. Дикари приближались к нему с песнями, плясками и помахивали большим куском красной материи. Подъехав к корме шлюпа, дикари обменяли красивые раковины, коралловые изделия и плоды на куски железа и ситцевые платки. Как моряки ни упрашивали их пристать к борту судна, дикари не

приблизилась. Литке сам подъехал к ним на шлюпке.

«... Беседа моя с ними мало удовлетворительная, - говорит Литке, - потому что, не останавливая внимания своего ни на минуту на одном предмете, говорили они все вместе, громко и скоро, не заботясь о том, что их понимают. Нам удалось узнать названия островов ближайшей группы и большого острова - Пыйнипет».

Променяв все свои безделушки и плоды, островитяне направились домой, а шлюп продолжал обследование островов и определение точного их положения.

Чтобы проверить, действительно ли большой остров называется туземцами Пыйнштет, Литке вернулся к нему на следующее утро, к западной его стороне. Вскоре к шлюпу подошли четыре пироги с островитянами, которые, после обычных песен, плясок и махания руками, пристали к судну. Это были простолюдины без старшин. Они ничего, кроме большого количества пресной воды в листьях

171

клевещины, не имели и оказались очень скромными и толковыми людьми.

Через них Литке убедился, что название большого острова действительно Пыйнипет, что южная группа низменных островов называется Андема, а северная - Па-генема. Весь архипелаг открытых островов моряки называли островами Сенявина (в честь победителя турок в Афонском морском сражении, имя которого носил шлюп).

Расставшись с островами, шлюп исследовал целый ряд островов Каролинского архипелага, которые, хотя и были ранее открыты, но никем не описаны. 20 января «Сенявин» подошел к островам Мартлока.

В одной из парусных лодок сидел человек в шляпе конической формы, на плечах у него был кусок из коры тутового дерева. Подойдя к борту, он объявил, что он тамоль (начальник, старшина) Селен. Литке отрекомендовался, в свою очередь, и дал ему перочинный ножик в перламутровой оправе. Селен отдал ему трем кокосами, но не захотел дать веревку из кокосовых волокон, к которым они были привязаны, требуя еще ножей. При этом он показал огромный нож, в 25 ан длиной, с костяной рукояткой, похожий на поварской, и объяснил, что хочет получить такой же.

Чтобы заманить тамоля на шлюп, Литке показал ему топор и обещал подарить его. Дикарь тотчас пристал к борту и смело взошел на шканцы. Он с интересом осмотрел весь шлюп. Литке пригласил его в свою каюту, и Селен, доверчиво оставив все подарки на палубе, сошел в капитанскую каюту и не выказал никакого удивления всему увиденному. Литке угостил его клубничным вареньем, английским печеньем и мадерой, которая очень понравилась дикарю. Сумерки прекратили их дружескую беседу.

На другой день, 21 января, шлюп приблизился к самому северному острову группы и пошел параллельно рифу, простирающемуся от него на запад.

Для производства астрономических и магнитных наблюдений и исследования Луганорских островов Литке решил остаться здесь некоторое время. Отыскивая вход в лагуну, шлюп прошел вдоль всей южной стороны группы. Риф между островами представлял собою настоящую плотину. Надежная гавань была найдена 3 февраля.

Вскоре приехали старый тамоль Эбун и Селен, первый луганорец, посетивший шлюп, Литке подарил им по белой рубашке, они взяли их с поклонами и благодарностью и поспешили надеть на себя.

Тамоль Эбун отличался удивительной скромностью и умом. Он перечислил Литке названия отдельных Луганорских островов и соседних групп. Литке взял мел, начертил на палубе все эти острова и просил Эбуна продолжать. Тот перечислил все неизвестные острова Каролинского архипелага.

Селен, увидев это, позвал из лодки много странствовавшего тамоля Телиагура, который начертил по-своему весь Каролинский и часть Марианского архипелага. Литке спросил его: «А что будет далее к северу и западу?» Тот провел черты и показал жеста

172

очень ясно, что небо там упрется в землю, и кто хочет итти далее» должен

подлезать под него.

Схемы архипелагов, начерченные тамолями, оказались при сличении их очень схожими и различались лишь расстоянием между отдельными группами и островами, число островов было одинаково. Литке и штурманы очертили эти схематические карты. Впоследствии они узнали, что устные сведения дикарей гораздо полнее и удовлетворительнее их чертежей.

Когда стемнело, все гости разъехались, кроме Селена и Эбуна, которые расположились ночевать в капитанской каюте. Игра на пианино и скрипке произвела на них сильное впечатление.

23 февраля, после окончания астрономических и магнитных наблюдений на берегу острова Луганор, Литке с несколькими моряками посетил жилища знакомых туземцев. Чтобы добраться до них, пришлось пройти через весь остров. Сильное впечатление произвела на путников его природа. Им казалось, что они шли волшебным садом, в котором как бы из воды возвышались группы стройных и величественных пальм, великолепных хлебных и пандановых деревьев, огромных кустов исполинских бамбуков, издали похожих на букеты. Местами росла густая, непроницаемая чаща смешанной зелени, в которой прятались кисти хлебных плодов, фигов и кокосов.

Жилища островитян разбросаны в северо-восточной части острова и напоминают русские крестьянские избы.

В разных местах дома лежали домашняя утварь и рыболовные принадлежности, иногда лодки. Посреди дома устроен очаг.

Моряки встретили радушный прием. К кому бы они ни заходили, сейчас же хозяин и все присутствующие приносили кокосовые орехи и подарки. Женщин они скрывали в будках или в отдельных шалашах.

Луганорцы среднего роста, стройные и сильные. Цвет кожи каштановый, лица немного плоские, нос сверху вдавленный, к концу вздернутый, губы толстые, зубы ровные, большие и красивые; ярко черные глаза навывкате. Бороды у некоторых довольно длинные, но реденькие; черные волосы на голове длинные и густые, чуть-чуть вьющиеся; некоторые собирают их в пучок на затылке и обвязывают травинкой; в такой чуб втыкается трехзубый рыбный или черепаховый гребень с двумя или тремя птичьими перьями; другие взбивают волосы и делают огромную прическу. Пояс стыдливости – тол – представляет собою кусок ткани, около 18 см шириной. На плечах накинута плащ. На головах конические шляпы, искусно сделанные из пандановых листьев, прекрасно защищающих от солнца и дождя. На теле насекаются или накальваются узоры. Тело туземцы натирают порошком оранжевого цвета, добываемого из корня растения. Тамоли отращивают из щегольства ногти на больших пальцах. Хозяева беспрестанно угощали гостей кокосовым молоком, печеными плодами хлебного дерева, жареной рыбой и плодами панданового дерева.

Следующие два дня Литке занимался в своей обсерватории на берегу, по окончании работ проводил время в беседе со старшинами.

173

27 февраля, закончив исследование острова и астрономические наблюдения, моряки стали готовиться к выходу в море. Перед, съемкою «Сенявина» с якоря приехало много тамелей и простолюдин проститься со своими друзьями «руссо».

Едва шлюп вышел из лагуны, как часовые на марсах известили, что в море видно трехмачтовое судно. После четырехмесячного пребывания между дикими племенами такая встреча была весьма приятна. Вскоре «Сенявин» сблизился с английским китобоем «Патридж».

Литке пригласил к обеду капитана английского судна Фольджера, и тот не замедлил приехать на двойке.

После осмотра судна капитаны пошли обедать. От Фольджера Литке узнал, что «Патридж» отправился из Англии в одно время с «Сенявиным». Он заходил на острова Зеленого мыса Фальклендские, Галапагосские, причем оставил последние в мае прошлого года. С того времени он нигде не становился на якорь и только ложился в дрейф не более чем на три часа на островах Маркизских, Соломоновых, Новой Британии, Гавайских и Молукских для

пополнения запасов провизии. Теперь он направляется к северу. Количество китобойных судов в Великом океане так увеличилось в последние годы, что они не находят уже достаточного промысла в тропической части океана и расширяют его до Японии.

В дружеской беседе капитаны провели несколько часов. Съезжая со шлюпа, Фольджер пригласил Литке и офицеров «Сенявина» посетить его судно. Через несколько минут Литке с двумя офицерами отправился на вельботе на «Патридж». Капитан Фольджер любезно показал им свое судно, а затем пригласил к себе в каюту. Угощая гостей виски, джином и мадерой, Фольджер рассказывал о своих странствованиях. Один из офицеров спросил, почему, посещая такие интересные острова как Маркизские, Соломоновы и Гавайские, он не останавливался там на более продолжительное время.

- Вы знаете, - отвечал капитан, - что на китобойных судах матросы - далеко не отборные люди. Они получают вознаграждение из прибыли промысла. При неудачных промыслах часто случаются побеги. Острова Великого океана усеяны такими беглецами, которые с каждым днем размножаются, к несчастью не только природных жителей, но и мореплавателей, которые их посещают. Вот почему капитаны китобойных судов так неохотно где-либо останавливаются, и я со своим «Патриджем» почти девять месяцев под парусами.

- Много ли вы за год добыли китов? - спросил Литке.

- Я убил восемьдесят пять китов, давших тысячу боченков жиру.

Фольджер хотел отправить на «Сенявине» письма через Камчатку в Англию и, пока их готовил, сопровождал шлюпу до вечера следующего дня. Шлюп прошел за это время к большой группе островов к юго-западу от Луганора, называемой жителями Сатоан. Моряки насчитали до шестидесяти островков, покрытых

174

густым лесом. Кое-где виднелись селения. Вся группа островков: расположена на пространстве 18 миль, в длину и 12 в ширину. В сатоанском рифе сенявинцы обнаружили два разрыва, которыми; можно проходить в лагуну.

30 января «Сенявин» исследовал маленькую группу Намолукских островов, около 6 миль в окружности. От островков отделилось несколько лодок с туземцами, которые некоторое время не решались пристать к шлюпу, но, соблазненные ножами и лентами поднялись на верхнюю палубу. По наружному виду они ничем не отличались от луганорцев, поведение их было еще скромнее и застенчивее. Им показали все судно, и они остались очень довольны и всячески выражали свою благодарность. Во время осмотра островитяне ничего не взяли и даже не трогали, чем особенно отличались от других племен Каролинского архипелага. Большинство островитян было татуировано замысловатыми узорами и чрезвычайно художественно выполненными цветами и птицами.

Исследовав Намолукскую группу, Литке пошел для дальнейших: изысканий на запад. Всего им открыто двенадцать и описано двадцать шесть групп или отдельных островов Каролинского архипелага.

«Каролинский архипелаг кажется довольно значительным, - замечает Ф. П. Литке. - Не странно ли, однако, что если исключить высокие острова Юалан, Пыйнипет, Ян и Рук, а все остальные острова сплотить, то они едва покрыли бы весь Петербург с загородными его домами».

На одних островах жители оказывали суровый прием, но таких было подавляющее меньшинство; на других - туземцы были: добры, ласковы; робки и очень опасались белых людей; на третьих, самых многочисленных, дикари гостеприимны, смелы и в то же время наивны.

Каролинские острова названы так в 1686 г. открывшим их испанцем Ласеано в честь испанского короля Карла II. Еще раньше видел их португалец Диего-де-Роха. Они расположены в Великом океане между Марианскими островами и Новой Гвинеей и занимают от западного острова Нголи до восточного Юлиана пространство» более 2880 км; средняя ширина архипелага равна приблизительно» пяти градусам.

До начала XIX в. положение этих островов не было точно известно, но с 1817 по

1827 гг. научные экспедиции следовали здесь» одна за другою; здесь работали Коцебу, Фрейсине, Дюперре, Дюмо д'Юрвиль и Литке.

Первые четыре произвели в этом архипелаге довольно поверхностные исследовательские работы, так как были стеснены временем и важными работами в других морях. Только Литке сделал очень-основательное исследование всего архипелага. Описания, им составленные, в высшей степени точны и любопытны. По его наблюдениям, весь архипелаг состоит из сорока шести атолл, лагунных рифов, и содержит до пятисот больших и малых островов.

Жители западных Каролинских островов принадлежат к малайской расе, в центре – к индусам, восточных – к папуасам. На всех

175

островах архипелага насчитывается до 9 тысяч человек. Любимое удовольствие туземцев состояло в пляске и в пении, но музыкальных инструментов у них не было; даже о барабане они не имели понятия. Островитяне различных островов говорили на разных наречиях. Вообще язык их благозвучен, запас слов большой, формы фраз разнообразны. Поклонялись каролинцы духам и приносили им бескровные жертвы. Они верили в загробную жизнь. Общественное устройство на островах было похоже на ленную систему малайцев. На всех Каролинских островах было только два сословия: старшины, или «дворяне», и простой народ. Во главе их стоял король, господствовавший над одним или несколькими островами. На некоторых островах королям воздавали большие почести.

Жители Каролинского архипелага, за исключением каланцев, – отличные мореходы. Наиболее искусны в этом отношении луганорцы. Свои лодки длиной около 2–3 м они выдалбливали из стволов хлебного дерева, оснащали треугольным рогожным парусом и гребками, носу и корме придавали одинаковую форму. Снаружи и внутри лодки окрашивались в красный, желтый и черный цвета и покрывались лаком. Часто сплачивали лодки по две и приспособляли к далеким плаваниям.

Суда большей величины строились с огромными затруднениями; для этого не было необходимых металлических инструментов. Но тем не менее, при помощи орудий, сделанных из камня или раковин, островитяне сооружали суда длиной до 20 т и снабжали их прекрасным парусным вооружением.

Каролинцы отваживались удаляться на сотни миль от своих островов. Кормчие в открытом океане руководствовались положением солнца, звезд и направлением волн. В крупных селениях больших островов были школы мореходства и своеобразной астрономии, где мальчики и девочки учились распознаванию относительного расположения созвездий, часам восхода светил, прохождения их через меридиан и захода, движению планет, направлению ветра и течений, разделению круга горизонта на 12, на 28 и на 32 части, нахождению отдаленных архипелагов до Филиппинских островов на западе и до Гавайских на востоке. В этих школах учились также вооружению судов, изготовлению снастей и пользованию ими.

При плаваниях туземцы старались избрать сезоны постоянных погод и лунных ночей. Днем правили по солнцу, ночью по луне и тридцати трем звездам, название и положение которых твердо знали. Гребные суда каролинцев совершали иногда плавание на север к Марианским островам за 600 км. Хорошие мореходы умели находить путь в океане и приходили к нужному острову.

Нередко бури увлекали суда в сторону, но они снова выбирались на правильный путь, снова плыли к высоким островам, видимым в море с далекого расстояния. На гребных судах – барках – были своеобразные мореходные карты: раковины и камешки обозначали острова, палочки – экватор, меридианы, путь следования, градусы, дни плавания, поперечные течения.

176

10 февраля, исследовав необитаемые островки Пыгелла и Флойгу, открытые Торессом, «Сенявин» направился на север, к Марианским островам.

11. В МАРИАНСКОМ АРХИПЕЛАГЕ. СНОВА НА КАРОЛИНСКИХ

ОСТРОВАХ

Литке на время прервал исследование Каролинских островов и пошел на Гуахан, самый крупный остров Марианского архипелага. Это было вызвано необходимостью пополнить запасы сухарей и морской провизии, которые надеялись достать частью на Гуахане, частью с английских и американских судов, часто останавливавшихся там в это время года. Кроме того, Литке хотел произвести там опыты над качанием маятника.

Марианские острова были первым архипелагом, встреченным в 1521 г. Магелланом в Великом океане во время его знаменитого первого кругосветного плавания. Он назвал их Ладроне, т. е. «Разбойничьи», но это название не удержалось, и они были переименованы в Марианские.

Вереница Марианских островов, направлением с севера на юг, является затопленной цепью гор с базальтовыми туфовыми вершинами. Вершины эти возвышаются на Гуахане на 400-600 м и господствуют над травянистыми и лесистыми плоскогорьями, песчанистыми или глинистыми равнинами, окаймленными по окружности крутизнами.

Растительность на островах роскошная. Всевозможные пальмы, пандановые, мангановые, красные и померанцевые деревья, бамбуки произрастают там в изобилии. Благоухание с берегов далеко разносится по океану.

В сумерки 14 февраля сигнальщики «Сенявина» увидели Гуахан. На следующее утро шлюп был в 10 милях от южной его оконечности. Тихие ветры и сильное противное течение заставили шлюп три дня лавировать, прежде чем войти в гавань Сан-Луис-де-Апра.

Не зная входа, Литке с большим риском вошел в гавань и поставил шлюп на якорь перед входом во внутреннюю гавань. «Если бы не шхуна, стоявшая там под испанским военным флагом, то можно было бы думать, что пришли в место, опустошенное чумой», – говорили сенявинцы. Кругом была полная тишина, даже на фортах Сант-Яго и Санта-Круц, защищавших подступы к порту, не было видно ни флагов, ни людей.

Став на якорь, Литке отправил мичмана Бутакова на шхуне узнать на берегу, можно ли найти лоцмана для входа во внутреннюю гавань и достать лошадей для поездки в Аганью, столицу Гуахана. Бутаков, возвратившись, сообщил, что на форту Санта-Круц один только старый мулат, на шхуне три пьяных матроса, а в деревушке северо-восточной части губы – полудикий бестолковый народ.

Литке был в затруднении, не зная, как вступить в переговоры с местным губернатором. В этом помог посетивший шлюп матрос,

177

один из многих беглецов с английских кораблей. Он сообщил, что губернатором Марианских островов является Мединилья, живущий в Аганье. Литке поспешил написать ему официальное письмо с извещением о своем прибытии, о цели путешествия и просил позволения расположить на берегу обсерваторию.

На следующее утро явился сержант с письмом от губернатора, содержащим любезное предложение услуг и приглашение в Аганью. В ответ на это письмо Литке сообщил, что он с офицерами прибудет на следующий день к губернатору засвидетельствовать ему почтение.

Осмотрев многие уголки залива, Литке нашел наиболее удобным местом для обсерватории ферму Сумэ на берегу полуострова Ороте. Ферма принадлежала второму губернатору Марианских островов Торресу. Среди осмотренных мест был и форт Санта-Круц. Он имел форму четырехугольника и был вооружен четырьмя пушками без станков, которые охранял один старый мулат.

На следующее утро, 19 февраля, Литке и все свободные офицеры отправились к Десембаркадеро-де-Пите, живописному местечку в северо-восточной части губы. Берег зарос здесь сплошной тропической чащей, в нескольких десятках метров от него были тучные поля, засеянные рисом и сарачинским пшеном. Кое-где виднелись деревушки, разбросанные по берегам рек.

Высадившись на песчаный берег в устье небольшой речки, моряки вошли под свод

развесистых деревьев, где их охватил влажный, горячий воздух. Матросы разбили в тени две палатки и занялись стиркой белья, коек и парусиновых чемоданов, Литке с офицерами пошел по берегу к ближайшей деревне. От палящих лучей солнца защищал густой слой зелени. Много пестрых птиц летало между ветвями. Лес был полон звуков. Вверху раздавались свист, прищелкивание, трель. Насекомых было сравнительно мало, но множество огромных бабочек и особого вида ос и мух, необыкновенных по окраске и формам.

Моряки вышли к плантациям около поселка тагалов. Нагие, носившие только поясok туземцы работали на полях.

Побродив по деревушке и посмотрев на бедные хижины островитян, матросы возвратились к своим палаткам.

В это время Литке с офицерами добрался до деревни, где нашел мулов, которые выслал им губернатор для проезда в его резиденцию. Через полчаса моряки отправились верхами к губернатору. Дорога большей частью шла вдоль морского берега. Обезжая скалы, выдававшиеся в море, путешественники свертывали в сторону и ехали аллеями в тени роскошных деревьев или по полям, засеянным рисом и сарачинским пшеном.

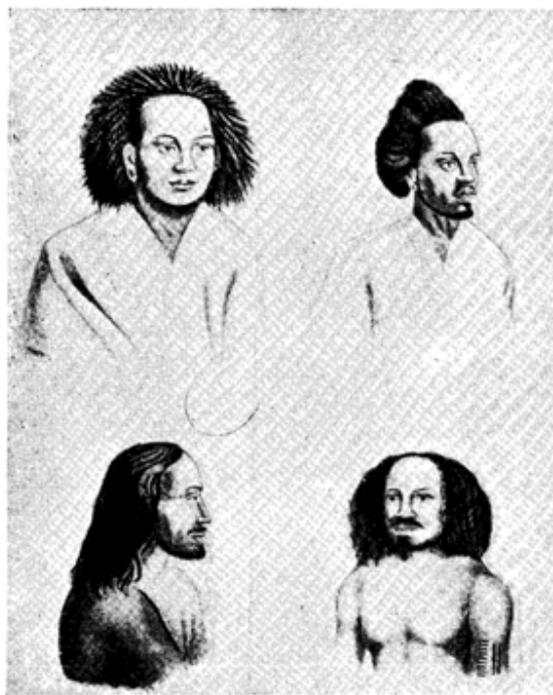
Проехав 3,5 мили, прибыли в Аганью. Город был обширнее деревни, но внешним своим видом мало отличался от нее. Там были старинная католическая церковь, дворец губернатора, несколько магазинов, три гостиницы.

Прежде чем представиться губернатору, моряки остановились в доме его адъютанта и переоделись в мундиры. Задыхаясь от банной температуры, они с трудом продолжали путь к палаццо.

178

Это был двухэтажный дом с раздвижной северной стеной. В окнах южной стороны вместо стекол были вставлены листы из перламутра, пропускавшие достаточно света, но задерживавшие теплоту солнечных лучей.

У дворца моряков встретил штат служащих в черных вышитых золотом мундирах и треуголках с перьями. Сам губернатор в мун-

Жители Каролинских островов.

дире и орденах принял их на крыльце и после взаимных представлений ввел в

палаццо и приказал подать «чакеты» – куртки из легкой шелковистой материи, предложив гостям переодеться. Конечно, каждый был рад променять тяжелый мундир на легкий, почти воздушный костюм. Затем губернатор пригласил гостей в кабинет, отделанный с большим вкусом в старо-испанском стиле, и беседовал о плавании и научных работах. На просьбу Литке расположить на берегу обсерваторию и снабдить «Сенявин» свежей провизией он ответил полным согласием и во всем обещал помощь.

179

После обеда Литке навестил второго губернатора Луиса Торреса, почтенного и веселого старца, которого он также просил о разрешении поставить палатку и заняться наблюдениями в его имении Сумэ. Торрес ответил, что он очень польщен тем, что Литке избрал его имение для своих исследований.

На другой день, не теряя времени, Литке приказал разбить лагерь в Сумэ и поселился там в палатке с мичманом Глазенапом и штурманом Новиковым. Занимаясь наблюдениями, они прожили там с 20 февраля по 4 марта. По окончании работы они отправились на охоту. Охота закончилась очень печально. По неосторожности Литке прострелил себе правую руку возле самого сгиба. Этот несчастный случай лишил его возможности работать полтора месяца.

Между тем, шлюп готовился к дальнейшему плаванию. Работы было много. Корпус судна, все снасти и рангоут требовали после плавания в жарком климате больших исправлений. Шлюпу необходимо было приготовиться к бурям, которые ожидалось по выходе из тропиков, надо было починить гребные суда, исправить много железных и медных вещей, заготовить дрова для камбуза, просмотреть провизию, запастись пресной водой.

Надежда Литке получить некоторое количество провизии от китобойных судов не оправдалась. Их было тут только два, и они могли продавать очень немного провианта.

До своего ранения Литке намеревался по окончании работ в обсерватории провести несколько дней в Аганье с новыми гостеприимными знакомыми и собрать там материал о Марианских островах. Теперь от всего пришлось отказаться. Литке не мог сделать даже официального приема губернатору и просил его приехать на «Сенявин». В один из праздников губернатор приехал на шлюп и привез команде в подарок десять мешков сарачинского пшена.

7 марта шлюп перешел в бухту Уматог, в южной части острова Гуахана. Здесь моряки произвели разные научные работы и запаслись живностью и плодами. Местный начальник, носивший титул алькаде (администратор), получил от губернатора приказ оказывать морякам содействие.

Закончив научные изыскания и запасшись провизией и водой, шлюп 9 марта покинул гостеприимный Гуахан и вернулся на Каролинские острова. Литке хотел продолжить их исследование, начиная с группы Шведа. Так назвал их мореплаватель Вильсон, потому что там остался один матрос его корабля, родом швед.

Утром 14 марта шлюп подошел к островам. Он был встречен несколькими лодками с дикарями. Туземцы казались красивее и стройнее своих соседей, лодки были такие же, как у луганорских островитян. Приблизившись к бортам шлюпа, дикари показывали на свои желудки, объясняя, что они голодны.

Команда стала им бросать сухари и куски солонины. Дикари ели с жадностью. Затем им было разрешено пристать к борту и взойти на верхнюю палубу. Моряки узнали от дикарей, что из двух ближайших групп островов одна, восточная, называется

180

Намурреа, другая, западная – Элато; далее к югу лежала группа Намолиаур.

Литке объяснил дикарям, что шлюп сейчас пойдет к островам Элато, и поэтому они должны покинуть судно, но десять туземцев просили их взять с собою. Рассчитывая встретить у острова Элато лодки и передать на них своих гостей, Литке согласился оставить туземцев.

Затем моряки занялись исследованием островов Элато и Намурреа, причем в

группе Элато нашли гавань, в которую по рассказам Торреса, заходили суда, посылаемые с Марианских островов за трепангами. К большому удивлению моряков, здесь не встретилось ни одной лодки. Только одна виднелась в море, но и та не желала, видимо, вступать в сношения со шлюпом, несмотря на пригласительные знаки моряков. Опасаясь, чтобы гости не задержали здесь «Сенявина», Литке просил дикарей позвать лодку и перейти на нее, но они, получив подарки и сухари, были так довольны, что не хотели этого.

Видя, что его просьбы не действуют, Литке объявил им, что шлюп должен идти на отдаленную группу островов Улеай и что если эта лодка их не снимет, им придется отправиться вместе со шлюпом. Дикари заволновались и стали изо всех сил кричать находившимся поблизости туземцам. Лодка, наконец, подошла, и на ней оказался главный тамоль группы Элато, знавший несколько слов по-испански.

Литке подарил ему медную луженую кружку, а офицеры три нитки красивых бус. На его шлюпку попрыгали все сенявинские гости, и она, сильно загруженная, отвалила от борта.

Закончив исследование местного водного района и опись его островов, «Сенявин» отправился к северу, на розыски группы Фарройлап, про которую много интересного рассказывал Торрес. Ее отыскали 16 марта утром. Это была маленькая, но замечательно красивая группа из трех островов с лагуной посередине. Шлюп обошел ее вокруг и лег в дрейф на подветренной стороне. К нему не замедлили выехать островитяне. Один из них, по наружному виду ничем от других не отличавшийся, изумил моряков европейскими манерами и хорошим знанием испанского языка. Это был тамоль Алаберто, проведенный два года на Марианском архипелаге.

Литке подарил Алаберто бочонок для сохранения воды и карманный компас. Алаберто сейчас же понял употребление компаса и не выпускал из рук эту драгоценность.

22 марта шлюп подошел к группе Ифалук, состоящей из четырех островов, которые лежали внутри рифа, образующего лагуну в 5 миль в окружности. Эта группа населена гораздо больше других. Пока шлюп лежал в дрейфе, его окружили около двадцати пяти лодок с дикарями. По внешнему виду они не отличались от других каролинцев, но превосходили их шумливостью.

Отсюда «Сенявин» отправился к группе Улеай, где Литке решил остановиться на несколько дней для производства астрономических и магнитных наблюдений. Эта группа имеет до 15 миль в окружности и состоит из 22 разной величины островков.

181

Остров Улеай выгодно отличается от остальных островов Каролинского архипелага. Южная его сторона лишена отмели, затрудняющей подход к берегу. Она склоняется довольно крутой покатостью и образует ровное, чистое дно. Посередине острова – живописная роща, пересеченная в разных направлениях дорожками с расчищенными площадками, где стоят уединенные хижины. Коралловые острова имеют вид подковы с очень близким расстоянием от одного берега до другого. Остров Улеай, напротив, занимает очень большую площадь, покрытую густым лесом из пальм, хлебных и банановых деревьев.

«Сенявин» вошел в лагуну и стал на якорь у северной оконечности острова Раура. Литке со штурманами Семеновым и Нозиковым съехал на остров для приискания подходящего наблюдательного пункта.

Дома местных жителей, особенно старшин, были лучше и чище луганорских. Стены построены из досок хлебного дерева, которое в отделке принимает лоск и приятный красный цвет. Внутри дома очень опрятны и резко отличаются этим от туземных жилищ не только Каролинского архипелага, но и всей Океании.

На подветренной стороне острова моряки любовались ловкостью и смелостью туземной молодежи, бросавшейся в самые буруны и вытаскивавшей со дна огромных морских ежей. Молодые раурцы занимались этим ради забавы или спорта. Вытащив ежа из бурунов, они тут же бросали его на берег. Моряки набрали много ежей и отдали доктору Мертенсу для коллекции. На Марианских островах морских ежей не было совсем, и в Гуахане губернатор подарил доктору всего несколько иголок этого животного, как большую редкость.

У местных жителей моряки не встретили такого гостеприимства, как в Луганоре. Здесь их не приглашали в дом, а когда они заходили сами, им не предлагали садиться и ничем не угощали. Получить кокосы было нелегко. Приходилось просить, даже требовать. Это казалось очень странным, так как вся опушка леса состояла из кокосовых пальм.

На следующее утро все офицеры шлюпа занялись исследованием островов. Островитяне помогали им чем могли. Не нравилась им только стрельба охотников. Первое время при каждом выстреле, даже отдаленном, они вздрагивали и настоятельно просили не делать такого грома. Привыкнув, они сопровождали каждый выстрел протяжным «уэ!»

Постоянным гостем Литке был старшина острова Улеай. Он распоряжался у капитана, как в собственном доме.

К вечеру следующего дня все научные работы и гидрографическая опись островов Улеайской группы были закончены. Моряки, работавшие на берегу, возвратились на судно и приготовились с рассветом сняться с якоря и идти на север.

12. НА ОСТРОВАХ БОНИН-СИМА

30 марта «Сенявин» покинул Каролинские острова и направился к архипелагу Бонин-Сима, находящемуся между Марианскими

182

островами и Японией, почти по меридиану от 26°30' до 27°45' северной широты и в долготе 217°35' (западной) от Гринича. Острова состоят из четырех групп с тремя проливами между ними. Все они небольшие, гористые, большую часть с крутыми скалистыми берегами, некоторые просто торчащие из моря скалы, на изрезанных берегах хорошие гавани.

При открытии архипелага голландцами Кваст и Тасман в 1639 г. он был совершенно необитаемым. В 1675 г. там побывали три японца, которые назвали его Бонин-Сима – «безлюдные острова». Они составили опись группы островов Фатзилио и карту, напечатанную в Японии. Во второй с юга группе, на западной стороне острова, названного капитаном Бичи островом Пиля, находится Порт-Лойда. Эта гавань – безопасное место стоянки во всякое время года. Тут и на прочих островах архипелага много пресной воды, дров, всевозможной дичи, хорошей рыбы, раков, омаров, лангустов, черепах, противоцинготных трав и корней, наконец, пальмовой капусты.

Подгоняемый ровным теплым ветром, «Сенявин» после трех недель плавания подошел к Бонин-Сима. Шлюп направился к ближайшей группе островов. Проходя вдоль западной ее стороны, моряки тщательно искали входа в какую-нибудь гавань. Острова с высокими, покрытыми густой и разнообразной зеленью горами были очень живописны. Между дикими обнаженными утесами, возвышающимися на сто и более метров над водой, во многих местах виднелись бухты, окруженные песчаными пляжами. На вершине одной горы сигнальщики «Сенявина» заметили дым и людей, стрелявших из ружей и махавших английским флагом. Хотя уже наступал вечер, Литке послал на берег шлюпку под командой Ратманова для оказания помощи людям, подававшим сигналы. На берег съехали и натуралисты экспедиции Мертенс и Китлиц.

На следующее утро они привезли с собою боцмана Виттрина и матроса Петерсона с английского китобойного судна «Вильяме», потерпевшего здесь крушение осенью 1824 г. Они сообщили Литке, что английский капитан Бичи на шлюпе «Блоссом» летом и осенью позапрошлого года описал южные острова и объявил архипелаг Бонин-Сима принадлежащим английскому королю.

Литке считал, что повторять опись архипелага после Бичи, этого известного и искусного исследователя, было бы бесполезной тратой времени, и решил заняться только астрономическими и магнитными наблюдениями, предоставив тем самым возможность натуралистам исследовать здешнюю природу.

После продолжительной лавировки «Сенявин» вошел в бухту Порт-Лойда и стал на якорь. В тот же день Литке со штурманами и английскими моряками съехал на берег.

1 мая все работы были закончены, гавани Маятника¹ и Порт-Лойда подробно

описаны, и 3 мая шлюп вышел в море, взяв с собой двух единственных обитателей этого острова и их имущество.

¹ Гаванью Маятника Литке назвал бухту, на берегу которой производил наблюдения над качаниями постоянного маятника и астрономические.

183

13. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМЧАТКУ. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ БЕРИНГОВА МОРЯ

«Сенявин» направился к Камчатке. После двадцати дней плавания перед морьями открылись лесистые берега Камчатки с красивыми коническими сопками. На темном очертании берега показался вход в Авачинскую губу, но войти в нее в этот день не удалось, так как густой туман неожиданно окутал все побережье. На следующий день прояснело, и камчатский берег открылся во всем своем великолепии. Шлюп приблизился к берегу, и мореплаватели, осмотрев вход в Авачинскую губу, вошли в бухту, затем в Петропавловскую гавань и стали на якорь.

Трехнедельная стоянка в Петропавловске прошла в приготовлениях к северному плаванию, в заготовках бочек и небольших бочонков для презервов (консервов), в приемке от порта провизии и теплой одежды, в составлении карт, журналов и отчета за время пребывания шлюпа в тропиках для отправления в Главный морской штаб в Петербург.

Вскоре по прибытии в Петропавловск заболел старший офицер шлюпа Завалишин. От усиленных трудов здоровье его так расстроилось, что врачи признали невозможным продолжение плавания в суровом климате Берингова моря. Он вынужден был покинуть «Сенявин» и отправился на транспорте «Алеут» а Охотск, чтобы оттуда сухим путем возвратиться в Петербург.

Натуралист Китлиц настолько увлекся природой Камчатки, что решил остаться здесь до возвращения шлюпа из северного плавания. Он хотел предпринять поездку в глубь острова и считал, что работа там принесет больше пользы науке, чем плавание в пустынных и бесплодных странах.

14 июня шлюп вышел из гавани и направился к Шипунскому мысу, находящемуся около 50 миль от входа в Авачинскую губу. Погода была благоприятная. Пользуясь ровным ветром, шлюп шел под всеми парусами со скоростью 3 мили в час. «Сенявин» шел, держась далеко от берега. Весь экипаж вышел наверх и любовался величественными картинами дикой камчатской природы.

Ввиду того, что побережье полуострова Камчатки почти совсем не было исследовано и морские карты его были очень неверны, инструкция адмиралтейства предписывала Литке возможно подробнее исследовать и описать его. Однако вследствие ограниченности времени Литке решил определить только географическое положение главных пунктов, ориентируясь на которые можно было бы позже произвести подробные исследования.

Пройдя Шипунский нос, «Сенявин» взял курс к мысу Кронокский. Утром 16 июня сенявинцы одновременно любовались сопками Авачинскою, Корякскою, Жупановою, Кронокскою. Определением высоты Кронокской сопки занялись одновременно все три штурмана и сам капитан. У всех четырех она оказалась равною 3370 м.

Кронокский мыс миновали вскоре после полудня 17 июня. Далеко на севере стали показываться высокие горы, между кото-

184

рыми выделялась исполинская Ключевская сопка. Штурманы и Литке определили ее высоту в 5300 т.

В следующие два дня при малом ветре шлюп медленно подвигался к Камчатскому носу. Моряки обнаружили очень много погрешностей в морских картах этой части камчатского побережья.

Рано утром 20 июня при ясной погоде шлюп приблизился к устью реки Камчатка. Вся команда, офицеры и ученые экспедиции вышли на верхнюю палубу. Сопка

Ключевская и многочисленные другие сопки и горы были отлично видны. Все были покрыты снегом. Сенявинцы, как очарованные, стояли молча и не могли оторвать глаз от великана, задержанного на вершине легкой дымкой. Казалось, что вулкан находится у самого берега, а между тем до него было 104 мили.

- Ключевская сопка - величайший вулкан на земле, - заметил натуралист Мертенс.

- Я в первый раз вижу вулкан такой величественной и вместе с тем такой дивной красоты, - заметил много путешествовавший профессор минеролог Постельс.

Литке со своими помощниками определил точное географическое положение Нерпичьего озера, устья реки Камчатка, Камчатского носа и находящихся вблизи Столбового мыса и речки того же имени. Отсюда шлюп направился к видимому на север Озерному мысу и подошел к нему 21 июня. Едва успели определить его географическое положение, как погода испортилась, берега закрылись туманом. 22 июня немного прояснилось, и на севере показался Карагинский остров. Уже стемнело, когда шлюп вошел в пролив между материковым берегом и островом. Там бросили якорь.

Утром сенявинцы увидели, что шлюп стоит в бухте, окруженной низменным берегом. Еще перед уходом шлюпа в северное плавание помощник начальника Камчатской области Кузьмищев сообщил Литке, что жители района реки Карага рассказывали ему, что на западном берегу острова, как раз против устья этой реки, есть гавань со входом шириной не менее километра, куда нередко заходят киты.

Доверяя этому сообщению, Литке решил отыскать эту гавань и исследовать ее возможно полнее. Для этого был послан на гребной шлюпке Ратманов, получивший приказание пройти вдоль берега миль двадцать, осматривая по пути все бухты и гавани.

На ближайший берег острова съехали Литке и Нозиков для производства астрономических и магнитных наблюдений и естествоиспытатели Мертенс и Постельс. Остальные офицеры должны были произвести морскую съемку и промер. Англичанин боцман Виттрин и два алеута отправились на охоту, а свободные от службы матросы принялись за стирку белья в реке, впадавшей в залив, за ловлю рыбы и охоту на птиц.

На острове расстилалась сухая тундра, покрытая ольховым кустарником и травой. Через тундру протекала довольно глубокая и быстрая речка, на берегах которой было множество гусей, уток и куликов. В южной части острова вся почва была вспахана креп-

185

кими клювами топорков. Эти птицы напоминают попугаев: у них черное оперение, красный клюв, похожий на маленький топор, и желтый пучок перьев на голове.

В этот день у берегов острова появилась в несметном количестве лососевая рыба, называемая няркой (красная). Эта рыба длиной около 50-60 см, весом до 6 кг, плоская, с красным, как у семги, мясом. Рыба с неудержимой силой стремилась вверх по реке. Она шла такой плотной массой, что малейшее обмеление реки или сужение русла заставляли ее выпираться кверху, выскакивать из воды, бросаться на песчаные отмели. Сенявинцы воспользовались ходом нярки, наловили в несколько часов большое количество, засолили и уложили в бочки, сделав запас почти на год.

Первый день стоянки был очень знойный. Черный песок, покрывавший берег, был раскален, но в 36 см ниже поверхности находился плотный слой вечной мерзлоты. Тучи комаров и мошек затрудняли производство работ на берегу. При астрономических наблюдениях два человека должны были беспрестанно хлестать ветками по лицу и рукам обоих наблюдателей, магнитные наблюдения можно было производить только разведя в палатке огонь из хвороста и туфа, но едкий дым выгонял часто не только насекомых, а и самих наблюдателей.

«Сенявин» простоял двое суток. Воздух в это время был насыщен парами, которые около полудня странно искажали предметы даже на близком расстоянии. Горы материкового берега беспрестанно изменяли свой вид.

Около полудня 26 июня возвратился Ратманов, не найдя никакой гавани. В первый

день он проехал 15 миль вдоль обрывистого берега, только кое-где берег пересекался речками, ручейками или сбегавшими с гор водопадами. Ночевали недалеко от речки, на которой заметили развалины юрт. Медведи стадами бродили около. На следующий день Ратманов проехал еще 5 миль до другой речки, где также были видны остатки жилищ и стада медведей, но гавани так и не оказалось.

Поиски Ратманова показали, что размеры Карагинского острова гораздо больше, чем можно было предполагать по старым картам. Ввиду этого Литке, закончив свои наблюдения, пошел на север по проливу между материком и островом. Около трех часов пополудни на материковом берегу было замечено устье довольно широкой реки. По обоим берегам ее возвышались холмы, покрытые густым лесом, самое устье было сжато низменными мысами. По имевшимся на шлюпе описаниям и сообщениям Кузьмищева это была река Карага, и тут на стороне острова должна была находиться искомая гавань. Подойдя в сумерки к берегу острова, шлюп стал на якорь в открытой бухте.

Было очевидно, что шлюп находится в том месте, о котором говорили карагинцы. Теперь предстояло отыскать Малый Карагинский, или Верхотуров, остров, лежащий, по тем же известиям, в 5 км к северу от Большого. Для промера и осмотра берегов были посланы Ратманов и Семенов, которые, возвратись поздно вечером, сообщили, что они нашли, наконец, гавань, но глубиною всего

186

3 м. Штили и туманы продержали здесь шлюп три дня. За это время гребные суда, под командою офицеров, осмотрели все западное побережье Карагинского острова до северо-восточной его оконечности. Верхотурова острова не было видно даже с самых высоких мест, на которые можно было взобраться.

1 июля шлюп вышел в море и снова обогнул южную оконечность острова Карагинокий, названную Литке мысом Крашенинникова. Затем пошел вдоль восточной стороны острова, исследуя его берега. Вечером 3 июля он подошел к северо-восточной оконечности, до которой с другой стороны уже доходил штурман Семенов. Таким образом, исследование этого большого острова было закончено.

Когда шлюп отошел к северу километров на тридцать пять, штурманы увидели островок, в котором узнали Верхотуров. Оказалось, что он лежал почти в 50 км от Карагинского. К острову Верхотуров шлюп приблизился около полуночи и до четырех часов утра держался около него под малыми парусами, идя самым тихим ходом. Рано утром приступили к исследованию острова. Он имеет около 8 миль а окружности, южная и восточная стороны круты, а от северо-западной протянулся низменный мыс, на котором виднелись балаганы и разрушенные юрты. Вероятно, это были следы посещения олюторских моряков и камчадалов, приезжавших сюда на промысел чернобурых лисиц, иногда даже здесь зимовавших. Этот ценный и редкий зверь водился здесь в довольно большом количестве, а на соседнем материковом берегу встречался только изредка. Окончив исследование Верхотурова острова, Литке направился к Олюторскому мысу, находящемуся на материковом берегу в 150 милях на северо-восток от этого острова.

5 июля разразилась буря. Шлюп, как щепу, бросало из стороны в сторону. По временам он черпал воду бортами. Волной смыло большую часть подветренной сетки с койками.

Через сутки буря стихла, подул попутный ветер, и шлюп пошел прямо к Олюторскому мысу, но наступивший густой туман принудил Литке отказаться от его посещения и взять курс к Чукотскому носу – мысу Восточный (современный мыс Дежнева) – самой восточной оконечности Азии. Несмотря на густой туман, шлюп быстро подвигался вперед. 14 июля туман сменился дождем, горизонт несколько увеличился, и сквозь пасмурность обозначались на юго-востоке берег и снеговые вершины острова Св. Лаврентия. Отсюда «Сенявин» направился в середину Берингова пролива. Свежий зюйд-вест гнал его со скоростью до 9 миль в час.

15 июля ветер стих, море успокоилось. Шлюп скоро вошел как бы в целый архипелаг островов. Вершины гор азиатского и американского материков, между которыми в отдалении скрывались низменности, казались островами. Потребовалось некоторое время, чтобы осмотреться и разобраться в окружающем. Произвели

астрономические наблюдения и точно определили место нахождения шлюпа. Затем Литке со всеми штурманами определил точное гео-

187

графическое положение Восточного мыса и некоторых других мест.

Закончив наблюдения, Литке направился через середину Берингова пролива (в Северный Ледовитый океан. Сенявинцы давно уже ждали момента, когда судно вступит в Арктический океан, и настроение было приподнятым и торжественным.

Мыс Восточный возвышался на траверзе шлюпа в виде высокого полуострова, соединенного с материком низким перешейком. «Сенявин» прошел между высокими гористыми островами Диомида и громадной скалой Восточного мыса. Тихий океан остался позади. За островами Диомида виднелись синие и плоские горы американского материка. Так как исследование арктического побережья не входило в программу плавания «Сенявина», шлюп прошел только несколько миль к северу за Берингов пролив и повернул на юг.

Вернувшись в Берингов пролив, Литке взял курс на губу Св. Лаврентия, в 60 км к юго-западу от Восточного мыса. Там он хотел стать на якорь для производства астрономических и магнитных наблюдений и для исправления некоторых повреждений в рангоуте, полученных при шторме в Беринговом море.

Рано утром 16 июля шлюп миновал селение Нунэму, расположенное при входе в бухту Св. Лаврентия. Обитатели его о любопытством смотрели на проходившее почти под всеми парусами судно. Ветер скоро стих, и «Сенявин» стал на якорь перед устьем губы. К нему тотчас же направились на своих байдарках чукчи. «Тарова! Тарова!» (Здорово!) – еще издали раздались их голоса. Повторяя эти слова, чукчи гладили себя по голове против волос. Пристав к борту «Сенявина», чукчи без всякого страха взошли на верхнюю палубу шлюпа. Все приехавшие были малорослы, некрасивы, смуглы, крепкого сложения. Волосы у них черные, жесткие, глаза карие, узенькие, запавшие в глазницах, лица скуластые, носы приплюснутые, губы толстые, зубы ровные, желтоватые. Все они были одеты в нерпичьи и оленьи летние кухлянки. Лица и руки грязные, так как они никогда не мылись. От каждого из них отвратительно пахло.

Взаимным поклонам гостей и хозяев не было конца, но один из прибывших, видимо, нашел, что Литке недостаточно учтивый хозяин, так как встретил гостей с головой, покрытой фуражкой. Он очень вежливо снял с него шапку и, кланяясь, повторял: «Тарова! Тарова!» Гости просили угостить их табаком и дать для их жен иголок.

Им сейчас же принесли несколько восьмушек махорки, пачки листового табаку и целую коробку иголок. Кроме того, каждого угостили чаркой сладкого красного вина и сухарями. Подарки эти и угощение вызвали большую радость чукчей, и они бросились обнимать и целовать хозяев, после чего попросили еще «прошки» (так называют на Камчатке и на Чукотском полуострове нюхательный табак). Когда им принесли несколько коробок этого табаку, они стали прыгать от восторга и с жадностью нюхать его.

Описывая чукчей, Ф. П. Литке приводит следующий эпизод: «Многие из них посещали мою астрономическую обсерваторию -

188

палатку. Очень любопытно было видеть, какое впечатление произведут на них совершенно новые и непостижимые для них предметы, которые и в других местах, населенных людьми более просвещенными, заставляли меня иногда опасаться прослыть колдуном. Чукчи рассматривали их с любопытством, но не показывали ни подозрения, ни докучливости. Напротив, все были ласковы и старались на наши шутки и ласки отвечать так же. Одного весьма дюжего чукчу потрепал я в знак дружбы по щеке и в ответ получил внезапно такую пощечину, от которой едва с ног не свалился. Пришел в себя от удивления, вижу предо мной моего чукчу с улыбающимся лицом, выражавшим самодовольство человека, удачно показавшего свою ловкость и приветливость».

Случай этот произошел в присутствии офицеров, боцманов и переводчиков. Все

они выражали возмущением поведением чукчи и просили капитана как следует его наказать. На просьбу боцмана приказать всыпать ему «побольше горячих линьков» Литке отвечал: «Нет, нет! Не надо. Вы его не понимаете. Ведь он дитя природы и хотел меня также потрепать, но рукою, привыкшей трепать одних оленей».

Селение состояло из одних летних юрт. На зиму обитатели, удалялись в другое селение, где жили в землянках. Моряков! любезно приглашали в юрты. Все сенявинцы побывали в юртах, несмотря на отвратительную их грязь. Молодые женщины были очень веселы и забавляли моряков. Юрты здешних чукчей сделаны из китовых ребер; покрыты шкурами и походят на палатки.

Литке, при посещении старшины селения, был приглашен во внутреннюю часть палатки – полог. Такая честь оказывалась только почетным гостям. В пологе горел ночник из мха с тюленьим жиром. Чадил он невыносимо. Заметив гостя, жена хозяина юркнула под шкуру, служившую дверью, а дочь продолжала молча заниматься своим туалетом – вплетать бисер в косматые, намазанные жиром волосы. Немного погодя хозяйка принесла в грязной деревянной чашке вареное, без соли, оленье мясо и, прибавив туда порядочную порцию протухлого китового жира, просила гостя закусить. Чтобы не обидеть хозяев, капитан отведал лакомого блюда, от которого его чуть не стошнило. А хозяин ел с удовольствием, объясняя гостю, что жена его – большая мастерица готовить китовый жир так, чтобы он приобрел достаточную степень горечи. Долгое время отвратительный запах юрты оставался в платье Литке, несмотря на проветривание и спрыскивание одеколоном.

Другой старшина пригласил Литке присутствовать на народном гулянье. Вблизи селения было расчищено место для бега взапуски. Победители получали награды: бобровый и песцовый меха и отличные моржовые клыки. Десятка два чукчей выступили на соревнование. Несмотря на то, что они оставались все в той же тяжелой меховой кухлянке, они бегали чрезвычайно быстро. Особенно поражала их выносливость и неутомимость: они без отдыха пробежали 12 км. Победители очень гордились полученными призами. После игр началось угощение, состоявшее из кусков вареной оле-

189

нины. Во время и после игры был полный порядок. Не было ни споров, ни толкотни, каждый вел себя тихо и благопристойно.

На следующий день в палатку Литке пришло восемнадцать чукчей, мужчин и женщин. Он угощал их чаем, сухарями, леденцами. Попробовав чай, они не захотели его пить, сухари и леденцы очень одобрили. Капитан подарил женщинам несколько ситцевых платков, ниток, цветных бус и шелковых лент. Они чрезвычайно обрадовались подаркам, развеселились, стали плясать. Танцы их были довольно оригинальны. Девять женщин в тяжелой неуклюжей одежде сошлись в кучу и под звуки нескладной монотонной песни принялись передвигать ногами и махать руками. В заключение три лучшие танцовщицы проплясали любимый народный танец, от которого все их соотечественники пришли в восхищение.

19 июля научные изыскания были окончены, и Литке возвратился на шлюп. В этот и в два следующие дня был полный штиль при густом тумане, продержавший шлюп на якоре лишние трое суток. С раннего утра и до позднего вечера, как и в предыдущие дни, шлюп был окружен байдарками. Шла оживленная торговля песцами, бобрами и моржовыми клыками. Песни и шутки не прекращались. Входившие на палубу шлюпа чукчи вели себя очень пристойно. По прежним описаниям, чукчи были дикий, угрюмый и воинственный народ, однако сенявинцы нашли в них веселых и гостеприимных людей.

«Дружеские неоднократные посещения наших судов могли, конечно, произвести добрую перемену в их расположении, – читаем мы у Литке в его описании чукчей. Но мне кажется, что они никогда не были столь беспокойным народом, как их описывали. Они были немирные, покуда с ними обращались дурно; с переменной обращенности и они переменились. Все это я разумею об оленных, то есть кочевых, чукчах, которых и здесь около нас было довольно; оседлые же чукчи всегда слыли тихими».

Выйдя из губы Св. Лаврентия 21 июля вечером, шлюп встретил в Беринговом

проливе очень тихий ветер и густой туман. В течение пяти суток «Сенявин» был вынужден держаться на одном месте. 27 июля около полудня шлюп находился вблизи Мечигменской губы. Чтобы войти в эту бухту и исследовать ее, Литке приказал спустить гребные суда и начал буксироваться ими при полном штиле. В начале десятого часа вечера шлюп бросил якорь, недоходя полторы мили до устья губы. Здесь «Сенявин» простоял два дня.

Продолжая идти на юг, шлюп поравнялся в широте 64°45' (северной) с заливом, упоминаемым Куком в его «Третьем путешествии».¹ Залив показался Литке глубоко вдающимся в материк, с высокими остроконечными горами вблизи берегов.

Кук считал этот залив мелководным, и сенявинцы, пройдя к его устью, очень удивились, когда не смогли достать дна на 80 м, хотя несколько дальше в море глубина не превышала 54 т. Заинтересовавшись этим, Литке решил подробно исследовать залив и вошел

---

¹ Том I, стр. 472.

190

в него. В самом устье, имеющем от 5 до 6 миль ширины, глубина оказалась от 70 до 80 м. Шлюп прошел в глубь залива и стал на якорь. Так как якорная стоянка оказалась плохой, был послан Семенов на байдаре отыскать более удобное место. В то же время другая партия моряков и естествоиспытатели отправились на берег к устью речки, около которой стояло несколько чукотских юрт. Эта партия, вернувшись, привезла неожиданное известие, что шлюп стоит не в заливе, а в проливе, отделяющем от материка большой остров Аракамчечен, лежащий от шлюпа к югу.

Литке приступил к подробному исследованию пролива.

В сумерки возвратился Семенов, посланный на байдаре для розысков хорошей стоянки. Он доложил, что хорошего якорного места не нашел, но что ему удалось открыть значительную губу, называемую чукчами Пенкегней.

- В глубине этой бухты я наблюдал, - рассказывал он, - как один чукча охотился за нерпой. Он положил на камень чучело нерпы, а сам, спрятавшись за камень, пошевеливал его и кричал голосом, похожим на крик нерп. На этот крик из бухты приплыла большая нерпа и, не подозревая обмана, приблизилась почти к самому камню. Чукча метко вонзил в животное большую стрелу, привязанную к крепкому шнуру, вытащил зверя на берег и убил его палкой.

Приблизившись к большому острову, шлюп стал на якорь. На другой день утром Литке съехал на берег и поднялся на гору, откуда открывался великолепный вид. Был виден весь Берингов пролив со всеми его заливами. Вновь открытый пролив и остров Аракамчечен лежали перед глазами, как на ладони. Литке, посоветовавшись с офицерами, назвал эту гору Афон (в честь победы, одержанной 19 июня 1807 г. адмиралом Сенявиным над турецким флотом), а пролив, отделяющий остров Аракамчечен от материка, именем Сенявина.

Ратманов был отправлен для исследования западного берега острова. Там он открыл небольшую, очень спокойную гавань, которую Литке назвал гаванью Ратманова.

31 июля с восходом солнца приступили к исследовательским работам. Литке отправился на баркасе и байдарке с Глазенапом, Нозиковым и естествоиспытателем Постельсом в южную половину пролива, поручив Семенову и Ратманову исследовать западный берег. На южном очень низменном мысе острова моряки увидели несколько байдар с чукчами. Они были очень приветливы и смиренны. Литке подошел к ним и, подарив леденцы и махорку, вступил в разговор, припоминая слова, которые он узнал в губе Св. Лаврентия. Не имея никакого понятия о письменности, чукчи были очень удивлены, когда он записывал название наиболее трудно выговариваемых слов, а затем, смотря на бумажку, произносил их очень бегло.

После обеда моряки переправились на другой большой остров Иттыгран, лежащий к югу от Аракамчечена. Они остановились в небольшой открытой бухте, где было несколько чукотских селений, и здесь путешественники встретили такой же радушный

прием. Особенно приветливы были женщины. Они очень искусно выманивали у моряков «титита» (иголки). Молодые девушки за несколько иголок пели хриплыми голосами и плясали очень некрасиво и нескромно. Литке по-чукотски спросил их:

– Можно ли у вас купить оленя?

– Да, да, сейчас! – ответило ему сразу много голосов. Через несколько минут были притащены две туши только что убитых оленей.

Вот как описывает этот случай Литке: «Хозяйки обрадовались, когда я предложил им оставить у себя внутренности оленей; они тотчас принялись потрошить туши руками, от рождения не мытыми, с жадностью вычерпывая из них кровь. Известно, что чукчи, заколов оленя, затыкают рану, чтобы не терять крови, из которой приготовленное кушанье считают первым лакомством. От этого мясо бывает черное и скорее портится... Одаренные не скупы, приятели наши ласково провожали нас к баркасу, входили в воду, чтобы помочь нам».

Окончив к вечеру исследование острова Иттыгран, моряки переехали к ночи на мыс Погелян, а с восходом солнца отправились вдоль побережья в западном направлении и в одной миле от мыса нашли хорошую гавань. Литке назвал ее гаванью Глазенапа. Здесь на берегу было расположено маленькое чукотское селение Иергин. Туземцы оказались не только приветливы, но и очень услужливы. Они всячески старались помогать морякам в работах.

Проехав еще несколько миль вдоль острова, потом поперек пролива и вокруг восточной оконечности острова Иттыгран в южное устье¹ пролива Сенявина, моряки остановились в небольшой бухточке этого острова. Произведя ряд астрономических и других наблюдений, шлюп 6 августа вышел из пролива Сенявина и пошел вдоль берега. На следующий день, продолжая описание берега, дошли до Чукотского носа. На низменном мыске его было небольшое селение.

Обогнув Чукотский нос, шлюп пошел на запад вдоль побережья Анадырского залива. Медленно подвигаясь вперед, в полдень 10 августа «Сенявин» находился на том самом месте, где ровно сто лет назад был Беринг, поэтому Литке ближайший мыс назвал мысом Столетия. 13 августа шлюп подошел к бухте Преображения, названной так Берингом в день этого праздника. Вблизи бухты шлюп заштилел.

На берегу виднелось селение чукчей и несколько табунов оленей. В 12 милях на северо-западе находится очень высокий и утесистый мыс, лежащий ровно под 65° северной широты. Так как он не носил никакого названия, Литке назвал его мысом Беринга.

Исследуя далее побережье Анадырского залива, шлюп достиг залива Св. Креста, в одной из бухточек которого стал на якорь. Литке с несколькими офицерами съехал на берег, где их встре-

¹ Это устье Кук ошибочно принял за южную губу из двух соседних в северо-восточной части Чукотского полуострова.

тила большая толпа чукчей. Один из чукчей, по имени Хатыргин, пригласил моряков к себе в юрту. Юрта была больше и чище тех, которые они видели раньше. Гостей посадили на оленье меха. Из разговоров выяснилось, что отсюда до устья реки Анадырь только полтора дневных перехода, тогда как по старым картам расстояние до него показано более 100 миль по прямой линии. Кроме того, Хатыргин сообщил, что отсюда до устья Анадыря простирается ровный низменный берег и что сам залив Св. Креста вдается к северу на целый дневной переход. Все эти сведения были весьма важны. Для исследования залива Св. Креста были снаряжены отряды из офицеров и штурманов. Сам капитан занялся астрономическими и магнитными наблюдениями.

18 августа береговые утесы, омываемые огромными бурунами, покрылись снегом; море ревело, и свирепый ветер гудел в снастях шлюпа. Однако на следующий день

стихло, и тотчас были отправлены исследовательские партии: Ратманов с баркасом и байдарою – на западный берег залива и Семенов – на восточный. Оба они с своими командами были снабжены продовольствием на пять суток.

Литке с Глазенапом и Нозиковым переехали на берег и устроили палатку из шкур лахтаков,¹ наподобие юрты, закрыли ее парусом и осыпали снизу землей. Хотя в палатке, не угасая, горел в камельке огонь, температура держалась не выше 1–2° мороза, в щели дул холодный ветер. Матросы построили себе землянку, и в ней было гораздо теплее и уютнее, чем в палатке капитана.

Вечером 24 августа возвратился Семенов, который обследовал более 36 миль побережья к северу и нашел везде ровный отмельный берег и только в одном месте небольшую открытую бухту. До вершины залива оставалось еще около 20 миль и столько же до противоположного берега. Через сутки возвратился и Ратманов со своим отрядом, исследовавший западное побережье залива.

Чтобы покончить исследование всего залива, шлюп снялся с якоря и перешел в глубину бухты, найденной Семеновым. Ратманов и Семенов были снова посланы на гребных судах заканчивать исследования, а Литке переправился для наблюдений на берег.

29 августа поднялась сильная буря. Литке очень беспокоился за шлюп и всю ночь не смыкал глаз. На рассвете из палатки и землянки выбежали на берег моряки, чтобы посмотреть, цел ли шлюп. Море бушевало, но «Сенявин» стоял крепко и надежно.

В ночь с 1 на 2 сентября моряки любовались северным сиянием. Весь день 2 сентября около лагеря Литке провела большая компания оседлых и оленных (кочующих) чукчей. Между кочевыми был один крещеный. Литке заговорил с ним. Чукча рассказал, что его крестили три года назад на Колыме, крестным от-

---

¹ Лахтаки – морские зайцы (вид тюленя).

193

цом его был комичар (комиссар), его учили молиться, но он почти ничему не выучился и никакого понятия о самой вере не имеет, но все же живет по-христиански и часто крестится.

– А сколько у тебя жен? – спросил капитан.

– Конечно, одна, – отвечал он, – ведь христиане больше иметь не могут.

Литке подарил ему медный котел, топор и долото, а его жене дал кашемировый платок и нитку бус. Чукча поблагодарил, но попросил прибавки для другой жены, оставшейся дома.

– Как же ты мне только что говорил, что у тебя одна жена?

Чукча смеялся над своим промахом.

Вечером капитан пригласил к себе в палатку всех находившихся поблизости чукчей. Их набралось двенадцать человек. Хозяин угощал их рыбными консервами, чаем и водкой. Кроме того, каждому было подарено по две восьмушки махорки. Гости вели себя скромно и чинно. Им очень понравился камелек, топившийся в палатке, и они спрашивали, нет ли на шлюпе лишнего для промена на меха. Просидев более двух часов, гости ушли спать под свои байдары.

Все следующие дни, до самого окончания работ, эти чукчи большую часть времени проводили в землянке с матросами, а ночевали всегда под байдарками.

Доктор Мертенс вылечил несколько чукчей от гнойного воспаления глаз. Чукчи выразили восторженную радость и горячо благодарили доктора. Мертенс оставил им несколько баночек глазной мази для других чукчей, страдавших этой очень распространенной здесь болезнью. Кроме того, он оставил им несколько десятков коробок с порошком от паразитов, которые были бичом каждой яранги.¹

Чукчи очень радовались подаркам Литке, необходимым в домашнем быту молоткам, топорам, пилам и другим инструментам. Особенно они благодарили за оселки, которые открыли им секрет отточить нож в несколько минут, вместо обычных трех дней. Женщины более всего были рады подаренному мылу.

5 сентября Литке закончил наблюдения и перебрался на шлюп. В тот же день возвратились и обе исследовательские партии. Ратманов обошел западный и северный

берега залива и нашел две губы, глубоко вдающиеся в полуостров, и одну небольшую, но очень удобную и хорошо защищенную. Семенов в это же время исследовал восточную часть залива. Вечером этого дня «Сенявин» вышел в море, направляясь к Камчатке. По пути он подробно исследовал побережье у мыса Св. Фаддея и у других наиболее приметных мест.

23 сентября шлюп вошел в гавань Петропавловска, где ожидал его шлюп «Моллер», пришедший сюда более месяца назад. Моряки обоих судов очень обрадовались друг другу и предстоящему совместному возвращению в Кронштадт.

---

¹ Яранга - жилище.

14. ОТ КАМЧАТКИ ДО ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВОВ

29 октября на рассвете «Моллер» и «Сенявин» вышли из Петропавловска и двинулись в далекий обратный путь. Первые дни плавания термометр не поднимался выше 0°. Северные ветры сопровождалась густым туманом.

7 ноября сильный юго-восточный ветер превратился в бурю с густой пасмурностью. Шлюп «Моллер» скоро опередил «Сенявина» и скрылся из вида. Когда горизонт очистился, сенявинцы не могли найти своего спутника. Литке условился с командиром «Моллера» в случае разлуки итти каждому самостоятельно в Манилу. Там шлюпы должны были встретиться 1 января 1829 г.

Разлучившись с «Моллером», Литке продолжал плыть к югу, взяв курс через северную часть Каролинских островов. Он рассчитывал найти там острова, про которые слышал от каролинцев, но которые прошлого зимою не видел.

Спокойное, успешное плавание продолжалось до 15 ноября, когда в 27° северной широты, после кратковременного штиля, шлюп получил северо-восточный пассат. Не встречая никаких признаков близости земли, моряки достигли группы коралловых островов, окруженных весьма опасным рифом. Подойдя к южной стороне острова, шлюп заметил шедшие навстречу две туземные пироги. Между совершенно голыми, коричневого цвета островитянами был один с русыми волосами и необыкновенно, в сравнении с другими, белизною тела. Пирогоа подошла к шлюпу, и русоволосый на чистейшем английском языке попросил позволения взойти на судно. Это был английский матрос Вильям Флойд, попавший сюда с китобойного судна. Он убедительно просил Литке взять его на корабль и доставить в Англию. Просьба англичанина была исполнена. Сенявинцы засыпали его вопросами, на которые Флойд едва успевал отвечать и, со своей стороны, просил поскорее остричь его, выбрить и одеть в матросский костюм. Впоследствии он рассказал Литке и ученым экспедиции много любопытных сведений о народе, с которым прожил два года.

Открытая группа островов называлась туземцами Мурилле. Она состояла из девяти коралловых островков и была окружена рифом, большая часть которого находилась под водой. «Сенявин» обошел вокруг всей группы. Из разных мест навстречу выезжали пироги с туземцами. Литке попытался использовать англичанина в качестве переводчика, но это не удалось, так как Флойд не удосужился выучиться туземному языку. Англичанин считал, что не он должен учиться языку островитян, а они английскому, как самому распространенному на земле.

Утром 8 декабря «Сенявин» подошел к острову Файса. К шлюпу подплыло пять больших лодок с туземцами, которые охотно вошли на шлюп. Моряки передали им привет от улеайских знакомых и сразу заслужили их расположение. Между ними был старик Тимай, который отрекомендовался Литке как главный стар-

шина острова. Он оказался очень веселым и интересным собеседником, и капитан и ученые провели в разговорах с ним несколько часов. Вместе с Тимаем на шлюп прибыло более дюжины его родственников. Все они держались вежливо и чувствовали себя на «Сенявине» как дома: обедали с большим аппетитом, пили чай, ужинали. Гости провели на судне целый день, были очень веселы, пели свои песни и плясали.

Вечером Тимай и его родственники уехали на берег.

Ученые экспедиции провели на острове несколько часов. Этот остров замечателен тем, что он один из всех низменных Каролинских островов не имеет лагуны и состоит из крутых утесов, метров тридцать вышиною; в окружности он достигал около 5 км и был очень живописен.

Жители Файса очень походили на других островитян Каролинского архипелага. Лодки, татуировка тела и язык были одинаковы. Все туземцы, без исключения, знали испанские названия первых пяти чисел, а один считал даже до десяти.

Закончив исследование Каролинского архипелага, «Сенявин» направился к Филиппинским островам, на Манилу. Филиппинские острова открыты Магелланом, первым европейским мореплавателем, предугадавшим и проложившим путь в Индию вокруг мыса Горн. В 1519 г. испанская экспедиция из пяти кораблей под его начальством отправилась на поиски западного пути в Индию. Обогнув на юге Америку и пройдя проливом, названным затем Магеллановым, экспедиция вошла в Великий океан и в 1521 г. дошла до островов, называемых Филиппинскими, или Испанской Индией. Эта группа принадлежала Испании, а после испано-американской войны перешла к США. Приближаясь к Филиппинским островам, моряки опасались попасть в тайфун, который бывает тут часто в это время. Зарождается он обыкновенно среди Филиппин, затем центр урагана, вращаясь вихреобразно, идет по параболе, проходя в сутки миль шестьсот. Попасть в центр урагана – значит почти наверняка погибнуть. Но по обе стороны от центра идут широкие менее опасные полосы, хотя и там также сильно падает барометр, со страшной силой врывается ветер, разражается гроза, льет ливень, часто отказывается служить компас. Во время тайфуна моряки стараются определить по разным данным линию центра урагана и уйти от нее как можно дальше. Чаще всего эта линия идет от Манилы в Формозский пролив и дальше к северу, к Корее и Японии.

«Сенявин» сделал вполне благополучный переход и 31 декабря подошел ко входу в Манильский залив на острове Лусон. От острова Коррехидор отвалил сторожевой катер и подошел к «Сенявину». Прибывшие таможенные чиновники, после обыкновенного опроса, сообщили, что шлюп «Моллер» давно уже стоит на рейде в Маниле.

Филиппинский архипелаг состоит приблизительно из семи тысяч островов, которые лежат между 5° и 21° северной широты и 117° и 127° восточной долготы. Архипелаг занимает пространство в 297 тысяч квадратных километров. Наибольшие острова

196

Лусон и Минданао по 105 тысяч и Палаван – 11,8 тысяч квадратных километров. Все острова архипелага гористы, но высота гор не превышает 1500 м. Здесь много вулканов и часты землетрясения. Климат на островах влажный и жаркий, средняя годовая температура + 25°, + 26° Цельсия. Дожди приносятся муссонами. Случаются частые опустошительные тайфуны. Население, около двенадцати миллионов, состоит из малайских племен, китайцев, белых и метисов. Основное хозяйство – земледелие, плантационные культуры. Разводят рис, кукурузу, тропические фрукты – для местного потребления, для переработки и вывоза – сахарный тростник, табак, кокосовую пальму и немного каучука. Довольно развита промышленность, обрабатывающая местное сырье. Из изделий славятся цыновки, хлопчатобумажные и шелковые ткани, папиросы и сигары. В XVIII в. было много восстаний туземцев против притеснителей испанцев.

15. В МАНИЛЕ

«Сенявин» стал на якорь в полумиле от устья речки Пассик, на которой расположен город Манила. Эта речка вытекает из озера Лагуна-де-Бай и впадает в море, разделяя город на две части: Старую Манилу – на левом берегу, и Новую – на правом. Самый город лежит на острове Лусон, принадлежащем к той группе Филиппин, которая расположена немного южнее Японии. Коренные жители, населяющие Лусон, принадлежат к племени папуасов и малайцев.

Манила – старейшая европейская колония. Она основана в 1571 г. испанцами и до

конца испано-американской войны принадлежала им. Старая Манила окружена рвами и стенами, защищена крепостью и несколькими фортами. Красивый собор XVI в. и университет относятся к интереснейшим памятникам испанской старины. Новая часть города оживленная и шумная.

В первый день по приходе в Манилу после обеда очередное отделение команды и свободные от службы офицеры были уволены на берег. Моряки высадились на правом берегу и попали сначала в китайскую часть города. Китайцы давно обосновались в Маниле, их там довольно много. Китайцев несколько раз изгоняли, но они снова возвращались. В 1762 г. они поддержали англичан, которые во время войны с испанцами завладели городом и наложили на него большую контрибуцию. Испанцы смогли изгнать англичан, но ничего не могли поделать с китайцами, которые здесь так и остались. Фигуры их с длинными болтающимися косами виднелись всюду, только на главной улице Эскольте, куда первым делом пошли моряки, их было мало в шумной толпе испанцев, тагалов, метисов, малайцев и американцев.

Тагалы своими маленькими фигурками, темными молодежьими лицами напоминают японцев, с которыми у них много общего. Им собственно принадлежит Манила, и они по праву являются ее настоящими хозяевами. Тагалы были покорены испанцами, ко-

197

торые, подчинив их, навязали им свою веру. Тагалы большей частью некрасивы, но среди них попадаются типы, смешанные с испанской кровью, чрезвычайно красивые. Они очень способны, музыкальны и храбры. Тагалы занимали низкое положение среди испанцев, но тем не менее пользовались правами и были самым главным и многочисленным элементом в городе. У них были хорошие дома, базары и театр.

Тагалы одевались во все белое, мужчины в костюме подражали европейцам. Интересен костюм тагальских женщин. Он приготавливался из волокон ананасных бананов, дающих прекрасную легкую прозрачную материю, и состоял из кофты с широкими рукавами, наподобие монашеской рясы; юбкой служил кусок материи, которым обвертывали ноги, на талии его завязывали шнурком. От палящих лучей тропического солнца голова защищалась легким покрывалом из той же ананасо-банановой материи, на ногах тагалки носили туфли с толстой деревянной подошвой.

Главная улица города напоминала европейскую. По обеим ее сторонам находились многочисленные магазины с разнообразными товарами. Крики продавцов, стук и скрип колясок и повозок оглашали воздух. Пройдя в конец улицы, моряки перешли Испанский мост, через речку Пассик, и попали в Старую Манилу. Высокая стена окружала старинную испанскую крепость. Средневековьем повеяло, когда они вступили в нее: узкие улочки с высокими домами, окна которых защищены железными решетками; старые испанские соборы, обросшие зеленью; мраморные памятники королей и рыцарей. Все это сурово, угрюмо и вместе с тем своеобразно и по-своему красиво. Невольно вспоминались бывшее могущество испанской империи, ее завоевания и жестокая испанская инквизиция. Моряки быстро обошли всю крепость. Нашим путникам так понравилось, что жаль было отсюда уходить. Площадь называлась Косальдо, и на ней всегда от пяти до семи часов собиралось почти все население Манилы. Ежедневно здесь играл оркестр.

Спустя несколько дней путешественники осматривали табачные фабрики, где приготавливаются манильские сигары. Затем осмотрели знаменитый канатный завод, славившийся выделкой манильского троса (канат, не набухающий в воде и чрезвычайно легкий), приготавливаемого из волокна особого вида банана и применяемого для корабельных снастей. Манила по своему прекрасному климату, красивой тропической растительности и отличному расположению принадлежит к одним из самых очаровательных уголков мира. Здесь русские корабли простояли 17 дней. Значительную часть этого времени Литке посвятил заботам о снабжении и исправлении «Сенявина».

Изумительное богатство здешней природы позволило естествоиспытателям экспедиции собрать богатейшие коллекции флоры и фауны.

18 января оба шлюпа снялись с якоря и двинулись в дальнейший путь.

198

16. В ЗОНДСКОМ АРХИПЕЛАГЕ, В ИНДИЙСКОМ И АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНАХ

Оставив Манилу, шлюпы «Сенявин» и «Моллер» направились к Зондскому проливу. После одиннадцатидневного спокойного плавания Южнокитайским морем 29 января перешли в третий раз экватор и вступили в южное полушарие.

Около полудня 1 февраля наступило безветрие, и шлюпы стали на якорь перед самым входом в Зондский пролив. На одном из выступов высокого берега острова белела башня голландского маяка. С левой стороны виднелись два небольших островка. Оба они от самого берега до вершин гор были покрыты роскошной растительностью.

В водах Зондского пролива шлюпы «Моллер» и «Сенявин» пробыли одиннадцать дней. За это время моряки в периоды продолжительных штилевых полос оказались вынужденными по нескольку дней простаивать на якоре то у одного, то у другого острова.

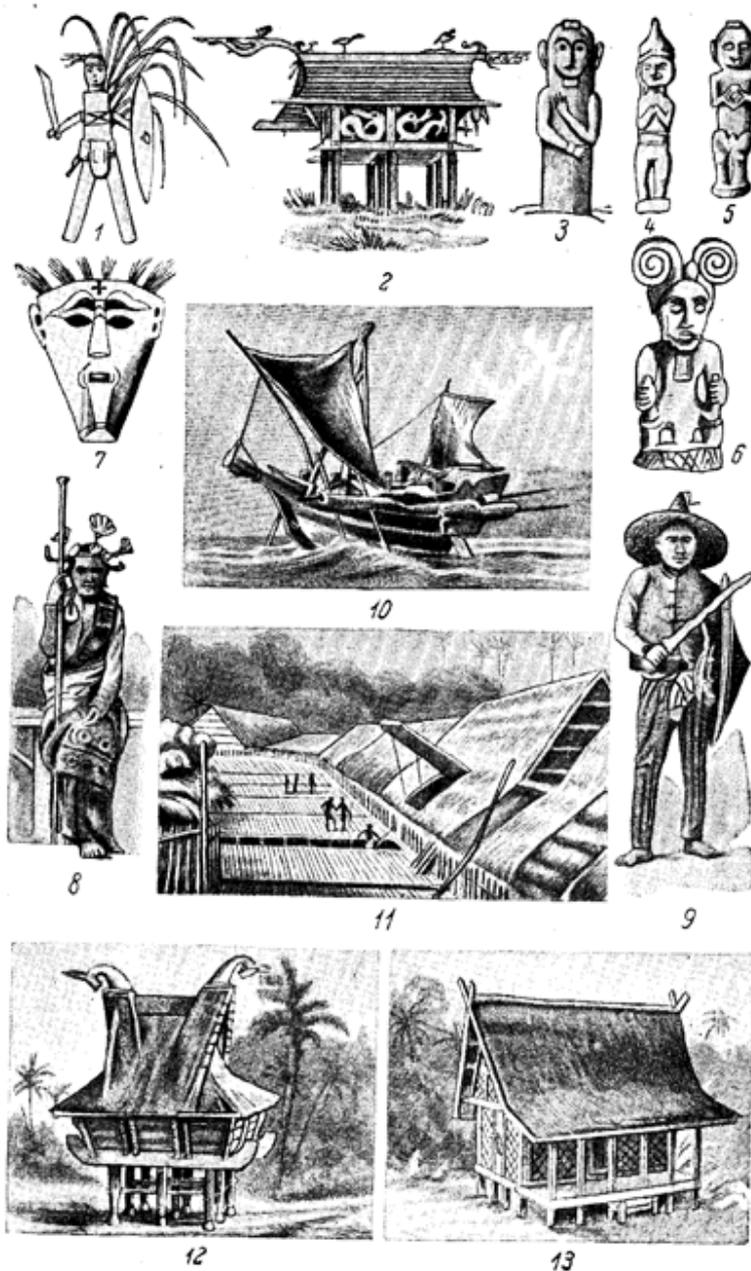
Зондский пролив разделяет острова Суматру и Яву. Посреди него разбросано много мелких островков. Став на якорь около Суматры, сенявинцы закинули невод. Какую массу разнообразной рыбы вытащили из моря! Были тут рыбы длинные, как иглы, толстые, как шары, покрытые шиповатой кожей, серебристые, полосатые, темные. Вместе с рыбой вытащили множество больших раков, которые составили лакомое блюдо к ужину; выловили и около двух десятков огромных губок. Вечером налетела гроза и начался такой ливень, какого моряки не видели за все время плавания. Казалось, море опрокинулось на корабли, и все окружающее исчезло из глаз. Но этот дождевой ураган скоро прошел, и над судами засверкали звезды.

Пребывание шлюпов у Зондских островов оказалось очень приятным. К столу офицеров и команды все время подавали ананасы и бананы. В лесах моряки сами набирали мангустаны и лимоны, зеленоватые, с довольно сильным запахом, отличавшиеся от лимонов, знакомых в России.

Снявшись с якоря, «Моллер» и «Сенявин» пошли проливом между Суматрой и Явой. Все любовались берегами острова, то далекими синеватыми, то близкими с виднеющимися на них горами и долинами, покрытыми роскошной зеленью. Всюду девственные леса зеленым ковром спускались по уступам холмов до тихого лазоревоего моря. У берегов плавали лодки с малайцами, блистая на солнце белыми парусами.

К шлюпам часто приставали малайские пироги с ананасами, кокосами и обезьянами. Корабли шли вдоль берега Явы и по ночам становились на якорь. Почти на каждом шагу открывались новые островки, один живописнее другого.

Большинство жителей островов ходило голыми. Тела их казались отлитыми из бронзы. На некоторых были надеты красные платки, белые, зеленые чалмы, тростниковые шляпы. На этих сказочно-прекрасных островах все было ярко, пестро, красиво.

Малайская культура.
 1, 3—6. Изображения предков (Ннас). 2. Гробница (Борнео). 7. Маска для танцев. 8. Крестьянская одежда (Ннас). 9. Морской разбойник (Сулу). 10. Суматрская парусная лодка. 11. Даякская деревня (Борнео). 12. Дом Батты (Суматра). 13. Дом на Яве.

11 февраля оба шлюпа вышли из Зондского пролива в Индийский океан и направились к южной оконечности Африки — мысу Доброй Надежды. Индийский океан встретил шлюпы миролюбиво, и за все плавание по нему не было ни одного шторма. «Моллер» и «Сенявин» шли под всеми парусами, иногда в кильватер один другому, иногда разлучались почти до предельной видимости. Штили и маловетрие в середине этого перехода были довольно неприятны, так как значительно задерживали движение шлюпов.

24 февраля «Моллер» расстался с «Сенявиным» и пошел один на мыс Доброй Надежды; Литке взял курс на остров Св. Елены, к которому и подошел около полудня 18 апреля.

Став на якорь на рейде Джемстауна, Литке поехал с визитом к губернатору острова генералу Делласу. Тот оказал русским морякам самое широкое гостеприимство.

Все офицеры и команда «Сенявина» несколько раз побывали в городе и его окрестностях и посетили могилу Наполеона I,¹ находившуюся в Лонгвуде, в 10,5 км от пристани. Дорога до Лонгвуда проходила по живописной местности среди роскошной долины. Кудрявая зелень, приятно ласкала взор после однообразного пятидесятидневного плавания.

Моряки осмотрели скромное деревянное жилище «знаменитого генерала Бонапарте» (как называли его на острове англичане). В одноэтажном доме было девять маленьких комнат с простыми крашеными полами. Ферма Лонгвуд после смерти Наполеона была возвращена английским правительством прежнему хозяину, который совершенно не заботился о ней и даже ставил лошадей в бывшую спальню Наполеона. Место погребения Наполеона было выбрано им самим задолго до кончины. Сюда он приходил ежедневно пить воду из находившегося тут колодца.

Благодаря содействию Г. Джонсона, директора обсерватории, только что основанной здесь Ост-Индской компанией, Литке за время стоянки в Джемстауне произвел ряд опытов над качанием маятника

26 апреля в Джемстаун прибыл шлюп «Моллер», и спустя два дня оба корабля вышли в море на Азорские острова.

17. Во Франции. Вторично в Англии. Возвращение

10 мая шлюпы пересекли экватор в четвертый и последний раз. 17 июня они зашли на один день на остров Фаял в Азорской группе записаться свежей провизией, а 30-го, после благополучного перехода, пришли в хорошо оборудованный морской порт Гавр-де-Грас, во Францию.

В Гавре шлюпы простояли три недели, исправили повреждения, полученные во время плавания, привели себя в порядок и приготовились к дальнейшему пути. Литке и ученые экспедиции ездили

---

¹ Тело Наполеона было торжественно перевезено во Францию в 1830 г. а похоронено в Доме инвалидов в Париже.

в Париж и делали в различных ученых обществах доклады об открытиях и исследованиях.

21 июля шлюпы оставили Гавр и продолжали свой путь: «Моллер» пошел прямо в Россию, «Сенявин» зашел в Темзу, близ Лондона, для производства сравнительных опытов над маятником в Гриничской обсерватории.

В свободное от службы время офицеры и команда шлюпа увольнялись на берег, и благодаря близости Лондона каждому удалось побывать в столице Англии. На моряков очень сильное впечатление произвели Темза и Лондон. Берега Темзы, довольно однообразные и пологие, были покрыты доками, верфями, пристанями, фабриками и заводами, а по всему пространству мутной реки в разных направлениях сновали парусные суда, лодки, шаланды. Воздух, наполненный дымом и копотью, нередко застилался таким туманом, что всякое передвижение прекращалось.

В Гриниче находятся два знаменитые учреждения: астрономическая обсерватория, меридиан которой большинство наций считает за первый,¹ и Дом инвалидов для престарелых моряков. Моряки подробно осмотрели эти учреждения, находившийся в Гриниче Морской музей с многочисленными реликвиями былых сражений, моделями судов и массой портретов знаменитых мореплавателей и адмиралов. Особенно выделяется зал, посвященный Нельсону. Его простреленная в Трафальгарском бою одежда, в которой он и скончался на палубе своего адмиральского корабля «Виктория», хранится здесь, как величайшая драгоценность. После осмотра достопримечательностей моряки знакомы с уличной жизнью города, заходили в сады, парки, магазины и рестораны. Вечера они проводили в театрах или в цирке.

Трехнедельная стоянка в Темзе стала немного тяготить наших путешественников. Частые туманы, дожди и вечная копоть наводили на них тоску. Сам Литке проводил почти все время в Гриничской обсерватории, где совместно с английскими учеными производил сравнительные опыты над постоянными маятниками.

Покинув туманную Англию, 18 августа «Сенявин» миновал Копенгаген и вступил в Балтийское море. Стояла прекрасная погода. Живописные, хорошо знакомые берега Норвегии, Дании и Швеции быстро промелькнули перед глазами. Подгоняемый свежим попутным ветром, «Сенявин» резво шел вперед, приближаясь к Финскому заливу.

25 августа шлюп «Сенявин» прибыл в Кронштадтский рейд. Загрохотал пушечный салют «Сенявина» и ответный салют Кронштадтской крепости. Вечером 4 сентября шлюп втянулся во внутреннюю кронштадтскую гавань. Компания была закончена. Плавание «Сенявина» продолжалось три года и пять дней.

Главнейшие открытия Литке произведены в Великом океане и в Беринговом море; астрономически определены важнейшие пункты

---

¹ Гриничский меридиан удобнее всего считать за первый, т. е. вести от него счет остальных меридианов, потому что лучшие морские карты и морские пособия издаются английским адмиралтейством.

202

Камчатки, измерены высоты многих гор, описаны подробно неизвестные до того острова Каролинские, острова Карагинские, Св. Матвея и Чукотские берега от Восточного мыса (Дежнева) до устья р. Анадырь; открыт и описан пролив Сенявина со всеми находящимися в нем бухтами; определены острова Прибылова, Лисьи и многие другие в Алеутском архипелаге. В Каролинском архипелаге исследовано пространство от острова Юалан до группы Улеа; открыто двенадцать и описано двадцать шесть групп и много отдельных островов; собрано много данных для определения географического положения мест, в которые заходил «Сенявин». Литке открыл обитаемый остров Пыйнипет и две коралловые группы (50 миль в окружности) и назвал эти острова Сенявинскими. Он же описал острова Бонин-Сима. Открытия Литке в Каролинском архипелаге были настолько важны, что к его авторитету прибегали во время спора Германии с Испанией из-за этих островов в 1885 г. Во время плавания Литке производил метеорологические наблюдения над часовыми колебаниями барометра на 30° к югу и к северу от экватора, а также наблюдения над проливами и отливами в Атлантическом и Великом океанах. По результатам своим, по отзывам специалистов, экспедиция Литке на «Сенявине» была самой интересной, самой счастливой и самой плодотворной из всех 29 научных экспедиций XIX и XX веков. Богатый и разнообразный научный материал и всевозможные экзотические коллекции, вывезенные из кругосветного путешествия, возбудили всеобщий восторг в ученом мире и доставили Литке мировую известность.

Особенно замечательны его наблюдения над магнитной стрелкой и над качанием постоянного маятника.¹ Этими опытами была определена величина сжатия земного шара – явление, точное знание которого весьма важно для геодезических работ и для точнейшего исследования некоторых сложных движений в солнечной системе. Опыты и наблюдения Литке принадлежат к числу наилучших в этой области. Сочинение его «Опыты над постоянным маятником» награждено Академией наук полной Демидовской премией, сам Литке избран в члены-корреспонденты Академии наук.

Вернувшись из кругосветного плавания в Россию, Литке сблизился со многими академиками – Купфером, Струве, Остроградским, а в 1829 г. познакомился во время его пребывания в России с Гумбольдтом и пользовался большим вниманием этого великого ученого.

Наблюдения Литке легли в основу многочисленных трудов других ученых. Академик Э.Э.Ленц разработал его магнитные наблюдения и напечатал заметку о наблюдениях Литке над приливами и отливами. Гельсингфорсский профессор Гельштрем написал

---

¹ Сравнения их с наблюдениями иностранных мореплавателей Фрейгинса, Дюпарре и Сабина привели к замечательной гипотезе, что земля не представляет правильного эллипсоида вращения, что Атлантическая часть южного полушария более выпукла

сравнительно с противоположной ее стороной. Эти же результаты показали, какое важное влияние на качание маятника имеет геологический характер почвы.

203

сочинение о барометрических наблюдениях Литке и о теплоте в тропических климатах, на основании тех же наблюдений. Профессор Ганстейн воспользовался изысканиями Литке при издании в 1833 г. карт изодинамических линий.

В 1830 г. Литке был назначен начальником посланного в Атлантический океан отряда судов, на которых находились офицеры 1-го выпуска офицерских классов, гардемарины Морского корпуса и морской учебный экипаж. Во время плавания отряд заходил в Исландию, в Англию, во Францию, в Швецию и Данию. В 1831 г. Литке был командирован в Данциг для организации снабжения провиантом русских войск в Польше. Поручение это он выполнил наилучшим способом.

Принимая всегда самое энергичное участие в ученой жизни, Литке организовал в 1845 г. в Петербурге Русское географическое общество, по образцу Лондонского. Звание президента Географического общества принял на себя генерал-адмирал, вице-президентом был Ф. П. Литке. Эту обязанность Литке исполнял с 1845 г. по 1873 г., за исключением лишь, периода с 1850 по 1856 гг., когда он находился по службе вне Петербурга. Задачей общества было изучение России в географическом, экономическом и этнографическом отношениях.

В дальнейшей своей службе Литке чрезвычайно быстро поднимался по служебной лестнице и занимал, будучи адмиралом, высшие должности во флоте. Так, в 1846 г. он был назначен председателем Морского ученого комитета, с 1850 г. по 1853 г. был главным командиром и военным губернатором Ревельского порта, с 1853 г. по 1855 г. главным командиром и военным губернатором Кронштадтского порта. Это было весьма важное и трудное поручение. Настала необходимость принять быстро военные меры по укреплению Кронштадта и защите побережья. Благодаря своим высоким дарованиям и необыкновенному трудолюбию Литке и здесь, среди чрезвычайно трудных обстоятельств того времени, оказался на высоте своего положения. Помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, он постоянно участвовал в совещаниях по обороне Балтийского побережья и о Балтийском флоте. Благодаря его плану обороны и принятым мерам Балтийский флот успешно боролся с громадной английской эскадрой лорда Непира и заставил ее с потерями покинуть Балтийское море.

В 1855 г. Литке был назначен членом Государственного совета и членом комитета о раненых.

Присутствуя в Государственном совете в департаменте законов, он с величайшей добросовестностью изучал все проходившие через его руки дела, подготовлялся к их обсуждению, спрашивал совета у специалистов, чтобы совершенно сознательно подать свой голос.

Литке был одним из наиболее замечательных деятелей различных научных обществ и учреждений. В продолжение 26 лет принимал он живейшее участие в трудах Академии наук, последние 18 лет жизни был ее президентом, был почетным членом: Морской академии, Морского ученого комитета, Дерптского и Харьковского университетов, Географических обществ в Лондоне и Антверпене,

204

членом-корреспондентом Парижской академии наук и многих других иностранных ученых обществ и учреждений.

Будучи президентом Академии наук, Литке трудился неустанно, живо интересуясь успехами всех отраслей наук. Он всеми силами старался возбудить у своих товарищей-академиков стремление к серьезной науке, добросовестное служение которой, по его словам, составляло «главную задачу и долг их перед отечеством и Академией». Особенно много сделал он для Главной физической и Пулковской обсерваторий, добился увеличения их средств и учредил в Павловске магнитную метеорологическую обсерваторию, считающуюся лучшей в Европе по своему оборудованию.

Должность президента Академии наук Литке оставил только за 4 месяца до своей кончины; здоровье его было совершенно расстроено, и он ослеп.

Скончался Литке 8 октября 1882 г. Он оставил после себя много научных трудов и весьма обширный архив.

Из трудов его наиболее замечательны: «Опыты над постоянным маятником, произведённые в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», «О приливах и отливах в Северном Арктическом океане», «Об экспедиции в Азовское море», «Жизнь моряка» и разборы сочинений: Тихменева «Историческое обозрение Российско-американской компании» и Сидорова «Туруханский край».

Значительную часть архива Литке составляют записки, составленные им во время двух знаменитых экспедиций. Много интересного представляет деловая и официальная его переписка. Весьма ценной и интересной является автобиография Литке.

Как человек он отличался редкой приветливостью, добротой, строгой справедливостью, чрезвычайной скромностью и полным беспристрастием. Жизнь Литке, помимо того интереса, какой представляет она для истории географической науки, служит образцом неустанного труда, одушевленного истинной любовью к знанию».

Именем Литке названы: остров в Северном Ледовитом океане, мыс на юго-западном берегу Охотского моря, мыс на северо-западном берегу Амурского залива, пролив между островом Карагинский и Камчаткой в Беринговом море и ледорез ледокольной флотилии, ежегодно совершающий рейсы северным морским путем.

205

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725-1742 гг. Изд. Главсевморпути. Л. 1935 г.
2. Верх В. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб. 1823 г.
3. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I-III. СПб. 1840 г.
4. Доклад Комитета об устройстве русско-американских колоний. СПб. 1863 г.
5. Знаменский С. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Книжное дело. Благовещенск. 1929 г.
6. Ивашинцев Н. Русские кругосветные путешествия. Записки Гидрографического департамента, ч. VII и VIII. СПб. 1849-1850.
7. Список кораблей, участвовавших в кругосветных плаваниях. «Северная пчела». 1851 г. № 106-1108.
8. Романов Вл. Заметки на статью: Список кораблей, участвовавших в кругосветном плавании. «Северная пчела», 1851 г. № 120.
9. Марко Ал. Русские на восточном океане. Журнал «Москвитянин», 1849 г. № 8-10, 14 и 16. Отдельное издание. М. 1849 г.
10. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, выл. 1-4. Приложение к «Морскому, сборнику». СПб. 1861 г.
11. Начало наших кругосветных плаваний. Записки Гидрографического департамента, ч. VII. СПб. 1850 г.
12. О бывшем российском заселении на берегах верхней Калифорнии. «Северная - пчела», 1849 г. № 32.
13. Окунь С. Б. Российско-американская компания. Гос. экон. изд. М.-Л. 1939 г.
14. Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. Гос. соц.-экон. изд. Ленингр. отдел-. 1938 г.
15. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I-II. СПб. 1861-1863 гг.
16. Головин В. Замечания на донесение Американского Комитета о состоянии колоний. «Сын отечества», 1822 г. № 18 и 19.
17. Ето же. Замечания русского о мысе Доброй Надежды. «Сын отечества», 1816

г. №№ 21, 25 и 26.

18. Записки капитан-лейтенанта В. М. Головнина о плавании его на военном шлюпе «Диана» для описи Курильских островов в 1811 г. СПб. 1819 г.

19. Записки капитан-лейтенанта В. М. Головнина. Путешествие русского военного шлюпа «Диана» в 1807-1809 гг. СПб.

20. Зимование в Камчатке 1809-1810 гг. Из записок Головнина. «Сын отечества», 1816 г. №№ 13 и 14.

21. Головнин В. М. Обзор русских колоний в северной Америке. «Морской сборник», 1862 г. № 1.

22. Отрывки из записок капитана Головнина. «Сын отечества», 1816 г. № 17.

23. Письма В. М. Головнина о Камчатке. «Сын отечества», 1818 г. №№ 46, 47 и 52.

24. Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг., ч. I-II. СПб. 1829 г.

25. Головнин В. М. Сочинения и переводы, т. I-V. СПб, 1864 г.

26. Греч Н. Адмирал В. М. Головнин. СПб.

27. Зонин А. Капитан «Дианы». Военно-Морское Изд-во. Л. 1939 г.

28. Освобождение капитана Головнина из японского плена. «Сын отечества», 1815 г. №№ 10-12.

29. Путешествие вокруг света Головнина. «Сын отечества», 1820 г. № 138.

206

30. Путешествие капитана Головнина на Курильские острова. «Сын отечества». 1814 г. №№ 6, 8 и 9,

31. Рикорд П. Известия о пленении Головнина. Записки Госуд. адмиралт. департ., ч. III и VII. СПб. 1816 и 1824 гг.

32. Ето же. Записки о плавании к японским берегам в 1812 и 1813 гг. я о сношениях с японцами. СПб. 1851 г.

38. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, совершенное на кораблях «Надежда» и «Нева», ч. I-III. СПб. 1809-1812 гг.

34. Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». СПб. 1812 г.

35. Веселаго Ф. Адмирал И. Ф. Крузенштерн.

36. Мальтбрюн. О плавании вокруг света кораблей «Надежда» и «Нева». 1803-1806 гг. «Вестник Европы», 1822 г., т. СХХI.

37. Новиков Н. На кораблях Крузенштерна. «Молодая гвардия» 1930 г.

38. О первом путешествии русских кругом света. «Статистический журнал», 1806 г.

39. О первом российском посольстве в Японии. «Друг просвещения», 1804 г. т. IV.

40. Первое путешествие россиян около света. «Вестник Европы», 1806 г., кн. XXX.

411. Ратманов и Ромберг. Письма русских путешественников из Бразилии. «Вестник Европы», 1804 г., кн. XVI.

42. Резанов Н. Первое путешествие россиян вокруг света. «Отечественные записки» 1822 г., X-XII; 1824 г., XX; 1825 г., XXIII и XXIV.

43. Тилезиус. Известие о естественном и политическом состоянии жителей острова Нукатива. «Технический журнал», 1806 г. № 3.

44. Шемелин Федор. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, ч. I-II. СПб. 1816 и 1818 гг.

45. Шуберт. О существовании Девисовой земли Крузенштерна. «Технологический журнал», 1806 г.

46. Литке Ф. П. Автобиография.

47. Ето же. О проливах в Северном Великом океане и Ледовитом море. Записки Гидрографического департамента, ч. II. СПб:

48. Ето же. Отрывок из журнала путешествия вокруг света на шлюпе Камчатка 1819 г. Журнал «Благонамеренный», 1824 г. XXV.

49. Его же. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. Отделение историческое, ч. I-II. СПб. 1834-1836 гг. Отделение мореходное. СПб. 1836 г.
50. Его же. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное на военном бриге «Новая Земля» в 1821-1824 гг., ч. I-II. СПб. 1823 г.
51. Адмирал Ф. П. Литке. Портретная галерея русских деятелей, т. I. СПб. 1865 г.
52. Адмирал Ф. П. Литке. Русские современные деятели, т. II. Изд. Баумана. СПб. 1877 г.
53. Везобразов В. Адмирал Ф. П. Литке. Приложение II к т. I, VII Записок Академии наук. СПб. 1853 г.
54. Веселаго Ф. Воспоминания об ученых заслугах члена-учредителя Русского географического общества гр. Ф. П. Литке. Известия Русск. географ. общ., т. XIX. СПб. 1883 г.
55. Известие о третьей экспедиции капитан-лейтенанта Литке в Северный Ледовитый океан. «Северный архив», 1824 г. IX.
56. Изображение и описание морских растений, собранных в Северном и Тихом океанах у берегов российских владений в Азии и Америке в путешествие вокруг света под командою флота капитана Федора Литке. Изд. Постельсом и Францем Рупрехтом. СПб. 1904 г.
57. Нозиков Н. Кругосветное путешествие Литке на военном шлюпе «Сенявин». «Московское товарищество писателей», 1933 г.
58. Постельс А. Заметки натуралиста во время плавания на -военном шлюпе «Сенявин» 1826-1829 гг.
59. Струве О. В. Об ученых заслугах гр. Ф. П. Литке. Записки Академии наук. СПб. 1883 г.

207

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. А. Сергеев. Первые русские кругосветные плавания	3
И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский	18
1. Первая экспедиция на восток	
2. Выход из Кронштадта. Пребывание в Дании и Англии	22
3. Канарские острова. Стоянка у острова Teneriff	24
4. На пути в Бразилию	26
5. У острова Св. Екатерины	28
6. От Бразилии к Вашингтоновым островам	30
7. На острове Нукагива	32
8. На Сандвичевых островах	38
9. В Петропавловске-на-Камчатке	43
10. Русское посольство в Японии	45
11. В Японском море	63
12. На Камчатке и Сахалине. Приход в Макао	66
13. В Русской Америке	72
14. На пути в Китай. Стоянка в Вампу	86
15. На Зондских островах	94
16. В Индийском океане	96
17. Возвращение	97
В. М. Головнин	104
1. Жизненный путь мореплавателя	
2. Отправление в дальний вояж. В плену у англичан	106
3. От мыса Доброй Надежды до Камчатки	
4. Исследование Курильских островов. В плену у японцев	115
5. Возвращение в Россию. Плавание на шлюпе „Камчатка" от Кронштадта до Петропавловска. На Командорских и Алеутских островах	123

6. На Сандвичевых и Филиппинских островах	127
Ф. П. Литке	131
1. Кругосветный мореплаватель и исследователь	
2. Из Кронштадта в Копенгаген и Портсмут	134
3. На Канарских островах. Переход через Атлантический океан. В Рио-де-Жанейро	138
4. К мысу Горн. В Чили: Консепцион и Вальпарайсо	143
5. От Чили до Новоархангельска	147
6. В Русской Америке	149
7. В Алеутском архипелаге	152
8. На Камчатке	157
9. На острове Юалан в Каролинском архипелаге	158
10. Открытие островов Сенявина. На островах Мартлока	168
11. В Марианском архипелаге. Снова на Каролинских островах	177
12. На островах Бонин-Сима	182
13. Возвращение на Камчатку. Исследование побережья Берингова моря	184
14. От Камчатки до Филиппинских островов	195
15. В Маниле	197
16. В Зондском архипелаге, в Индийском и Атлантическом океанах	199
17. Во Франции. Вторично в Англии. Возвращение	201
18. Использованная литература	206

Редактор М. А. Сергеев

Подписано к печати 19/V-1941 г. ГМ 14575
 Объем печ. л. 13 уч.-авт. л. 15,08 В печ. листе знаков 48.000

Цена книги 4 руб. 50 коп., переплета 1 руб. 50 коп. Зак. № 111

---

4 типография ОГИЗа треста „Полиграфкнига" им. Евг. Соколовой
 Ленинград, пр. Красных Командиров, 29
